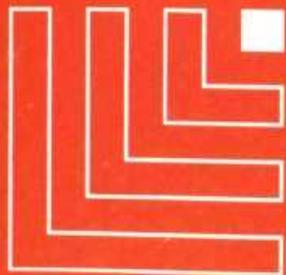

В.Н.КОМИССАРОВ

СОВРЕМЕННОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Москва
<http://www.ets.ru>

Издание одобрено:
Министерством общего и профессионального образования РФ,
Межотраслевым институтом повышения квалификации и
переподготовки специалистов МГЛУ,
кафедрой лингвистической прагматики и межкультурной
коммуникации МИПКППС

Рекомендовано к печати

Ученым советом Московского государственного лингвистического университета

В. Н. Комиссаров. Современное переводоведение. Курс лекций. — М.: ЭТС. — 1999. — 192 с.

Редактор — почетный доктор филологических наук, действительный член РАЕН
профессор *Ольховиков Борис Андреевич*

Предлагаемый вниманию читателя курс лекций прежде всего рассчитан на специалистов, изучающих переводческую проблематику. Но и тем, кто только делает первые шаги в освоении такой непростой области деятельности, как перевод, эта книга поможет правильно оценить качество своей работы, разобраться в возникающих проблемах, грамотно сориентироваться в особенностях своей профессии. Книга написана доступным широкому кругу читателя языком.

Все критические замечания и предложения просьба направлять по адресу:

*103062 Москва, Подсосенский пер. 13, издательство «ЭТС»;
т./ф. (095) 917-21-60; e-mail. ets@ets.ru.*

Информация о новинках издательства «ЭТС», полный каталог, демонстрационные версии словарей Polyglossum, электронных книг серии «Русские словари» и другие полезные сведения и программы — на странице издательства в Интернет:

<http://www.ets.ru>

Запрещается полное или частичное воспроизведение настоящего словаря в любой форме без письменного разрешения издательства.

No part of this edition may be translated, reproduced or transmitted in any form or by any means without the written permission of publishers.

ISBN 5-93386-015-8

© Издательство «ЭТС», 1999 г.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее учебное пособие представляет часть цикла лекций по современному переводоведению, предназначенного для слушателей аспирантуры и магистратуры, изучающих переводческую проблематику, студентов переводческих отделений университетов и всех лиц, интересующихся теорией и практикой перевода. Цикл включает пять взаимосвязанных курсов лекций: «Общелингвистическое введение в переводоведение», «Основы общей теории перевода», «Зарубежное переводоведение», «Теоретические основы методики обучения переводу» и «Основы частной теории перевода».

Первые четыре курса освещают основную проблематику науки о переводе, общую для любых комбинаций языков и могут читаться для «разноязычных» аудиторий, а в пятом освещаются особые переводческие проблемы в рамках отдельных пар языков.

Переводческая деятельность в современном мире приобретает все большие масштабы и все большую социальную значимость. Профессия переводчика стала массовой, и во многих странах созданы специальные учебные заведения, готовящие профессиональных переводчиков. В той или иной форме переводами занимаются представители многих других профессий. Вопросы перевода интересуют широкие круги общественности. На основе многочисленных исследований возникла новая научная дисциплина — современное переводоведение.

В.Н.Комиссаров

Несмотря на то, что наука о переводе сравнительно молода, теоретические работы в области перевода весьма многочисленны и трудно обозримы. Особенно обширна литература, в которой переводческая проблематика рассматривается с позиций современного языкознания. Результаты лингвопереводческих исследований создают научную основу для разработки программы подготовки будущих переводчиков, а изучение лингвистической теории перевода составляет важную часть этой подготовки.

Овладение теоретическим богатством современной науки о переводе предполагает предварительное знакомство с ее лингвистическими основами и главными разделами. Эту цель и преследует цикл лекций, о котором шла речь. Следует учитывать, что лекции цикла — это своего рода введение в лингвистическое переводоведение, и они не могут претендовать на сколько-нибудь подробное изложение рассматриваемых языковедческих и переводоведческих концепций.

Настоящее пособие включает 10 лекций, охватывающих два первых курса цикла. Первая часть пособия — «Общелингвистическое введение в переводоведение» состоит из четырех разделов.

В первом разделе, озаглавленном «Перевод как объект лингвистического исследования», рассматриваются особенности возникновения и развития лингвистической теории перевода, факторы, препятствовавшие включению перевода в сферу интересов языкознания, а также объективные и субъективные причины, сделавшие изучение перевода лингвистическими методами возможным и необходимым. Кратко характеризуется многообразие языков в мире, вызывающее потребность в переводческой деятельности, его причины и перспективы. Раскрываются лингвистические причины переводческих трудностей (несовпадение значений, «языковых картин мира» и называемых объектов) и общие принципы устройства и функционирования всех языков, которые позволяют находить пути преодоления этих трудностей. Наряду с существованием универсалий различного уровня, рассматриваются гипотезы, объясняющие единство человеческого мышления, способность ребенка овладевать любым языком и возможность приравнивания значений языковых единиц и речевых высказываний в межъязыковой коммуникации. В заключи-

тельной части раздела описываются лингвистические методы исследования перевода, как традиционно используемые в других областях языкознания (методы компонентного, трансформационного и статистического анализа), так и модифицированные для целей переводческого исследования методы моделирования, интроспекции, психолингвистического эксперимента и др.

Второй раздел пособия озаглавлен «Лингвoseмиотические основы переводоведения». Здесь кратко освещаются основные понятия семиотики, характеризуется язык как система знаков особого рода. Демонстрируется обусловленность перевода основными свойствами языкового знака, его произвольностью, двусторонностью и значимостью, его существованием в языке и речи, его семантической структурой, отношениями с обозначаемыми объектами, с другими знаками и с пользующимися языком. Идентифицируются переводческие проблемы, связанные со структурой языка, его нормой и узусом, с прагматическими и синтагматическими связями его единиц. Особое внимание в разделе уделяется особенностям использования языковых знаков для построения сообщений, основным компонентам и определяющим факторам вербальной коммуникации. Перевод определяется как средство межъязыковой коммуникации и один из видов языкового посредничества. Проблема переводимости рассматривается в связи с потерями информации в процессе передачи сообщения. Раскрывается коммуникативная схема перевода, отражающая роль источника информации, переводчика и рецепторов оригинала и перевода, а также соотношение процесса перевода с его результатом и другими релевантными факторами.

Третий раздел пособия «Текстологические аспекты переводоведения» посвящен использованию в теории перевода положений лингвистики текста. Рассматривается роль текста в процессе речевой коммуникации как сложного формально-содержательного образования, обладающего вертикальной, горизонтальной и глубинной структурой. Раскрывается понятие тема-рематической структуры текста и его смысловой стратификации (соотношение языкового, конкретно-контекстуального и имплицитного содержания). Объясняется различие между пресуппозицией и импликацией и описываются различные виды имплицативных связей и способы их воспроизведения при переводе. Особое вни-

мание уделяется проблемам понимания текста на разных уровнях и вариативности передачи этого содержания в переводе. В заключение раздела определяется роль текста как единицы перевода, разбираются принципы создания переводческой типологии текстов и текстоцентрические концепции перевода (теория «скопос»).

Последний раздел первой части посвящен описанию лингвокультурологических и социолингвистических аспектов переводоведения. Здесь рассматривается отражение в переводческой проблематике двух разных сторон проблемы «язык и общество» — существование языка как единого социально-культурного образования и отражения в нем неоднородности социума. Культурологические аспекты переводоведения включают изучение как роли перевода в развитии культуры (источник сведений о других культурах, вклад в формирование национального языка и литературы, доступ к научно-технической информации и пр.), так и культурной обусловленности переводческой деятельности (выбор переводимых текстов, общественный статус профессии, влияние на стратегию переводчика и пр.). В разделе освещаются переводческие проблемы, связанные с национально-культурными особенностями построения и использования речевых высказываний, формирования фоновых знаний и передачи реалий. В свете проблемы «язык и мышление» и гипотезы Сепира—Уорфа анализируются культурно-этническая концепция перевода и проблема культурной адаптации перевода

Во второй части раздела рассматриваются проблемы перевода, возникающие вследствие социального расслоения языка (варианты языка, территориальные, социальные и профессиональные диалекты). Описывается отражение в переводе несовпадения языковых средств аналогичных функциональных стилей и речевых регистров в разных языках. Особо рассматриваются способы перевода различных типов ненормативной лексики.

Вторая часть пособия «Основы общей теории перевода» состоит из шести разделов. Основные направления современного переводоведения во многом связаны с особенностями переводческой деятельности в последние десятилетия. Поэтому рассмотрению основных концепций общей теории перевода предшествует раздел «Перевод в современном мире», где кратко из-

лагается историческая эволюция переводческой деятельности (особенно на ее современном этапе). Уже в первой лекции курса мы говорили о резком увеличении масштабов переводческой деятельности после Второй мировой войны, о появлении новых видов перевода, о выдвигании на первый план информативных переводов. Все эти факторы внесли существенные изменения в требования, предъявляемые к переводу, и в условия работы переводчиков. В разделе кратко характеризуются эти изменения и демонстрируются повышенная ответственность и сложность деятельности переводчика.

Прежде всего подчеркивается, что в современных условиях значительно возросли требования к точности перевода. Ошибки в переводе ответственных текстов могут повлечь за собой самые серьезные последствия — политические конфликты, материальные потери или человеческие жертвы. В разделе приведен ряд примеров из переводческой практики, показывающих, какими неприятностями для переводчика может быть чревато даже незначительное отклонение от оригинала.

В разделе последовательно освещаются такие отличительные черты современной переводческой деятельности, как преобладание текстов технического характера, большое тематическое, языковое и стилистическое разнообразие переводимых текстов, практическая невозможность узкой специализации, существование канонических переводов.

В последней части раздела дается краткая характеристика основных этапов истории перевода в России от времен Киевской Руси до наших дней. В истории России, где алфавит, переводы и литература возникли одновременно, деятельность переводчиков всегда играла важную роль. В разделе прослеживается превращение России в великую переводческую державу, называются имена переводчиков, внесших особый вклад в развитие отечественной школы перевода, характеризуются принципы выбора языков и текстов для перевода, описываются организационные формы, государственная политика в области переводческого дела и социальный статус переводчиков на разных этапах истории.

Следующий раздел этой части пособия содержит общую характеристику современной теории перевода. В отличие от многочисленных высказываний о переводе, которые на протяжении

В.Н.Комиссаров

многих веков формулировались, главным образом, самими переводчиками, основные положения современной науки о переводе носят не прескриптивный, а дескриптивный характер, то есть выводятся в результате обобщения реально наблюдаемых фактов. В разделе разбираются возражения против научного описания переводческой деятельности, что якобы принципиально невозможно в силу творческого характера этой деятельности, и раскрывается сложная связь теории перевода и переводческой практики. Определяется понятие «перевод» как важнейший вид языкового посредничества, изучение которого составляет предмет переводоведения, и сопоставляются задачи общей, частной и специальной теорий перевода. Далее приводится краткая характеристика письменного и устного переводов, а также даются определения терминам «эквивалентность», «адекватность», «буквальный перевод» «свободный (вольный) перевод». В заключение раздела вводится понятие переводческой ситуации и характеризуется влияние на ход и результат переводческого процесса ее составляющих: цели перевода, типа переводимого текста и характера предполагаемого рецептора перевода.

В третьем разделе второй части пособия рассматривается одна из центральных проблем теории перевода — понятие переводческой эквивалентности. Мы уже отмечали, что хотя перевод предназначен для полноправной замены оригинала, его полная тождественность исходному тексту недостижима и можно говорить лишь об эквивалентности, то есть о какой-то степени близости перевода к оригиналу. В то же время эквивалентность признается важнейшей характеристикой перевода и предлагаются различные пути определения этого понятия. В разделе разбираются попытки определить эквивалентность как максимальную близость перевода к оригиналу и как сохранение какой-то инвариантной части содержания. Большая часть раздела посвящена описанию процедуры эмпирического определения эквивалентности путем сопоставления значительного числа реально выполненных переводов с их оригиналами. Выявляются несколько типов эквивалентности, в которых близость перевода к оригиналу оказывается различной, и в каждом таком типе раскрываются лингвистические основы этой близости. Демонстрируются способы достижения эквивалентности в рамках каждого типа (на

каждом уровне эквивалентности) и связанные с этим проблемы передачи в переводе отдельных компонентов структуры содержания высказывания и текста.

Четвертый раздел второй части пособия посвящен рассмотрению прагматических аспектов перевода. В разделе дается определение прагматического потенциала текста и характеризуются факторы, влияющие на реализацию этого потенциала. Определяется понятие прагматики перевода, излагаются концепции, связывающие прагматическую адекватность перевода с типом переводимого текста и с целью перевода. Рассматриваются причины, вызывающие необходимость прагматической адаптации перевода, и описываются основные виды такой адаптации с целью обеспечить полное понимание, адекватное восприятие, желаемую реакцию и решение прагматической «сверхзадачи». В заключение разбираются факторы, влияющие на оценку качества перевода, подчеркивается ведущая роль в этой оценке прагматического фактора и описываются практические методы оценки.

В следующем разделе пособия рассматриваются проблемы описания процесса перевода. Поскольку этот процесс осуществляется в голове переводчика и его нельзя наблюдать непосредственно, в теории перевода используются различные косвенные методы анализа. В начале раздела описываются попытки исследовать переводческий процесс путем выделения в нем отдельных этапов, а также использования методов интроспекции, особенно с помощью метода эксперимента «думай вслух». Разбираются достоинства и недостатки этих методов и оцениваются данные о мыслительных операциях переводчика, полученные таким путем.

Основная часть раздела посвящена описанию методов моделирования переводческого процесса и представления действий переводчика в виде различных типов межъязыковых преобразований (трансформаций). Характеризуются принципы построения и объяснительная сила ситуативной, трансформационной, семантической и психолингвистической моделей перевода. При описании каждой модели рассматриваются ее теоретические основы, способ осуществления перевода по этой модели, доказательства реальности модели и причины, ограничивающие ее объяснительную силу.

В.Н.Комиссаров

Раздел завершается описанием основных типов лексических, грамматических и лексико-грамматических трансформаций. В каждом случае раскрывается сущность приема, выявляются основания для его применения и приводятся примеры переводов, в которых он был использован.

В последнем разделе пособия излагаются основы теории переводческих соответствий. В процессе перевода между единицами двух языков устанавливаются определенные отношения и обнаруживаются единицы языка перевода, которые регулярно используются для передачи значения определенных единиц исходного языка. В разделе дается классификация типов подобных соответствий, раскрываются способы их взаимодействия с лингвистическим и ситуативным контекстом, описываются приемы перевода единиц исходного языка, не имеющих регулярных соответствий. Основное содержание раздела составляет подробное рассмотрение лексических, фразеологических и грамматических соответствий, которые обнаруживаются в переводах различных текстов, выполненных разными переводчиками.

В связи с ограниченностью объема пособия во всех его разделах излагаемые положения иллюстрируются только примерами из англо-русских переводов, хотя при чтении лекций в зависимости от состава аудитории в качестве иллюстративного материала используются и другие комбинации языков. Следует подчеркнуть, что в курсе рассматриваются проблемы общей теории перевода, положения которой приложимы к любой комбинации языков...

ЧАСТЬ 1

ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Лекция N 1

ПЕРЕВОД КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Перевод — это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе — переводоведении — могут выделяться культурологические когнитивные, психологические, литературные и прочие аспекты.

Однако традиционное представление о том, что главную роль в переводе играют языки, получило серьезное научное обоснование, и в современном переводоведении ведущее место принадлежит лингвистическим теориям перевода. Следует заметить, что включение перевода в сферу интересов языкознания произошло сравнительно недавно и при этом пришлось преодолеть значительные трудности. До сих пор в большинстве фундаментальных работ по лингвистике отсутствует даже упоминание о переводе как о возможном объекте лингвистического исследования, хотя уже Р.Якобсон подчеркивал, что «широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, особенно переводческая деятельность должна находиться под постоянным наблюдением лингвистической науки».

Отсутствие у многих языковедов интереса к переводческой проблематике в первой половине 20-го столетия способствовало преобладанию в лингвистической науке идей структурализма. Стремясь обеспечить объективное описание языка, приблизить лингвистику к «точным» наукам, языковеды с готовностью восприняли призыв Соссюра изучать язык «в себе и для себя», ограничиваясь областью «внутренней лингвистики» или иначе «микрولينгвистики». Добиваясь научной точности и объективности, языковеды сосредоточили свое внимание на тех сторонах языковой структуры, которые можно непосредственно наблюдать, измерять, подсчитывать, доказательно описывать и классифицировать: звуковой, морфемный и лексический состав языка, его синтаксический строй, синтагматические и парадигматические связи его единиц, их сочетаемость, распределение в текстах (дистрибуция), частотность употребления и т.п. В результате языкознание достигло значительных успехов в научном анализе структурной организации многих языков.

Однако из структуралистского подхода к изучению языка логически вытекала необходимость отказа от исследования содержательной стороны языка. Поэтому всякие суждения о значениях заведомо считались ненаучными, «менталистскими», и семантике не находилось места в науке о языке. По этой же причине максимальной единицей языка, подвергавшейся анализу, оказывалось предложение, поскольку более крупные (речевые) единицы — тексты — невозможно было объективно анализиро-

вать, не обращаясь к их семантической структуре. Понятно, что такая лингвистика не способна была заниматься проблемами перевода, суть которого заключается в передаче содержания иноязычного текста средствами другого языка.

Со своей стороны сами переводчики весьма скептически относились к роли науки о языке в исследовании особенностей переводческой деятельности. Согласно широко распространенному мнению, в процессе перевода языковые факторы (под которыми часто понималось владение переводчиком двумя языками) имеют при переводе столь же второстепенное значение, как знание нотной записи при сочинении музыки. В основном же перевод — это операция отнюдь не лингвистическая, и языкознание мало что может дать теории перевода.

Но лингвисты не только игнорировали переводческую проблематику, они еще и дали дополнительные основания для появления так называемой *теории непереводимости*, согласно которой перевод вообще невозможен. Если поэты, критики и филологи высказывали сомнения в возможности воспроизвести в переводе художественные особенности оригинала, его национальную специфику, литературные, исторические и культурно-бытовые ассоциации и тому подобные тонкости, то известная языковедам уникальность словарного состава и грамматического строя каждого языка позволяла утверждать, что полное тождество текстов оригинала и перевода в принципе невозможно, а, следовательно, невозможен и сам перевод. Получалось парадоксальное положение: практическая деятельность, которая осуществлялась на протяжении многих веков, оказывалась теоретически невозможной и как бы несуществующей.

Встреча языкознания с переводом все же состоялась, правда, лишь в начале второй половины 20-го столетия. Этому способствовало несколько объективных и субъективных факторов, отразивших серьезные изменения как в переводческой деятельности, так и в самой лингвистике.

После окончания Второй мировой войны произошел так называемый информационный взрыв — резкое увеличение обмена информацией между людьми и народами, — который сопровождался «переводческим взрывом» — соответствующим увеличением масштабов переводческой деятельности во всем мире.

Появились новые виды переводов: синхронный перевод, перевод (дублирование) кинофильмов, радиопередач, телепрограмм. Помимо большого числа переводимых книг, переводится устно и письменно огромное количество материалов в рамках деятельности различных организаций, учреждений и предприятий. Переводами стали заниматься не только профессиональные переводчики, но и многие другие специалисты, владеющие иностранными языками: инженеры, библиотекари, дипломаты, референты, преподаватели, сотрудники информационных центров и т.д. Возникла необходимость в подготовке большой армии переводчиков. Теперь уже недостаточно было готовить профессиональных переводчиков методом «индивидуального ученичества», когда какой-нибудь опытный переводчик опекал нескольких учеников, знакомя их с тайнами переводческого мастерства, и во всех странах были открыты переводческие школы, факультеты, отделения университетов и тому подобные учебные заведения. Потребовалось разработать соответствующие учебные планы и программы. Невиданные ранее масштабы переводческой деятельности и задачи массовой подготовки профессиональных переводчиков сделали необходимым всестороннее изучение феномена перевода.

Большую роль в привлечении внимания лингвистов к проблемам перевода сыграло и качественное изменение переводческой деятельности. Хотя по-прежнему во всем мире переводилось большое количество произведений художественной литературы, на первое место по объему и значимости вышли нехудожественные (информативные) переводы: научно-технические, общественно-политические, экономические, юридические и др. Если в художественном переводе основные проблемы переводчика связаны с необходимостью передавать художественно-эстетические достоинства оригинала и его индивидуально-авторские особенности, то трудности информативного перевода были, главным образом, лингвистического характера. Здесь переводимые тексты были часто анонимными, написаны стандартным общеразговорным языком, индивидуально-авторские особенности несущественны, и переводческие проблемы, в основном, определялись различиями в значениях единиц двух языков, в их функционировании, в способах построения речевых высказываний и текстов.

Если изменения в переводческой деятельности не могли привлечь внимания лингвистов, то само развитие языкознания сделало возможным включение перевода в сферу их интересов. Ко второй половине двадцатого столетия лингвистика существенно изменила свою научную ориентацию. Достигнув серьезных результатов в изучении формальной структуры языка, лингвисты значительно расширили область своих исследований, включив в нее проблемы внешней лингвистики (макролингвистики), в рамках которой рассматриваются такие фундаментальные вопросы, как связь языка с обществом, мышлением и действительностью, лингвистические и экстралингвистические аспекты вербальной коммуникации, способы организации и передачи информации в человеческом обществе и т.п. Важное место в науке о языке заняли исследования содержательной структуры речевых высказываний и текстов, контекстуальных значений языковых единиц, способов описания ситуаций. Возник ряд новых лингвистических дисциплин: психолингвистика, социолингвистика, прагмалингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов, когнитивная лингвистика и другие. В распоряжении языковедов появились методы исследования того, как реально осуществляется обмен информацией с помощью языковых единиц в конкретных актах речи, в конкретных ситуациях общения. Понятно, что возможности такой лингвистики в изучении перевода неизмеримо возросли, и теперь многие важнейшие стороны этого феномена могут быть описаны в лингвистических терминах.

Немаловажным оказалось и то, что, приступив к изучению перевода, языковеды быстро обнаружили, что не только лингвистика может внести большой вклад в теорию перевода, но и перевод может много дать самой лингвистике. Переводы оказались ценным источником информации о языках, участвующих в процессе перевода. В ходе переводческой деятельности, которая в таких огромных масштабах осуществляется в современном мире, происходит своеобразный лингвистический эксперимент по коммуникативному приравниванию высказываний и текстов на двух языках. При этом обнаруживаются сходства и различия в употреблении единиц и структур каждого из этих языков для выражения одинаковых функций и описания одинаковых ситуаций. Благодаря этому удается обнаружить некоторые особенности струк-

туры и функционирования языка, которые ускользали от внимания при использовании иных методов исследования.

Дополнительным стимулом для развития лингвистической теории перевода послужили попытки создать различные системы машинного перевода. Появление быстродействующих электронно-вычислительных машин породило надежды, что функции переводчика гораздо быстрее и дешевле сможет выполнять все более совершенствующийся компьютер. Компьютеры с успехом применялись для декодирования зашифрованных сообщений, а перевод можно было представить как декодирование текста на языке перевода, зашифрованного с помощью языка оригинала. Первые попытки машинного перевода давали мало удовлетворительные результаты, но были надежды, что новые поколения компьютеров с большим объемом памяти успешнее справятся с этой задачей. Однако вскоре стало ясно, что основные проблемы машинного перевода связаны не с недостаточной памятью компьютера, а с неумением создать такую программу, которая позволила бы машине столь же успешно преодолевать многочисленные переводческие трудности, как это делает человек. И тут оказалось, что никто не может объяснить, как человек осуществляет перевод, поскольку этот вид человеческой деятельности оставался недостаточно изученным. Поэтому многие лингвисты, занимавшиеся вопросами машинного перевода, переключили свое внимание на изучение перевода «человеческого», пытаясь там найти пути преодоления трудностей.

В настоящее время современные программы машинного перевода не могут обеспечивать высокое качество перевода текстов любой сложности и, естественно не претендуют на полную замену переводчика-человека. Тем не менее, машинный перевод успешно применяется в трех основных случаях. Во-первых программа составляется для перевода узко специальных текстов, стандартных по форме, с ограниченным составом лексики и грамматики. Во-вторых, машина дает возможность быстро получить большой объем переводов невысокого качества, которые позволяют судить об общем содержании оригиналов и решать, что в них целесообразно дать переводчику для более точного воспроизведения. В-третьих, в работу включается редактор, который либо готовит текст к переводу (предредактирование), устранив или разъясняя трудные для маши-

ны места, либо редактирует уже переведенный текст (постредактирование), устраняя ошибки и неточности.

Определенную роль сыграл и субъективный фактор. Переводческие факультеты и отделения создавались, главным образом, при университетах и институтах иностранных языков, и подготовкой будущих переводчиков занимались преподаватели иностранных языков, филологи и лингвисты. Именно они, в первую очередь, осознали необходимость теоретического осмысления переводческой деятельности и попытались решить эту задачу методами своей науки.

Хотя нельзя было рассчитывать, что можно будет изучить все стороны переводческой деятельности даже в рамках макролингвистики, было очевидно, что самые важные аспекты перевода связаны с языком. Особенности существования и использования языка определяют и саму необходимость перевода и основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, и возможности преодоления этих трудностей.

1. Перевод необходим потому, что люди говорят не на одном, а на многих языках. Лингвисты традиционно изучали языковые ситуации как в отдельных странах, так и во всем мире. Теперь предстояло рассмотреть многообразие языков как причину существования перевода. Перевод представляет собой достаточно сложное средство преодоления языковых барьеров. Языкознание и переводоведение не могут не интересоваться вопросами, как возникли эти барьеры, долго ли они будут существовать и нельзя ли от них избавиться..

Многообразие языков не имеет биологической основы. Все люди принадлежат к одному биологическому виду. У всех людей одинаковое строение головного мозга, одинаковое количество зубов и позвонков, одинаково устроены пищеварительный тракт, кровеносная система и другие внутренние органы. Все они дышат кислородом и умирают при его отсутствии. Учитывая такое анатомическое и физиологическое единство человеческого рода, было бы естественно, если бы все люди говорили на одном языке.

Правда, люди разделяются на несколько групп по расовому признаку, цвету кожи, размеру и форме костей, составу крови и некоторым другим признакам. На этом основании могла быть еще одна естественная ситуация, когда в мире существовало бы

пять-шесть языков, возможно с некоторым числом промежуточных диалектов.

В действительности дело обстоит иначе. По разным подсчетам в современном мире насчитывается три-четыре тысячи языков. Более точную цифру назвать затруднительно, поскольку во многих случаях не ясно, следует ли говорить о самостоятельных языках или о диалектах одного и того же языка. Такое многообразие языков, несомненно, нуждается в объяснении.

Если не принимать всерьез библейскую легенду о вавилонском смешении языков или возможность воздействия инопланетян, то придется признать, что многоязычие могло возникнуть естественным путем в ходе исторического развития человечества. Когда отдельные группы людей в поисках пищи уходили из своего племени и селились вдали от него, теряя с ним всякую связь, их язык начинал развиваться самостоятельно, в иных условиях, независимо от развития языка племени. В результате возникали расхождения, которые в конечном счете приводили к существенным различиям, к формированию нового языка.

Обладание собственным языком сыграло важную роль в сплочении этнического коллектива, в развитии племенного, а затем и национального самосознания, в организации совместной хозяйственной деятельности, охоты, земледелия, военных действий, готовности жертвовать ради общих интересов, ради «своих». Однако в современную эпоху многообразие языков часто рассматривается как чисто негативное явление, препятствующее взаимопониманию между людьми и народами, способствующее возникновению конфликтов и войн. Следовательно, надо искать пути как его ликвидировать или хотя бы уменьшить его пагубное влияние.

Одним из таких путей, наиболее очевидным, является искусственное создание единого языка, на котором могло бы общаться все человечество. Первые замыслы придумать искусственный язык появились еще в античности. В 17—20 веках было создано около тысячи подобных проектов, однако осуществлены были лишь немногие (воляпюк, бесик инглиш, эсперанто и некоторые другие). Наибольшее распространение получил язык эсперанто, завоевавший сторонников во многих странах. На нем пишутся книги, проводятся симпозиумы и конференции, на него

переводятся литературные произведения с разных языков. Однако выполнить роль единого языка, заменяющего все остальные, и ему вряд ли удастся. Люди не проявляют желания отказываться от своего языка и тем самым от своей культуры, литературы, истории. Любой искусственный язык может, по-видимому, играть лишь вспомогательную роль.

Не подтверждается как будто и предположение, что человечество придет к единому языку естественным путем в ходе своего исторического развития. Поскольку по мере объединения людей во все более крупные сообщества и исчезновения небольших изолированных групп количество языков в мире постепенно сокращается, распространено мнение, что человечество движется к единому обществу, единой общемировой культуре, единому языку. Однако в обозримом будущем этого, по-видимому, не произойдет. В настоящее время можно наблюдать все более широкое использование в международных контактах так называемых *мировых языков* — национальных языков, которыми в той или иной степени владеют многие представители других языковых коллективов. Сегодня эту роль выполняют, в первую очередь, английский и в меньшей степени французский, русский и испанский языки. Можно ожидать, что в будущем все большее число людей будут билингвами, владеющими как своим собственным, так и одним из мировых языком. Следует заметить, что распространение мировых языков отнюдь не снизило потребность в переводах и переводчиках. Напротив, масштабы переводческой деятельности в современном мире постоянно возрастают, и в ближайшем будущем безработица переводчикам не грозит.

2. Основные трудности, с которыми сталкивается переводчик, также связаны с особенностями языков и способами их использования для наименования объектов и описания ситуаций. Здесь можно выделить три типа трудностей: специфичность семантики языковых единиц, несовпадение «картин мира», создаваемых языками для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, описываемые в переводимых текстах.

Языковые единицы — это не просто ярлыки, используемые для обозначения соответствующих объектов. У каждого языкового знака имеется устойчивое, ему одному присущее значение,

и эти значения у единиц разных языков, как правило, не совпадают. Поэтому перевод никогда не сводится к простой замене одной формы на другую, и переводчику приходится постоянно решать, значения каких единиц языка перевода наиболее соответствуют содержанию оригинала.

Вторым лингвистическим препятствием, которое вынужден преодолевать переводчик, является то обстоятельство, что каждый язык по-своему членит действительность, создавая своеобразную «языковую картину мира». Речь идет не только о часто упоминаемых экзотических примерах, подобно многочисленным названиям разновидностей снега у эскимосов или лошадей различной окраски у аргентинских пастухов, а о многих обычных наименованиях. Достаточно сравнить русское «рука» с английскими «hand» и «arm», русское «палец» с английскими «finger» и «toe», русские «собака» и «пес» с английским «dog» или «лошадь» и «конь» с «horse». Понятно, что разное членение ставит перед переводчиком особые проблемы при выборе варианта перевода.

Трудности перевода могут возникать и в связи с тем, что в оригинале называются какие-то явления, отсутствующие в принимающей культуре и неизвестные рецепторам перевода. Что такое русское «степь»? Чем занималась помещица Ларина, когда она, по словам Пушкина, «брила лбы»? Как должен понимать англичанин вопрос «Третьим будешь?» Что такое английское «Aunt Sally»? Как выглядят «marshes»? Какой вкус у «brown Betty»? Во всех подобных случаях переводчик должен не только быть знакомым с фактами чужой культуры и уметь их воспроизводить в переводе, но и позаботиться о том, чтобы сделать их понятными читателям перевода

3. Но языковые факторы не только порождают трудности для перевода, но и создают условия для их преодоления. Хотя каждый язык уникален, в основе строения и употребления всех языков лежит один и тот же принцип, что делает возможным их соотношение в процессе перевода. Все языки состоят из двусторонних единиц, обладающих звучанием и значением. Все они обладают словарным составом и грамматическим строем, служат средством формирования мыслей и передачи их в процессе общения с другими людьми. Все языки используются для построения сообщений о внеязыковой реальности. Все они способны различ-

ными способами выражать понятийные категории времени, места, числа, модальности и многие другие, обозначать классы предметов и отдельные объекты и их признаки, процессы и состояния. Языки обладают множеством других универсальных свойств, как самых общих, так и более частных. Эта универсальность отражает единство человеческого мышления и окружающего мира. И именно оно определяет в конечном счете возможность перевода.

Одним из примечательных проявлений универсального характера человеческого языка и мышления является врожденная способность любого человека овладеть любым языком. Известно, что ребенок независимо от его национальной принадлежности сравнительно легко овладевает языком любого языкового коллектива, в котором он живет. Эту способность нельзя полностью объяснить ни объемом языкового материала, стихийно воспринимаемого ребенком, ни целенаправленным обучением со стороны взрослых, хотя такие факторы также играют немаловажную роль. По-видимому, в мозгу человека существует какой-то генетический механизм овладения языком.

В современном языкознании предлагается несколько гипотез, пытающихся объяснить происхождение такого механизма. Наиболее известна концепция «универсальной грамматики», предложенная американским лингвистом Н.Хомским. Согласно его предположению, в мозгу каждого ребенка уже имеется своего рода универсальная грамматика, которая включает в себя структуры всех языков мира. Под влиянием окружающей среды у ребенка активизируется одна из этих структур, и он овладевает соответствующим языком. Благодаря универсальной грамматике дети могут осваивать такую исключительно сложную систему, как человеческий язык в любом национальном варианте за столь короткий срок. Овладение языком напоминает овладение другими сложными и гибкими формами поведения ребенка (такими, как умение ходить), которые в какой-то степени, несомненно, контролируются нейрофизиологическими факторами. Универсальная грамматика, постулируемая Н.Хомским, представляет собой вычислительное устройство на какой-то нейробиологической основе, делающее доступным для ребенка широкий набор грамматических моделей. Хомский полагает, что ребенок «выбирает» затем из

имеющихся у него грамматических моделей те, что соответствуют моделям языка, который должен стать его родным.

Гипотеза Хомского дает объяснение способности ребенка быстро овладевать любым языком. Однако она вряд ли может быть безоговорочно признана. В частности, трудно себе представить, каким образом в процессе эволюции в мозгу человека могла сформироваться такая сложная структура, которая почти полностью остается неиспользованной. Не исключено, что эти известные факты могут иметь другие объяснения. Одно из таких возможных объяснений предложил американский лингвист Д.Бикертон.

Д.Бикертон изучал креольский язык, на котором говорят дети иммигрантов-рабочих на Гавайских островах. Он обнаружил, что они самостоятельно создали этот единый для всех них язык без какого-либо влияния со стороны родителей, которые были привезены на Гавайские острова из разных стран и говорили на разных языках «пиджин», не имевших определенной структуры. Этот креольский язык, не имевший ничего общего с грамматическими структурами языков, известных предыдущему поколению, обнаружил, однако, большое сходство со структурой других креольских языков, возникших в других частях земного шара. Развитие креольского языка на Гавайских островах позволяет предположить, что, когда дети учатся говорить, у них сначала формируется креольский язык абстрактного типа. Иными словами, врожденный механизм человека не представляет в распоряжение ребенка набор грамматических моделей, а формирует у него единственную и весьма специфическую модель. Такая специфическая модель не подавлялась впоследствии только в языковом коллективе, говорящем на «пиджин», где не было грамматических моделей, способных соперничать с врожденной грамматикой ребенка. А затем врожденная грамматика обросла лексическими единицами, которые имелись в данном месте, и возникли креольские языки.

В подтверждение своей гипотезы Д.Бикертон приводит факты, свидетельствующие о том, что ошибки, которые делают в раннем возрасте английские дети, соответствуют моделям креольского языка. Кроме того, наблюдения показывают, что, когда грамматическая структура креольского языка не совпадает с соответствующей грамматической структурой местного языка, дети регулярно делают ошибки по отношению к структуре местного

языка. Напротив, если грамматические структуры обоих языков более или менее совпадают, отмечается быстрое и безошибочное овладение ребенком структурой местного языка в очень раннем возрасте. Впоследствии, поскольку люди вокруг них упорно говорят по-английски, по-французски или еще на каком-нибудь языке, детям приходится модифицировать грамматику своего родного креольского языка, пока она не начинает соответствовать грамматике местного языка.

Независимо от справедливости той или иной гипотезы, наличие у всех языков существенных универсальных черт не вызывает сомнения. Эта универсальность, разумеется, является важной предпосылкой успешного перехода от одного языка к другому в процессе перевода. Наряду с этим, переводческая практика показывает возможность коммуникативного приравнивания отрезков разноязычных текстов, несмотря на несовпадение значений составляющих их языковых единиц. И эта возможность также находит лингвистическое обоснование, о котором пойдет речь в последующих лекциях

Положения различных лингвистических дисциплин не только проливают свет на многие важные аспекты переводческой деятельности, но также представляют в распоряжение исследователей перевода целый ряд методов анализа, позволяющих получать объективные данные об этом сложном феномене. Современное переводоведение широко использует лингвистические методы исследования, заимствуя их целиком или внося в них необходимые изменения.

Поскольку в процессе перевода устанавливается определенное отношение между текстами на разных языках, изучение перевода, естественно, предполагает использование процедуры сопоставительного анализа. Сопоставление текстов — источник очень важной информации о переводе. В современном переводоведении используются четыре процедуры такого анализа. Во-первых, сопоставляются тексты перевода с их оригиналами. Это сопоставление позволяет получить ценные данные о степени близости содержания и структуры оригинала и перевода, способах достижения эквивалентности, стандартных приемах перевода и многих других существенных характеристиках переводческого процесса. Во-вторых, сопоставляются несколько переводов од-

ного и того же оригинала, выполненных разными переводчиками. Это дает возможность обнаружить общие закономерности, не зависящие от уровня квалификации и индивидуальных особенностей каждого отдельного переводчика. В-третьих, сопоставляются переводы с оригинальными текстами на языке переводов. Таким путем обнаруживается, что язык переводов представляет собой особую подсистему соответствующего национального языка. Дело не в том, что под влиянием иноязычного оригинала переводчик может порой нарушать норму или узус языка перевода. Такие нарушения обнаруживаются достаточно часто при сопоставительном анализе и рассматриваются как ошибки перевода. В теоретическом плане больший интерес представляют многочисленные случаи, когда переводчик, сознательно или бессознательно, расширяет коммуникативные возможности языка перевода, используя такие стандартные приемы перевода, как заимствования, кальки, дословный перевод, изменение частотности употребления отдельных форм и т.д. Подобные отклонения, обусловленные стремлением как можно полнее воспроизвести содержание оригинала, составляют своеобразную переводческую норму и вполне оправданы. Четвертый вид сопоставления заключается в сравнительном анализе параллельных текстов на ИЯ и ПЯ, то есть текстов близкого содержания, принадлежащих к аналогичному функциональному стилю или жанру. Таким путем обнаруживаются различия в использовании языковых средств в соответствующих текстах в двух языках, что вызывает необходимость в стилистической адаптации при переводе.

Сопоставительный анализ разноязычных текстов предполагает выявление сходства, различия и соотношения не только структуры и содержания текстов как целостных образований, но и сопоставление отдельных элементов этих текстов. При этом теория перевода широко использует такие лингвистические методы исследования, как компонентный анализ, методы трансформационного анализа и статистических подсчетов.

Применение компонентного анализа для выделения в значениях языковых единиц элементарных смыслов (сем) позволяет сопоставлять семный состав единиц оригинала и перевода и выявлять степень их соответствия друг другу. Так, при использовании английского «student» для перевода русского «студент» вос-

производятся семы «обучаемый» и «единственное число», но утрачиваются семы «учащийся высшей школы» и «мужской род». Очевидно, что если утраченные семы оказываются коммуникативно значимыми, то они должны быть воспроизведены в переводе с помощью других языковых единиц. Напротив, при нейтрализации отдельных сем в оригинале их утрата в переводе вполне оправдана. Например, в русской фразе «Хороший студент не будет прогуливать лекции» сема «мужской род» нейтрализуется (речь не идет только о студентах-мужчинах), а сема «учащийся высшей школы» подразумевается и в значении слова «лекция». Поэтому при переводе этой фразы на английский язык слово «student» будет вполне достаточно: «A good student would not stay away from his lectures».

Успешно применяется для описания процесса перевода метод трансформационного анализа, выделяющий ядерные структуры и их производные трансформы. С одной стороны, трансформационные преобразования могут рассматриваться как средство обеспечить адекватное понимание оригинала (трансформация в рамках ИЯ — исходного языка) и выбора окончательного варианта перевода (трансформация в рамках ПЯ). С другой стороны, сам процесс перевода может быть представлен как особый вид (межъязыковой) трансформации: преобразование синтаксических структур оригинала в структуры перевода по определенным правилам перехода. Таким путем оказывается возможным выявить и описать целый ряд приемов перевода в виде набора переводческих трансформаций.

Дополнительные данные о соотношении текстов оригинала и перевода можно получить путем точных статистических или приблизительных ориентировочных подсчетов. Сопоставляется частотность отдельных частей речи, синтаксических структур, лексических единиц, типов преобразований и т.д. Таким путем уточняются требования, которым должен удовлетворять полноценный текст перевода: преимущественно глагольный или именной характер, степень насыщенности эмоциональной лексикой, средняя длина предложений, количество логических связей и т.п.

Важное место в переводческих исследованиях занимает метод лингвистического моделирования: построение теоретических моделей процесса перевода. Поскольку этот процесс осуще-

ствляется посредством ряда мыслительных операций в голове переводчика, он недоступен для непосредственного наблюдения и представляет собой своеобразный «черный ящик». Лингвистическая модель переводческого процесса представляет его в виде ряда последовательных преобразований текста оригинала в текст перевода, с помощью которых теоретически может быть достигнут желаемый результат. Хотя любая модель перевода носит гипотетический характер, поскольку нет прямых доказательств, что переводчик действует именно так, как следует из данной модели, совпадение результата перевода с прогнозируемым по модели показывает, что она обладает определенной объяснительной силой. В современном переводоведении существуют несколько моделей перевода, что предполагает возможность осуществлять процесс перевода разными способами.

Заимствовали переводоведы у лингвистов (как, впрочем, и у психологов) и процедуру опроса информантов. С одной стороны, в качестве информантов выступают сами переводчики, пытающиеся ответить на вопросы, как они действуют и чем они при этом руководствуются. Хотя возможности интроспекции в исследовании переводческой деятельности ограничены и нередко переводчик действует интуитивно, не умея объяснить, почему он поступает именно так, некоторые данные о переводе получить таким способом удается. С другой стороны, информантами могут служить рецепторы перевода, которые могут высказывать суждения о языке перевода, его «читабельности», отличать переводные тексты от непереводных, формулировать свои требования к переводам и т.д.

Существенно повышает объективность получаемых данных организация психолингвистических экспериментов, в которых информанты действуют в строго заданных условиях эксперимента, и его результаты поддаются более или менее объективной интерпретации. Особенно ценные результаты достигаются при использовании метода «думай вслух», в этом эксперименте испытуемому предлагается выполнить письменный перевод текста, одновременно проговаривая в стоящий перед ними микрофон все мысли, которые приходят им в голову в процессе перевода, и называя все выполняемые ими действия. Все сказанное записывается на пленку, затем эта пленка переводится в письменный текст и сопоставляется с текстом перевода. Фиксируются также различ-

ные «околопереводческие» звуки (смех, стоны, хмыканье и пр.), а также паузы. Анализ протокола такого эксперимента позволяет делать выводы об общей стратегии переводчика и процедуре выбора варианта перевода, хотя и здесь получаемые результаты не дают полной картины, поскольку часть переводческого процесса осуществляется переводчиком интуитивно и не находит отражения в озвученных мыслях.

Подводя итог всему сказанному, можно заключить, что изучение перевода лингвистическими методами вполне обоснованно и продуктивно.

Лекция N 2

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Как мы уже отмечали, переводоведы используют понятия, методы и данные многих лингвистических дисциплин. Большое значение для разработки теоретических основ переводоведения имеют положения общего языкознания, особенно его семиотические концепции. Раскрывая важнейшие стороны строения и функционирования языка, лингвистика опирается на некоторые положения семиотики — науки, занимающейся изучением различных знаковых систем. Знаком называется материальный объект, связанный в нашем сознании с определенным мыслительным содержанием, понятием или представлением о каком-то классе других объектов или отдельном объекте. Знаки могут по-разному быть связаны с репрезентируемыми ими объектами. Различаются иконические знаки, знаки-символы, знаки-сигналы и конвенциональные знаки. Человек живет в окружении многочисленных знаков, и они играют очень важную роль в его жизни. Иконические знаки репрезентируют другие объекты благодаря сходству с ними, изображая их определенным образом. Такую функцию выполняют картины, фотографии и другие способы воспроизведения облика объектов. Знаки-символы символически представляют обозначаемые объекты, как, например, флаги, гербы, значки и пр. Знаки-сигналы указывают на присутствие определенных объектов: дым — о наличии огня, лай — о собаке,

гром — о молнии и т.д. В то же время многие знаки не имеют непосредственной связи с обозначаемым. Их знаковая функция носит условный, конвенциональный характер, закреплена за ними общественной практикой. В качестве примеров таких знаков можно упомянуть огни светофора, точки и тире азбуки Морзе, комбинации сигнальных флажков. Конвенциональный знак может существовать только в системе, в связи с другими знаками. Так, сам по себе зеленый свет не является знаком, но в системе трех цветов — зеленый, желтый, красный — он приобретает знаковую функцию: «разрешение продолжать движение». В дальнейшем мы будем говорить о таких знаках.

Каждый знак обладает тремя видами связи, без которых он не может выполнять свою функцию. Во-первых, знак связан с тем, что он обозначает, что в семиотике называется семантикой знака. Во-вторых, существуя в системе, знак связан с другими знаками этой системы. Эта связь составляет синтактику знака. И, наконец, знак связан с людьми, пользующимися им как знаком, поскольку он может быть знаком только для кого-то. Если нет людей, воспринимающих данный предмет как знак, то нет и самого знака. Этот третий вид связи называется прагматикой знака. Три вида связи составляют значение знака, представляемую им информацию, благодаря чему знаки могут использоваться для формирования и передачи содержательных сообщений.

Язык представляет собой важнейшую и наиболее сложную знаковую систему, с помощью которой осознаются и интерпретируются другие виды знаков. Языковые знаки обладают рядом особенностей, определяющих как существование и использование самого языка, так и возможность и специфику перевода. Среди основных семиотических свойств языка нужно прежде всего отметить двусторонность, произвольность и значимость.

У языкового знака две стороны: материальная (звуковая или ее графическое изображение) и идеальная — мыслительное содержание, репрезентируемое звучанием языковой единицы. Эти две стороны называются также соответственно планом выражения и планом содержания (формой и значением). Они имеют социальную природу, хотя хранятся в памяти индивидов. Для всех членов языкового коллектива знак обладает, в основном, единым устойчивым значением, но каждый из них в разной степени вла-

деет своим языком и может связывать со значением отдельных знаков какие-то собственные представления и ассоциации. Степень и особенности знания и владения языком отдельного человека характеризуют его идиолект. Социальный характер языковых знаков обеспечивает возможность использования языка как средства коммуникации.

Значение языкового знака представляет собой обобщенное отражение внеязыковой реальности и соотносится с другой обобщенной формой мысли — понятием. Напомним, что сознание человека способно отражать окружающий мир в формах двух сигнальных систем. Первая сигнальная система воспринимает окружающее через органы чувств человека. В результате воздействия на один из органов чувств (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) возникает ощущение. На основе совокупности ощущений, связанных с определенным объектом, у человека возникает целостное восприятие этого объекта. Воспринятый объект может сохраниться в памяти в виде соответствующего представления о нем уже без непосредственного чувственного контакта.

Вторая сигнальная система позволяет человеку, абстрагируясь от конкретных объектов, формировать обобщенные понятия об окружающем мире. В понятии различаются его объем, то есть класс объектов, обобщенных в понятии, и содержание понятия — признаки объектов, через которые осуществлено обобщение. Чем больше признаков включено в понятие, тем меньше его объем и наоборот. Например, включение в содержание понятия «деньги» дополнительного признака «металлические» дает новое понятие более узкого объема — «монета».

Значения языковых единиц складываются стихийно и часто лишены такого строгого соотношения между объемом и содержанием, которым обладают понятия (за исключением терминов, называющих научные понятия). Поскольку языковые значения также относятся ко второй сигнальной системе и все понятия формируются исключительно с помощью словесных наименований, то значения языковых знаков иногда именуют «языковыми», «бытовыми» или «общенародными» понятиями, в отличие от строго определенных научных понятий. Если содержание и объем понятия можно четко задать определением, то, раскрывая значение слова часто приходится дополнять определение

соотносимого с ним понятия добавочной информацией, указывая синонимы, особенности употребления, приводя цитаты, давая различные пометы. Если понятие «остров» легко определяется как «часть суши, со всех сторон окруженная водой», то для полной характеристики значения русского слова «остров» это окажется недостаточно. Подобное определение не объяснит возможность таких, например, сочетаний, как «зеленые острова (островки) в пустыне», «остров тишины в городе», «острова (островки) сопротивления» и т.п. Если можно говорить о большой общности основных понятий у всех людей, то различия в значениях слов разных языков, соотнесенных с аналогичными понятиями, совершенно очевидны. Как уже отмечалось, эти различия вызывают немалые переводческие трудности.

Значения языковых знаков могут по-разному соотноситься с обозначаемой реальностью. Они могут называть классы действительно существующих объектов (дом, дерево, собака) или плодов человеческой фантазии (русалка, леший, жар-птица), единичные объекты (Москва, Наполеон, Африка), отвлеченные признаки (белизна, громкость, твердость) и абстрактные понятия (вечность, обобщенность, неопределенность).

Значение языкового знака может иметь сложную организацию (семантическую структуру). В значении основной единицы языка — слова можно различать смысловое содержание, присутствующее только его форме (лексическое значение), и элементы смысла, общие для целого ряда слов (грамматическое значение). В структуре лексического значения можно выделить несколько макрокомпонентов (которые часто называют также «значениями»). Это прежде всего предметно-логическое значение лексической единицы, ее способность обозначать определенный класс объектов. Как и в понятии, которое оно выражает, в предметно-логическом значении можно различать класс обозначаемых объектов (денотат) и признаки этого класса, составляющие обобщенное наименование (сигнификат). Поэтому предметно-логическое значение именуется также «денотативно-сигнификативным» или просто «денотативным».

Помимо денотативного значения, в семантику языковой единицы могут входить и дополнительные (коннотативные) значения: эмоциональные, стилистические, образные и некоторые

другие. Многие слова, наряду с обозначением какого-то денотата, передают определенные эмоции, связанные с этим денотатом. В целом, эмоциональная характеристика может быть разделена на два вида: положительная и отрицательная. Стилистический микрокомпонент коннотации указывает на преимущественное употребление слова в определенных условиях общения. Такая экспрессивно-стилистическая характеристика относит слова к разговорным, книжным, официально-деловым или поэтическим. Образная характеристика выделяет в обозначаемом какой-то признак, который регулярно используется говорящими в качестве основы образа — метафоры или сравнения. Так, «снег» — это не только вид атмосферных осадков, но и эталон белизны. Русская «щепка» применяется для образного описания худобы человека, а более тонкая «иголка» лишена подобной образной коннотации.

Как денотативные, так и коннотативные аспекты значения создают многочисленные переводческие трудности, которые будут предметом специального рассмотрения в курсе «Основы общей теории перевода».

Особую важность для понимания сущности перевода имеет вторая особенность языкового знака — его произвольность. Между звучанием и значением языковой единицы нет в большинстве случаев какой-либо естественной или логической связи. В природе, внешнем облике или поведении «друга человека» нет никаких оснований, чтобы обязательно именовать его «собака», а не «кошка» или «верблюд» или, например, «a dog, le chien или der Hund». Произвольность языкового знака делает связь между его звучанием и значением особо прочной, так как ни одна из сторон знака не существует без наличия другой: звук без значения не является знаком, а значение обязательно репрезентируется какой-то материальной формой. В то же время произвольность знака означает, что данное значение не обязательно должно быть связано только с данной формой и, напротив, определенная форма может выражать и другое значение. Отсюда следует возможность передавать одно и то же (или почти одно и то же) содержание с помощью разных форм (средств выражения), в том числе и средств другого языка, что и происходит при переводе. Произвольность знака предопределяет и его асимметрию: одна форма может иметь несколько связанных между собой значений (поли-

семия) или выражать совершенно разные значения (омонимия). Понятно, что полная произвольность свойственна лишь первичным знакам: у производных слов полностью или частично мотивированы и форма, и значение («белый — белизна», «писать — писатель», «камень — каменоломня» и пр.).

Третьим фундаментальным свойством языкового знака является «значимость», под которой понимается зависимость значения знака от значений других знаков, как бы отбирающих у него часть обозначаемого. Так, значение слова «собака» определяется не только тем, что оно называет определенный класс домашних животных, но и значением слова «пес». Аналогичным образом, значение слова «лошадь» ограничивает значение слова «конь» и наоборот. Поэтому другом человека оказывается не пес, а собака, а победитель гордо въезжает в покоренный город на белом коне, а не на лошади. Именно различная значимость приводит к несовпадению близких по значению слов (как и синтаксических структур) в разных языках. Она в значительной степени создает своеобразные «языковые картины мира» и тем самым серьезные проблемы для переводчика.

Как и всякая знаковая система, язык представляет собой не простой набор изолированных единиц. Это — целостное образование, все элементы которого взаимосвязаны. Единицы языка связаны между собой либо благодаря одинаковому положению в системе (парадигматические связи), либо благодаря совместно-му употреблению в речи (синтагматические связи). Совокупность связей между единицами языка составляет его структуру.

Единицы языка, входящие в его структуру, образуют несколько подсистем, связанных друг с другом межуровневыми отношениями. Основными уровнями языка считаются фонемный, морфемный, лексический (словесный) и синтаксический (уровень предложения). Единицы одного уровня могут сочетаться друг с другом и образовывать единицы более высокого уровня. Так, сочетания фонем образуют морфемы, морфемы — слова, слова — предложения. В процессе перевода между единицами двух языков могут устанавливаться как одноуровневые, так и разноуровневые отношения.

Не все возможности построения и употребления языковых знаков, заложенные в структуре языка, действительно в нем реа-

лизуются. Так, в русском языке от глаголов «читать, греть, жить» можно образовать деепричастия настоящего времени («читая, грея, живя»), а от глаголов «писать, петь, пить» аналогичные формы образовать нельзя, не нарушая нормы языка. «Рок» — это судьба, но есть и «судьбы», а у «рока» множественного числа нет. Не допускает норма потенциально возможных в структуре русского языка таких форм, как «человеки», «победу», «кочергов» и многих других. Норма языка определяет допустимую реализацию его структуры.

Кроме нормы языка реальное употребление языковых знаков определяется и нормой речи или «узусом». В каждом языке имеются общепотребительные формы и структуры и малоупотребительные, хотя и соответствующие норме языка. Если нарушение нормы языка делает речь неправильной, неграмматичной, то нарушение узуса делает ее неестественной, неидеоматичной. По-русски можно сказать «Ответь на телефонный звонок» (ср. англ. «Answer the telephone»), но обычно говорят «Возьми трубку». Запретить мять траву можно надписью «Держись подальше от травы» («Keep off the grass»), но пишут совсем другое: «По газонам не ходить». Одно из важных требований к переводчику заключается в соблюдении правильности языка, на который делается перевод. Если нарушение нормы языка в переводе — явление сравнительно редкое, то соблюдение узуса требует от переводчика особой бдительности.

Семиотический подход к языку, предложенный Соссюром, позволил раскрыть важнейшие аспекты языка как средства коммуникации. Хотя Соссюр полагал, что для самостоятельного статуса науки о языке его надо рассматривать «в себе и для себя», ограничиваясь рамками внутренней лингвистики, включение языка в число знаковых (или кодовых) систем, необходимо ставило вопрос о том, как с помощью языкового кода создаются сообщения. Соссюр указал путь к решению этого вопроса, разграничив в речевой деятельности (*langage*) язык (*langue*) и речь (*parole*), то есть код и создание сообщения. По определению Соссюра, язык — это система знаков, выражающих понятия, совокупность необходимых условностей, принятых коллективом, чтобы обеспечить функционирование способности к речевой деятельности. Под речью понималась индивидуальная сторона ре-

чевой деятельности, включающая комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли, и психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации.

Соссюр особо настаивал на сугубо индивидуальном и случайном характере речи и на этом основании выводил речь за рамки языкознания, предметом которого должен быть, по его мнению, только язык. Он, конечно, понимал, что оба эти явления тесно связаны между собой, предполагают друг друга, но ему было важно утвердить главенство и самостоятельность языка как системы, и он всячески подчеркивал его особый статус. Правда, Соссюр говорил о возможности создания лингвистики речи, но он не раскрывал этого понятия, и оставалось неясным, каким образом такая лингвистика должна была изучать случайные и индивидуальные факты речи.

Принципиальное различие языка и речи имело большое значение для дальнейшего развития языкознания. Однако характеристику речи как принадлежащей целиком к психической деятельности индивида и полностью противостоящей языку вряд ли можно признать правильной.

Как отмечал Соссюр, акт речи представляет собой индивидуальный акт общения по меньшей мере двух лиц, единство говорения и слушания или, точнее, говорения и понимания. Конечно, в каждом акте и в части «говорение», и в части «понимание» можно обнаружить ряд особенностей, свойственных лишь данным конкретным индивидам или проявляющихся только в данном конкретном акте и не встречающихся в таком же виде в других актах коммуникации или у других коммуникантов. Сюда прежде всего можно отнести особенности психофизического механизма участников коммуникации, из-за которых появляется своего рода индивидуальный «речевой фон» (шепелявость, заикание, скандирование, излишние паузы, хрипота, особый тембр, искажение звучания слов, неполное или неправильное восприятие или интерпретация услышанного и т.п.). Эти индивидуальные особенности должны рассматриваться как нечто побочное, не имеющее прямого отношения к речевому общению, как коммуникативный шум, который может лишь мешать взаимопониманию.

Разумеется речь не сводится к коммуникативному шуму, не имеющему социальной значимости. Для того чтобы коммуникация состоялась, отрезки речи, с помощью которых она осуществляется, должны создаваться из языковых единиц, звучание и значение которых неоднократно воспроизводятся в других речевых актах и, в основном, одинаково воспринимаются и понимаются всеми членами данного языкового коллектива. В этом смысле речь индивидуальна лишь потому, что акты речи создаются отдельными людьми, но для того, чтобы общаться, эти индивиды вынуждены использовать языковые знаки, звучание и значение которых закреплены общественной практикой и едины для всех. Отсюда следует, что речь имеет социальную основу и обладает общими закономерностями, что весьма важно для переводоведения, поскольку переводчик имеет дело не с системой языка, а с речевыми произведениями.

Мы уже говорили, что у языкового знака наличествует план содержания, благодаря чему он способен передавать некоторую информацию, которая используется в речи для построения более сложных информативных комплексов (сообщений), передаваемых в процессе коммуникации. Поскольку содержание языкового знака всегда социально значимо, всегда передает более или менее одинаковую информацию для всех членов языкового коллектива, любой акт речи всегда непосредственно или потенциально коммуникативен. Даже если человек произносит что-либо в порядке самовыражения, не предназначая сказанное ни для чьих ушей, он фактически участвует в акте коммуникации, который может быть завершен, если его речь будет кем-либо воспринята.

Составленные из единиц языкового кода сообщения выступают в речи в виде коммуникативных единиц — высказываний. По форме высказывание может состоять из одного слова, словосочетания или предложения. Ряд высказываний, связанных по смыслу, или отдельное высказывание, употребленное самостоятельно, составляют текст. Текст может создаваться как в устной, так и в письменной форме. Высказывание имеет определенное (конкретное) содержание и форму, Поэтому его иногда называют конкретным предложением, чтобы показать, что речь идет о единице речи, а не о грамматической единице языка — типе предложения, обобщенном представлении структуры многих выска-

званий. Именно тексты и высказывания выступают в качестве непосредственных объектов перевода.

В процессе коммуникации происходит обмен высказываниями, содержание которых определяется набором составляющих их языковых единиц. Однако такое языковое содержание высказывания составляет лишь часть его общего смысла, хотя и оно не сводится к простой сумме значений, входящих в него языковых единиц. Формирование и понимание смысла высказывания осуществляется достаточно сложным путем. Поясним это на примере типичной коммуникативной ситуации.

Предположим, что вы идете утром по улице, и навстречу вам спешит женщина, которая на ходу спрашивает: «Сколько?» Вы отвечаете: «Без десяти», и она спешит дальше. Вечером, возвращаясь домой, вы видите стоящую у тротуара машину, в которой работает радиоприемник. Вы подходите и спрашиваете у водителя: «Сколько?», и он отвечает: «Три-два, Спартак». Очевидно, что в обоих случаях коммуникация успешно состоялась и собеседники правильно поняли друг друга. Но как это произошло? Почему услышав обращенный к вам вопрос: «Сколько?», вы решили, что женщина спрашивает у вас «Который час?». И как водитель машины догадался, что вы хотите узнать, какой счет в футбольном матче, а не сколько он возьмет, чтобы подвезти вас в Чертаново? Оказывается, для успеха вербальной коммуникации необходимо, чтобы ее участники проделали серьезную мыслительную работу, сопоставляя языковое содержание высказывания с двумя важными факторами, которые и позволяют определить его смысл: обстановкой общения и своим предыдущим опытом и знаниями языка и действительности. Так, чтобы правильно интерпретировать вопрос той женщины, вы должны были учесть, что он был задан в спешке посреди улицы. Если бы вы стояли в очереди за бананами и подошедшая женщина спросила бы у вас: «Сколько?», вы никак не подумали, что вас спрашивают о времени, а скорее всего решили бы, что женщина интересуется ценой на бананы. Кроме того, для правильного вывода о содержании сказанного вам необходимо много знать. Вы должны знать, что люди ходят по утрам на работу, что им надо приходиться к определенному часу, что если они опаздывают, то у них могут быть неприятности и т.п. Необходимо также учесть, что по-русски

можно сказать не только «Который час?», но и «Сколько времени?». Понятно, что английский вопрос: «How much?» никак не был бы связан в сознании коммуникантов с желанием узнать о времени. Иными словами, вы должны были обладать значительным жизненным и лингвистическим опытом («фоновыми знаниями»), сопоставить этот опыт и обстановку общения с языковым содержанием высказывания и прийти к заключению, о чем вас спрашивают. Аналогичным образом, для правильной интерпретации вашего разговора с водителем машины нужно было учесть обстановку общения (работающий приемник, транслирующий ход футбольного матча) и знать, что представляет собой игра в футбол, что результат игры определяется соотношением забитых голов, что в данный момент играют известные и вам, и водителю команды и т.д.

Как видите, понимание простого высказывания требует значительной работы мысли. При этом надо учитывать еще два обстоятельства. Во-первых, говорящий всегда рассчитывает, что слушающий проделает эту работу и извлечет из высказывания передаваемое ему сообщение. Именно с этим расчетом создается высказывание. Во-вторых, сложный характер вербальной коммуникации предполагает возможность сбоя — неполного понимания или непонимания. Слушающий может не обладать необходимыми знаниями или не проделать работу по извлечению смысла. Возможны также случаи, когда говорящий неправильно оценивает познания слушающего и создает недоступное для того сообщение. На вопрос «Сколько?» мог последовать встречный вопрос: «Что сколько?».

Из особенностей вербальной коммуникации вытекает еще одно следствие, крайне важное для понимания сущности переводческой деятельности. Каждый из коммуникантов обладает собственными знаниями языка (идиолектом) и собственными фоновыми знаниями, вследствие чего их восприятие и понимание высказывания, как правило, нетождественны. Фактически поэтому каждый текст существует как бы в двух ипостасях: текст для говорящего и текст для слушающего. То, что говорит один, — это не совсем то, что воспринимает и понимает другой. Но при этом следует учитывать еще две особенности «одноязычной» коммуникации. Во-первых, сами коммуниканты обычно не осозна-

ют существования этих двух ипостасей текста. Они считают, что текст есть текст: что сказал один, то и услышал другой. Обе ипостаси текста воспринимаются ими как коммуникативно равноценные. Происходит как бы объединение двух разных форм существования текста в единое целое в процессе коммуникации. Подобное коммуникативное приравнивание нетождественных сообщений как характерная особенность вербальной коммуникации оказывается весьма важным фактором при объяснении феномена перевода. Во-вторых, объединение двух ипостасей текста при одноязычной коммуникации обусловлено значительной близостью этих форм существования текста. Как мы уже отмечали, говорящие на одном языке используют для общения знаки с более или менее общим для всех них значением и обладают общими фоновыми знаниями. Они принадлежат к одной и той же культуре, у них общая история, литература, общественное устройство, повседневная жизнь. Такая общность и обеспечивает в большинстве случаев успешную коммуникацию. Отсутствие этой общности при общении людей, говорящих на разных языках, во многом определяет специфику перевода.

Важная особенность вербальной коммуникации заключается и в том, что в построении высказывания сочетаются произвольность и вынужденность. С одной стороны, говорящий свободен в выборе языковых средств в соответствии со своими коммуникативными намерениями. С другой стороны, язык навязывает ему определенные формы и значения, без которых нельзя обойтись. Так, независимо от желания говорящего в русском существительном воспроизводится значение рода, глаголы имеют значение совершенного или несовершенного вида, а прилагательные согласуются с существительным в роде, числе и падеже. Можно сказать, что языки отличаются друг от друга не столько тем, что в них можно выразить, сколько тем, что в них нельзя не выразить.

Как мы видим, языковое содержание высказывания составляет лишь часть сообщения, на основе которой выводится его глобальный смысл. При этом для успешной коммуникации обычно нет необходимости использовать всю информацию, которую потенциально можно вывести из содержания высказывания. Нередко коммуниканты довольствуются лишь частью глобального

смысла, которая необходима и достаточна для данного акта общения. Предположим, что в тексте, описывающим тропический лес, говорится, что в этом лесу среди деревьев порхали колибри. Специалист- орнитолог может иметь исчерпывающую информацию о внешнем облике и образе жизни колибри. Но для среднего читателя такая информация недоступна, да и не нужна для понимания данного сообщения. Ему достаточно понять, что это какие-то экзотические птицы, видимо, небольшие (орлы, например, «порхать» не будут). Он может не узнать колибри, если увидит его (или ее), но для данного акта коммуникации это не существенно. Подобная потеря нерелевантной информации еще одна характерная черта вербальной коммуникации.

Принципиальная возможность общения, несмотря на частичную утрату передаваемой информации, указывает на некорректность «теории непереводимости», которую мы упоминали в предыдущей лекции. Утверждение, что «перевод невозможен», основывалось наложной предпосылке, что переводом можно считать лишь текст на другом языке, который полностью тождествен оригиналу, а если что-то утрачено, то это уже не перевод. Однако, ведь, перевод — это средство сделать возможной межъязыковую коммуникацию, то есть общение между людьми, говорящими на разных языках. Нет никаких оснований требовать от межъязыковой коммуникации, чтобы она осуществлялась без каких-либо потерь информации, столь характерных для коммуникации «однойзычной». В современном переводоведении признается принципиальная переводимость релевантной части содержания оригинала при возможных опущениях, добавлениях и изменениях отдельных элементов передаваемой информации.

Схема межъязыковой коммуникации выглядит следующим образом. Человек (источник информации), желающий что-то сообщить другим людям и владеющий каким-то языком (исходный язык - ИЯ), создает из единиц этого языка соответствующее высказывание, из которого другой человек, владеющий тем же языком, может извлечь передаваемое сообщение с учетом обстановки общения и своих фоновых знаний. Разумеется, это сообщение недоступно людям, не владеющим ИЯ, и для общения с этими людьми необходимо участие в процессе коммуникации какого-нибудь посредника (переводчика), который владеет как ИЯ,

так и другим языком (переводящий язык — ПЯ), понятным предполагаемым иноязычным рецепторам. Переводчик извлекает сообщение из высказывания на ИЯ (оригинала) и создает на ПЯ новое высказывание, предназначенное для рецептора перевода (ПР), который способен извлечь из него передаваемую информацию. То же самое происходит и с рядом высказываний, организованных в единый текст: на основе текста на ИЯ (исходный текст — ИТ) создается текст на ПЯ (переводной текст — ПТ).

Рассмотрение перевода в рамках межъязыковой коммуникации позволило решить вопрос о том, что составляет предмет теории перевода. Понятно, что теория перевода (теоретическая часть науки о переводе — переводоведения) должна заниматься изучением перевода, но что такое перевод? В обиходном употреблении слово «перевод» может иметь в интересующем нас плане два значения. Можно сказать: «Я сейчас занимаюсь переводом романа Ч. Диккенса 'Давид Копперфильд' на русский язык», то есть обозначить словом «перевод» определенный вид деятельности — сам процесс перевода. Но можно сказать: «Я сейчас читаю перевод романа Ч. Диккенса 'Давид Копперфильд' на русский язык», то есть иметь в виду текст перевода — результат осуществленного переводческого процесса. При возникновении лингвистической теории перевода разгорелась дискуссия о том, следует ли считать предметом этой теории процесс перевода или его результат. Сторонники одной концепции утверждали, что именно процесс перевода составляет суть переводческой деятельности, что его изучением не занимается никакая другая наука и его выбор в качестве предмета исследования оправдывает существование переводоведения как самостоятельной научной дисциплины. Их оппоненты указывали, что процесс перевода осуществляется в голове переводчика, он недоступен для непосредственного наблюдения и все сведения о нем можно получить, лишь изучая его результат. Такое противопоставление явно теряет смысл при коммуникативном подходе к переводу. Очевидно, что в рамках межъязыковой коммуникации должны изучаться и процесс, и результат перевода, и вся совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих возможность и характер общения между людьми, говорящими на разных языках.

Дальнейшее уточнение предмета переводоведения требует различения отдельных способов межъязыковой коммуникации. Передать содержание оригинала на другом языке можно с помощью различных процедур. Можно перевести текст оригинала, пересказать его на другом языке, составить на его основе реферат, аннотацию, резюме. В любом случае переводчик может выступать в качестве языкового посредника, обеспечивающего межъязыковую коммуникацию, и современное переводоведение изучает все виды языкового посредничества. Для всех этих видов, кроме перевода, характерна переработка содержания оригинала, его структурирование, компрессирование или обобщение по определенным правилам. Поэтому их обычно именуют «адаптивным переносом» или «адаптивным транскодированием» и противопоставляют «собственно переводу». Правда, при определении этого последнего вида языкового посредничества возникали некоторые трудности.

На первый взгляд представляется, что перевод отличается от адаптивного транскодирования тем, что при переводе содержание оригинала не перерабатывается, а воспроизводится «полностью», «точно» или «эквивалентно». Исходя из этого, многие исследователи включают в определение понятия «перевод» соответствующий качественный признак. Так, английский переводовед Дж.Кэтфорд определяет перевод как замену текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке. Американский лингвист Ю.Найда говорит о замене оригинала ближайшим естественным эквивалентом на языке перевода. Неудовлетворительность подобных определений заключается не столько в неопределенности понятия «эквивалентный», сколько в подмене объекта описания. Ведь как бы мы ни определяли эквивалентность, всегда найдутся переводы, которые придется признать «неэквивалентными», а, следовательно, по определению не переводами. Реальные же переводы бывают хорошими и плохими, более или менее точно воспроизводящими оригинал или весьма далекие от него. Любые определения, включающие качественный признак, фактически относятся не к переводу вообще, а лишь к переводу «правильному» («хорошему», «эквивалентному», «точному» и пр.), то есть такому, который отвечает определенным требованиям. А переводы, не отвечающие

этим требованиям, как бы и не переводы. При этом не учитывается, что для того, чтобы решить, является ли данный текст хорошим или плохим (эквивалентным или неэквивалентным) переводом, необходимо прежде отнести этот текст на каких-то основаниях к переводным. Кроме того, качественный признак не позволяет и провести границу между переводом и адаптивным транскодированием: хотя перевод во многих случаях, действительно, ближе к оригиналу, вполне возможно, например, что подробный пересказ будет полнее воспроизводить оригинал, чем плохой перевод. Для того чтобы найти более адекватное определение понятия «перевод», следует посмотреть, как тексты перевода функционируют в принимающей их культуре. Предположим, что вы прочитали сегодня в русской газете такое сообщение: «Вчера премьер-министр Японии заявил...», затем следует двоеточие, кавычки и заявление японского премьера. Вы прочитали это сообщение в своей газете и считаете, что вы читали то, что сказал премьер-министр Японии. Вы можете цитировать его слова, давать им оценку, одобрять их или осуждать. Вы можете даже высказывать суждение о форме и языке его заявления, говорить, что он очень сложно и непонятно выражается, употребляет витиеватые обороты или, напротив, разговорную лексику, любит сложные синтаксические структуры и т.д. Иными словами, вы действуете так, как будто вы, в самом деле, читали заявление японского премьера, хотя то, что написано в вашей газете, никак не могло быть сказано им, поскольку он, естественно, говорил на японском языке. Несмотря на это, вы обращаетесь с русским переводом так, как будто он и есть японский оригинал. Иначе говоря, перевод полностью заменяет вам оригинал, вы функционально отождествляете эти два текста, объединяете их в единое целое.

Рецепторы перевода отождествляют его с оригиналом не только функционально, но и содержательно, и структурно. Они исходят из предположения, что содержание перевода и оригинала идентично, хотя, как мы знаем, в действительности это не так. Они также полагают, что перевод соответствует оригиналу не только в целом, но и в деталях, что оба текста имеют одинаковую структуру. Если в переводе десять разделов или глав, то предполагается, что столько же их в оригинале. Если какая-то мысль в

переводе высказана в начале второго раздела, то, следовательно, и в оригинале она находится там же. Презумпция идентичности подкрепляется еще и тем, что перевод часто печатается под фамилией автора оригинала. На книге написано: Ч.Диккенс. «Тяжелые времена» или Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», и мы не сомневаемся, что держим в руках роман английского писателя или поэму грузинского классика.

Итак, для читателя перевода текст перевода служит полноправным представителем оригинала, он как бы и есть оригинал. Иными словами, в процессе межъязыковой коммуникации тексты оригинала и перевода выступают в качестве коммуникативно равноценных ипостасей одного и того же текста. Вспомним, что подобное коммуникативное объединение двух ипостасей текста в единое целое происходит и при «одноязычной» коммуникации. Однако если там мы отмечаем большую общность объединяемых ипостасей, основанную на единстве языка и фоновых знаний коммуникантов, то в межъязыковой коммуникации эта общность отсутствует и объединяются тексты на разных языках, предназначенные для представителей разных культур. Здесь основания для такого объединения должны быть совсем иными, и их выявление и осмысление составляет одну из центральных задач теории перевода.

Таким образом, отличительным признаком перевода является его предназначение, его особая цель служить полноправной коммуникативной заменой оригинала. Отсюда вытекает возможность дать телеологическое определение перевода (телеология — наука о целях): «Перевод — это вид языкового посредничества, при котором на другом языке создается текст, предназначенный для полноправной замены оригинала в качестве коммуникативно равноценного последнему». Такое определение охватывает все переводы, хорошие и плохие, и позволяет отграничить перевод от других видов языкового посредничества, не предназначенных для этой цели.

Следует обратить внимание на понятие «предназначение». Особая предназначенность перевода осознается переводчиком и принимается рецепторами перевода как данность, независимо от того, в какой степени перевод отвечает провозглашенной цели, насколько он реально близок к оригиналу. Как правило, рецеп-

торы перевода не могут судить о степени этой близости, не имея доступа к оригиналу. Презумпция коммуникативной равноценности возникает каждый раз, когда текст создается как перевод и используется в качестве такового.

Подводя итог всему сказанному, отметим, что положения современного языкознания о семиотической природе языка и использовании языковых знаков и структур в процессе вербальной коммуникации создают концептуальную основу для изучения важнейших сторон переводческой деятельности, лингвистического механизма и коммуникативной роли перевода.

Лекция N 3

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Большое значение для современного переводоведения имеют результаты исследований в области лингвистики текста. Как уже отмечалось, в процессе перевода происходит коммуникативное приравнивание текстов на разных языках. Осуществление этого процесса и оценка его результатов предполагают умение сопоставлять форму и содержание различных типов текста, учитывать особенности структуры и функционирования текстов в каждом из языков, анализировать соотношение текста как целостного образования с составляющими текст языковыми единицами и структурами. Все это становится возможным на основе положений и подходов лингвистики текста.

Текст — это речевое произведение, с помощью которого осуществляется вербальная коммуникация. Текст состоит из высказываний, которые говорящий создает, отбирая языковые единицы и соединяя их по правилам грамматики данного языка в соответствии со своим коммуникативным намерением. Мы уже знаем, что построение и понимание высказывания происходит на основе как лингвистических, так и экстралингвистических факторов. Но текст — это не просто набор отдельных высказываний. Текст представляет собой сложное структурное и содержательное целое, коммуникативный потенциал которого гораздо больше совокупного содержания составляющих его высказыва-

ний. Переводчик должен уметь воспринимать эту целостность текста оригинала и обеспечивать целостность создаваемого им текста перевода. В ряде современных концепций перевода переводчик, в первую очередь, рассматривается как создатель текста на ПЯ — *Texter* или *Textproduzent*.

Содержательная структура текста может рассматриваться в трех разных измерениях: вертикальном, горизонтальном и глубинном. Вертикальную структуру текста создает его формально-тематическое содержание, начиная с общего замысла или темы текста, которая разворачивается во все более мелких фрагментах текста: подтемах, субподтемах, микротемах, вплоть до отдельных суждений. Такое разворачивание «сверху — вниз» осуществляется говорящим, создающим текст в соответствии со своим коммуникативным намерением. Воспринимающий текст формирует эту иерархическую структуру в обратном направлении — «снизу — вверх», от более мелких частей содержания к целостному пониманию всего текста. При этом вертикальная структура текста далеко не всегда построена столь четко и логично: некоторые микротемы могут быть опущены, другие вклиниваются в «чужие» подтемы, противоречат друг другу и т.п. Подобные недостатки изложения восполняются знаниями и опытом коммуникантов на основе их предположений о конечном содержании всего текста. Отдельные фрагменты текста обладают большей или меньшей прогнозирующей силой, дающей возможность предвидеть последующее содержание. Такое «вероятностное прогнозирование» облегчает понимание речи и играет важную роль в процессе устного перевода.

Важную роль в создании целостности текста играет его горизонтальная структура, создаваемая формальными и смысловыми связями между высказываниями. Формальная связность текста (когезия) достигается с помощью различных языковых средств: союзов, повторов, слов-заместителей, согласования временных и иных форм и т.п. Смысловое единство текста (когерентность) обеспечивается логической последовательностью и непротиворечивостью изложения, логическими связками («итак», «следовательно», «подведем итоги» и пр.), использованием стереотипных формул, обозначающих начало (зачины) и концовки повествования, анафорическими и катафорическими отсылками к другим частям и т.п.

Непосредственно связана с когерентностью текста его темарематическая структура. Соотношение темы и ремы или актуальное членение характерно и для смысловой структуры отдельного высказывания. В содержании высказывания можно выделить два смысловых фокуса. Один из них (тема) — это исходный пункт сообщения, то, о чем сообщается, что, как предполагается, известно собеседнику или предлагается ему как нечто данное. Второй (рема) — главный смысловой центр сообщения, то, что сообщается, та новая информация, ради которой это сообщение создано. Тема-рематическое членение высказывания может осуществляться путем выделения ремы интонационными, лексическими или синтаксическими средствами, например, рема «отсутствие денег» в следующем высказывании может быть выражена разными способами: ударением («'денег нет у него»), лексически («а денег-то никаких нет у него»), синтаксически — постановкой ремы на последнее место в простом неэмфатическом высказывании («у него денег нет»). В тексте последовательность и связность изложения во многом зависит от тема-рематических отношений соседних высказываний. Нередко рема одного высказывания становится темой другого. («Николай попытался открыть дверь. Дверь не открывалась»). Кроме того, определенная тема-рематическая структура создается в целостном содержании текста, когда информация в одной части текста выступает в обобщенной форме в качестве исходного момента (темы) для последующего содержания. (Например, за описанием погожего дня следует сообщение, что в этот день произошло какое-то событие.) При создании текста перевода переводчик, как правило, сохраняет темарематическую структуру оригинала.

Особое значение для теории и практики перевода имеет детальное описание глубинной структуры содержания текста, отражающей процесс построения речевых высказываний и включения их в текст. Языковые средства, которые говорящий использует для передачи задуманного сообщения, служат своего рода «кирпичиками смысла», и в каждом высказывании они отбираются и организуются таким образом, чтобы, интерпретируя их значения относительно друг друга и относительно обозначаемой ими реальности, другие коммуниканты, обладающие необходимыми языковыми и фоновыми знаниями, могли бы извлечь из

высказывания передаваемую информацию. Эта информация не сводится к простой сумме «кирпичиков смысла», из которой сложено высказывание. С одной стороны, интерпретация значений языковых средств в высказывании отсекает часть их семантики, включая в содержание высказывания лишь те ее компоненты, сочетание которых осмысленно и отвечает замыслу сообщения. Таким образом, содержание высказывания оказывается значительно более ограниченным, чем совокупность всех возможных значений единиц, входящих в высказывание. С другой стороны, сочетание языковых единиц в высказывании создает новую информацию, которая отсутствовала в используемых «кирпичиках смысла». Если каждый из таких «кирпичиков» содержит информацию о каких-то отдельных классах предметов, свойств, процессов или отношений, то их сочетание позволяет уже определенным способом (через набор ее признаков) описать целую ситуацию (ряд предметов мысли, связанных между собой определенными отношениями) и реализовать тем самым какую-то общекommunikативную функцию (общую цель коммуникации). В этом смысле содержание высказывания оказывается более информативным, чем совокупное значение составляющих его единиц.

Информация, которую коммуниканты получают путем интерпретации значений языковых единиц, составляющих высказывание, выступает в качестве собственно языкового содержания высказывания. Это — как бы «поверхностное» вербальное содержание, которое всецело зависит от набора языковых средств. Оно всегда носит обобщенный характер, описывает типовую ситуацию, которая может существовать во множестве реальных вариантов. Даже очень конкретное, на первый взгляд, высказывание типа «Вчера вечером Николай срубил дерево, которое росло перед нашим окном» фактически лишь в общем виде содержит указание на субъект, объект, время и место действия. Можно лишь сказать, что некий говорящий сообщает, что некто по имени Николай срубил какое-то дерево, находившееся перед одним из окон какого-то строения, и что все это произошло накануне того дня, когда говорящий делает свое сообщение. Подобных ситуаций может быть огромное количество, и любая из них может быть описана с помощью такого высказывания. Это высказывание вполне осмысленно, оно может быть понято и переведено на другой

язык с большей или меньшей полнотой в зависимости от соотношения семантических структур двух языков, участвующих в процессе перевода. Однако само по себе оно обеспечивает лишь весьма поверхностную, неполную коммуникацию, поскольку не включено в текст, в конкретную обстановку общения и может относиться к любому Николаю и к любому дереву, стоящему у чьего-то окна. Такие высказывания, взятые изолированно от конкретной единичной ситуации общения, В.А.Звегинцев называл «псевдопредложениями», считая, что они не существуют как реальные единицы речи.

Однако в реальном речевом общении несомненно бывают и такие случаи, когда содержание отдельных высказываний и целых текстов воспринимается (а порой и продуцируется, а также переводится) лишь на самом поверхностном уровне понимания, которое не соотносится с конкретной ситуацией (например, когда я слышу, как незнакомые мне люди обмениваются замечаниями о совершенно неизвестных мне лицах или событиях). В любом акте общения «глубина» понимания передаваемого сообщения может быть неодинаковой для разных коммуникантов, и некоторые из них могут довольствоваться обобщенным языковым содержанием высказывания. Можно даже представить довольно пространное рассуждение или беседу, в которых языковое содержание высказывания не соотносится с какой-либо конкретной ситуацией и для осуществления коммуникативной функции речи (например, функции фатической) достаточно того, что коммуниканты обмениваются осмысленными высказываниями, составляющими достаточно связное целое.

Несомненно, бывают случаи, когда и языковое содержание высказывания оказывается понятым лишь частично или вообще не осознается коммуникантом вследствие отсутствия у него необходимых языковых или фоновых знаний, что лишает его возможности сопоставлять и правильно интерпретировать «кирпичики смысла». Существует так называемое вербальное знание, когда говорящий способен более или менее точно воспроизводить услышанное или прочитанное, фактически без самостоятельной интерпретации содержания произносимых им высказываний. Любопытно, что даже подобное механическое говорение, не имеющее смысла для самого говорящего, может быть вполне комму-

никативным для других собеседников, способных извлечь информацию, содержащуюся в произносимых высказываниях. Текст, построенный в соответствии с нормами употребления языковых единиц в речи, остается осмысленным, и его содержание потенциально доступно для интерпретации и понимания.

Языковое содержание текста составляет лишь первый слой его «глубинной» смысловой структуры. Этот слой играет роль основы такой структуры, поскольку глобальное содержание текста извлекается из него и через него. Однако, он обычно содержит лишь меньшую, а иногда и менее важную часть информации, передаваемой в тексте. Хотя, как мы видели, языковое содержание текста может самостоятельно выполнять некоторые коммуникативные функции, его главная роль в речевом общении осуществляется благодаря тому, что это описание типовой ситуации соотносится с конкретными референтами и тем самым каждое высказывание включается в единичный контекст, связанный с такими же контекстами других высказываний в том же тексте, становится реальным речевым высказыванием, единицей текста. Теперь «кирпичики смысла», составляющие содержание высказывания, дополнительно интерпретируются по отношению к конкретным предметам мысли. Такая вторичная актуализация значений языковых единиц в значительной степени расширяет и обогащает информацию, которую коммуниканты могут извлечь из отдельных высказываний и текста в целом. В нашем примере фраза «Вчера вечером Николай срубил дерево, которое росло перед нашим окном» будет описывать действия конкретного человека, совершившиеся в определенном месте и в определенное время. Поэтому коммуниканты могут иметь, реально или потенциально, массу дополнительных сведений о том, кто такой Николай, что это было за дерево, украшало оно участок перед домом или затемняло окно, имел ли Николай право или основание его рубить, много ли для этого понадобилось труда и т.д. В одном случае это высказывание будет содержать похвалу Николаю, в другом — осуждение, в третьем — удивление, что он сумел справиться с такой работой, и т.д. Именно конкретно-контекстуальный смысл высказывания является главным содержанием большинства актов речевого общения. Возможность описывать с помощью одного и того же набора языковых единиц множество кон-

кретных ситуаций значительно расширяет коммуникативные потенции языка, включает речевое общение в практическую деятельность людей, связывает то, что говорится, с тем, что воспринимается с помощью органов чувств.

Контекстуализация высказывания — основа речевой коммуникации, обязательное условие функционирования языка в качестве средства общения между людьми. Умение соотносить языковые выражения с конкретными ситуациями присуще всем носителям языка. Поскольку конкретно-контекстуальный смысл высказывания и всего текста во многом зависит от индивидуальных знаний, эмоций и ассоциаций коммуникантов, он неодинаков для каждого из них. Однако все они, хотя и с разной полнотой, в процессе общения воспринимают языковое содержание высказывания как основу порождения контекстуального смысла.

Глобальное содержание текста редко ограничивается двумя семантическими слоями, о которых речь шла выше: языковым содержанием и конкретно-контекстуальным смыслом. Немаловажное значение в речевой коммуникации имеет способность языкового содержания высказывания передавать дополнительный смысл, имплицитно связанный с ним и выводимый из него коммуникантами. В лингвистической литературе понятие импликации заимствовано из логики и основано на логической связи: «Если А, то Б», когда Б не выражено, а лишь подразумевается. Иначе говоря, импликация представляет собой вид подразумевания, а имплицитный смысл текста — это особый вид импликации. Отдельные разновидности имплицитного смысла различаются как по способу возникновения такого смысла, так и по степени вероятности его восприятия коммуникантами.

Прежде всего отметим, что, говоря об имплицитном смысле, мы имеем в виду отношение импликации между двумя информативными комплексами, один из которых «антецедент» прямо выражен языковыми средствами, а другой «консеквент» лишь выводится из первого. Поэтому, хотя план выражения и план содержания языкового знака тоже могут рассматриваться как два объекта, связанные отношениями импликации (если А — звучание, то Б — значение), значение знака не является его имплицитным смыслом, так как оно непосредственно выражено его звучанием, а не выводится через какой-нибудь промежуточный инфор-

мативный комплекс. Аналогичным образом отличается имплицитный смысл от аллюзии или скрытой цитаты, поскольку в них имплицитируется не другой смысл, а двусторонняя единица речи. То же самое имеет место при эллипсе, где опускается какая-то языковая единица, восстанавливаемая на основе других единиц. По определению, имплицитный смысл выводится из выраженного смысла и тем самым отличается от пресуппозиции, которая предшествует выраженному смыслу и служит логическим условием истинности сообщения. Здесь подразумевание предшествует сообщению и не является его консеквентом.

Наиболее часто изучение имплицитного смысла проводилось в двух противоположных направлениях. С одной стороны, в рамках лингвистики текста исследовались случаи текстовой импликации. С другой стороны, рассматривались имплицитные элементы в семантике лексических единиц. Изучение текстовой импликации связано с филологическим или литературоведческим анализом, главным образом, произведений художественной литературы. Литературное произведение, как правило, многослойно: помимо внешнесюжетного повествования оно обладает дополнительными смысловыми планами, выводимыми из основного содержания. «Песня о буреви́стнике» — не просто описание птиц во время бури, а горячий призыв к революционной борьбе. «Преступление и наказание» — не только рассказ об убийстве старухи-ростовщицы и о разоблачении убийцы. Подразумеваемый смысл часто оказывается самым важным в произведении, отражает замысел автора, главную цель, побудившую его взяться за перо. Подобные импликации могут возникать как из содержания текста в целом, так и из содержания отдельных его частей, эпизодов, абзацев. В любом случае подобная импликация не дана непосредственно коммуникантам, которые будут по-разному формировать этот дополнительный смысл, а иногда и по-разному его интерпретировать и даже подчас не осознавать его совсем. Текстовая импликация находится на значительной семантической «глубине», и для ее восприятия необходимы не языковые знания, а аналитическое мышление, эмоциональная восприимчивость и художественное чутье.

Иначе обстоит дело с импликацией, связанной с семантикой отдельного слова. Известно, что в значении слова обобщены

не все признаки обозначаемого класса объектов, а лишь некоторые из них, позволяющие отграничить данные объекты от всех других. В то же время наименования конкретных объектов связаны в сознании коммуникантов с целостными представлениями об этих объектах, охватывающими и те признаки, которые не включены в семантику самих наименований. Отражение в сознании подобных признаков может рассматриваться как своего рода импликация слова, то есть элементы смысла, имплицитно связанные со значением слова. На базе такого импликационала может возникнуть новое образное употребление слова. Так, в семантике слова «море» возникло образное употребление «множество» (море голов, цветов, улыбок), а в семантике слова «лиса» появилось переносное значение «хитрец». Можно предположить, что образование любой метафоры проходит через стадию импликационала. При этом импликация может быть многоступенчатой, последовательно развиваться от одного представления к другому, например: «шляпа» — головной убор «образованных», «ученых» людей; «ученые» — люди, витающие в облаках, «не от мира сего», рассеянные и непрактичные. Имплицитно этот процесс отражается в сознании и связи между объектами реального мира, что, по-видимому, лежит в основе метонимических переносов (шляпа, как характеристика человека).

Особые переводческие проблемы возникают в связи с имплицитным смыслом высказывания и текста. В подразумеваемом смысле высказывания можно выделить два вида имплицитности: первый вид связан с конкретно-контекстуальным смыслом, а второй — с языковым содержанием высказывания. В конкретном контексте любое высказывание может приобретать дополнительный смысл. Простая фраза, например, «Я иду в школу» может подразумевать «Поэтому я тороплюсь», «Я уже не маленький», «Я не хочу с вами разговаривать» и т.п. Имплицитность такого рода слабо связана с набором языковых единиц и всецело обуславливается индивидуальными особенностями конкретного акта общения. В силу этого она обычно наглядна и ясно осознается коммуникантами.

Второй вид импликации непосредственно связан с языковым содержанием высказывания. Определенный набор «кирпичиков смысла» способен создать дополнительный смысл, играю-

ший важную роль в коммуникации. Такая имплицитность, с одной стороны, составляет часть текстовой импликации, а, с другой стороны, определяется собственно языковыми факторами. Поэтому она носит более устойчивый характер и сохраняется при включении высказывания определенного состава в различные текстовые ситуации. В отличие от индивидуально-контекстуальной имплицитности ее можно назвать общекоммуникативной.

Общекоммуникативная имплицитность различается по характеру ассоциаций, на основе которых возникает дополнительный смысл. Между выраженным и подразумеваемым смыслом могут существовать отношения предметной тождественности («повернуть ключ в замке» подразумевает запереть дверь), логического следствия («он пробежал 100 метров за 8 секунд» и, следовательно, значительно превысил мировой рекорд), символического выражения («он кивнул головой» подразумевает выражение согласия), этикетного иносказания («у нее критические дни»), образной репрезентации («он на нее пылинке сесть не дает» — очень любит и заботится) и т.д.

Связь импликации со значением языковых единиц, составляющих высказывание, отражает положение высказывания на границе языка и речи: с одной стороны, высказывание — это единица текста, составная часть более крупного речевого целого, а, с другой стороны, — единица реализации языковой системы, в рамках которой происходит актуализация языковых средств, интерпретация их значений, их воспроизведение и развитие.

Коммуникативная способность владеющих языком включает, помимо языкового знания, умение интерпретировать языковое содержание высказывания и выводить из него контекстуальный и имплицитный смысл. Потенциально коммуниканты имеют возможность извлекать из высказывания всю совокупность содержащейся в нем информации. Однако в конкретном акте общения получатель информации может порой воспринимать лишь часть глобального содержания текста. Наряду с полным пониманием этого содержания, может иметь место неспособность: а) интерпретировать имплицитный смысл («буквальное» понимание), б) соотнести языковое содержание с предметным знанием для интерпретации конкретно-контекстуального смысла («вербальное» понимание), в) интерпретировать — частично

или полностью — языковое содержание высказывания (неполное понимание или полное непонимание сообщения).

Задача перевода заключается в передаче содержания текста оригинала. В идеале переводчик должен бы стремиться к воспроизведению всего глобального содержания этого текста (в связи с этим в теоретических работах по переводу нередко указывается, что следует переводить не просто текст оригинала, а «текст плюс контекст»). Мы видим, что это глобальное содержание складывается как из выраженного смысла, так и из смысловых компонентов, которые лишь подразумеваются или добавляются к языковому содержанию текста самими коммуникантами. Из таких же компонентов складывается и глобальное содержание текста перевода. Поэтому оптимальным решением задачи было бы точное воспроизведение в переводе языкового содержания оригинала, с тем чтобы рецепторы перевода могли бы на его основе самостоятельно вывести конкретно-контекстуальный и имплицитный смысл. Однако при этом возникают определенные трудности.

Прежде всего, как известно, языковое содержание оригинала практически никогда не воссоздается в переводе в полном объеме, и добиться здесь тождества невозможно. Фактическая близость содержания текстов оригинала и перевода достигается на разных уровнях эквивалентности с утратой отдельных элементов смысла. И в одном языке языковое содержание высказывания может варьироваться, сохраняя в разной степени инвариантный смысл. Варьироваться могут компоненты значения (семы) отдельных слов («Английские власти устроили суд над восставшими солдатами — Английские власти устроили судилище над восставшими солдатами»), компоненты значения синтаксических структур («Английские власти устроили суд над восставшими солдатами — Английскими властями был устроен суд над восставшими солдатами»), набор признаков, через названия которых в высказывании описывается данная ситуация («Английские власти устроили суд над восставшими солдатами — По приказу властей солдаты-участники восстания были отданы в руки английского правосудия»). Можно даже обнаружить наличие общих элементов смысла в некоторых высказываниях, где различаются и сами описываемые ситуации, Очевидно, например, что фразы:

«Не совершай опрометчивых поступков», «Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Береженного и Бог бережет», «Сначала хорошенько подумай», «Не спросясь броду, не суйся в воду», «Горячая голова до добра не доведет» и т.п. имеют общий смысл — совет быть осторожным. Высказывания «Ты поступил совершенно правильно», «Молодец!», «Вот это да!», «Дай я тебя расцелую!», «Нет каков, а?» по-разному выражают общую идею одобрения и т.д. Все эти виды семантических расхождений могут обнаруживаться и между планами содержания взаимно эквивалентных высказываний в текстах оригинала и перевода.

Воспроизведение языкового содержания оригинала на разных уровнях эквивалентности может по-разному отражаться на способности рецептора перевода воссоздать конкретно-контекстуальный смысл оригинала. Роль конкретной обстановки общения и индивидуальных знаний и опыта рецептора в формировании конкретно-контекстуального смысла настолько велика, что он способен сохраняться при значительном варьировании языкового содержания и, напротив, может изменяться в значительных пределах при максимальном сохранении плана содержания оригинала. Следует также учитывать, что принадлежность рецептора к иному языковому коллективу сама по себе может лишить его каких-то знаний, имеющихся у рецептора оригинала и необходимых для полной интерпретации языкового содержания исходного текста. Здесь уже возникает необходимость сообщить эти знания рецептору перевода, включив их в содержание текста или во внетекстовые ссылки и примечания.

По-разному может воспроизводиться в переводе и имплицитный смысл оригинала. И здесь в идеале информация, подразумеваемая в оригинале, должна оставаться имплицитной и в переводе. Во многих случаях эквивалентное воспроизведение языкового содержания оригинала сохраняет и имплицитный смысл текста. Однако нередко сохранение первоначального соотношения явно выраженного и подразумеваемого смыслов в процессе перевода оказывается невозможным. Здесь можно отметить несколько типичных случаев, (например, Ф.М.Достоевский «Идиот». Перевод на английский Ю.М.Катцера):

1) Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла высказывания в оригинале и переводе одинаково. При этом пе-

редача импликационала обеспечивается воспроизведением языкового содержания оригинала: «Я не из гордости это говорю: я и действительно не знал, куда голову преклонить.» — «I'm not saying that out of pride. I really didn't know where to lay my head.» — «На улицу пойду, Катя, ты слышала, там мне и место, а не то в прачки.» — «I'll go on the streets, Katya. You've heard me say so. That's what I'm fit for, or else to be a washerwoman».

2) Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла высказывания в оригинале и переводе одинаково. При этом передача импликационала обеспечивается путем модификации языкового содержания оригинала: «Ведь я тебе ни копейки не дам, хоть ты тут вверх ногами предо мной ходи.» — I won't give you a single kopeck even if you stand on your head before me. «А это правда, что вот родитель мой помер, а я из Пскова через месяц без сапог домой еду.» — But it's true enough that my parent died a month ago and I'm on my way from Pskov with hardly a kopeck to call my own.»

3) Соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в оригинале и переводе изменилось за счет эксплицирования импликационала: «Взял меня родитель и наверху запер и целый час поучал.» — So Father took me upstairs, locked me up, and thrashed me for a whole hour. «Местечко в канцелярии я вам приищу, не тугое, но потребует аккуратности.» — I'll find you a post in a Government office — one that will not require much of you except orderliness.

Такая связь импликационала высказывания с его языковым содержанием приводит к более частым изменениям структуры оригинала при переводе, чем наличие индивидуально-контекстуальной имплицитности. В любом случае переводчику приходится решать, достаточно ли полно воспроизведение языкового содержания оригинала обеспечивает и передачу подразумеваемого смысла.

Проблемы перевода — это, в основном, проблемы анализа, понимания и построения текста. Не случайно, многие переводоведы рассматривают текст в качестве основной единицы перевода (ЕП). Для этого есть несколько оснований. Во-первых, поскольку текст представляет собой единое смысловое целое, значения всех его элементов взаимосвязаны и подчинены этому целому. Поэтому понимание отдельных высказываний в большей или меньшей

степени зависит от содержания всего текста и от того места, которое они в тексте занимают. Таким образом, текст является той единицей, в рамках которой решается вопрос о контекстуальном значении всех языковых средств. Во-вторых, при оценке значимости неизбежных потерь при переводе действует принцип преобладания целого над частью. Это означает допустимость жертвования менее существенными деталями ради успешной передачи глобального содержания текста. В-третьих, конечной целью переводчика является создание текста, который отвечал бы требованиям когезии и когерентности, и все решения переводчика принимаются с учетом этих требований. Конечно, признание текста основной единицей перевода не решает проблем, связанных с передачей отдельных элементов его содержания, но оно подчеркивает важность текстологических аспектов перевода.

Учитывая первостепенную роль текста в переводе, теории перевода пытаются разработать переводческую типологию текстов, которая отражала бы различия в общей стратегии переводчика, разную степень воспроизведения отдельных элементов или функций оригинала и роль переводчика как создателя текста перевода. Примером попытки связать классификацию текстов оригинала со стратегией переводчика может служить концепция немецкой исследовательницы К. Райс. Эта концепция исходит из теории основных функций языка, предложенной известным австрийским лингвистом К. Бюлером. Согласно этой теории, язык выполняет три главных функции: функцию описания (сообщение информации), функцию выражения (эмоциональных или эстетических переживаний) и функцию обращения (призыв к действию или реакции). Перенося эту классификацию функций языка на содержание текста, К. Райс предлагает различать три типа текстов: в первом типе доминирует функция описания, во втором — выражения, в третьем — призыва. Эти три типа текста, выделяемые на основе функций языка, предлагается дополнить четвертым типом — аудиомедиальным, к которому относятся тексты, предназначенные для использования в устной форме.

Такая типология текстов непосредственно увязывается с задачами перевода. Предполагается, что первый тип текста ориентирован, в первую очередь, на содержание и при переводе этих текстов (коммерческих, научных, деловых и т.п.) задача перевод-

чика заключается в том, чтобы как можно полнее передать это содержание. Второй тип текста считается ориентированным на форму (художественная литература), и задача переводчика заключается прежде всего в сохранении художественно-эстетического воздействия оригинала. Третий тип текста, ориентированный на обращение, стремится достичь определенный экстралингвистический эффект, и поэтому в переводе должно быть четко передано это обращение к слушателю или читателю. Аудиомедиаальные тексты (тексты радио и телепередач, сценических произведений и пр.) составляют часть более крупного целого, поэтому при их переводе прежде всего необходимо учитывать условия неязыковой (технической) среды, в которой они будут использоваться. Хотя на практике текст оригинала может включать признаки разных типов, один из них, как правило, является доминантным и именно он будет определять метод перевода.

По иному подошел к созданию переводческой типологии текстов немецкий переводовед А.Нойберт. Он попытался классифицировать переводимые тексты на основе их прагматической ориентации. А.Нойберт исходил из того, что важнейшей задачей перевода является передача реального воздействия текста оригинала на его читателя, чтобы у читателей перевода возникли бы такие же прагматические отношения к передаваемому сообщению. По мнению А. Нойберта, достижение такой прагматической эквивалентности зависит от того, насколько содержание оригинала может влиять на читателя перевода, касаться его непосредственно, затрагивать его интересы. Исходя из этих соображений, предлагается различать четыре типа текстов, отличающихся по степени переводимости в прагматическом плане.

В первом типе у текстов оригинала и перевода имеются общие цели, основанные на общих потребностях. Содержание оригинала не предназначено исключительно для аудитории ИЯ (научно-техническая литература, рекламные объявления и т.п.). Общность цели означает, что и у аудитории ПЯ могут возникнуть такие же прагматические отношения к сообщаемому, и, следовательно, такие тексты обладают высшей степенью переводимости с прагматической точки зрения.

Второй тип отношений характерен для текстов, исключительно предназначенных для аудитории ИЯ (официальные рас-

поражения, местная информация, развлекательные материалы и т.п.). По мнению А.Нойберта, тексты законов, общественно-политическая литература, местная пресса настолько специфичны в прагматическом отношении, что такие тексты в этом смысле принципиально непереводимы.

Третий тип текстов — художественная литература, — хотя и создаются для аудитории ИЯ, но могут выражать и общечеловеческие потребности. Поэтому их прагматические отношения с определенными ограничениями могут возникать и в переводе. Здесь степень переводимости зависит от жанра: беллетристика и драматургия обладают более высокой степенью переводимости, чем лирическая поэзия.

И, наконец, четвертый тип текстов создается на ИЯ, но предназначается для перевода на другой язык и изначально ориентирован на аудиторию ПЯ (публикации для зарубежных стран). Этот тип текста обладает высокой степенью прагматической переводимости.

Как мы уже отмечали, в современном переводоведении существует текстоцентристская концепция, согласно которой переводчик — это, в первую очередь, создатель текстов, с помощью которых должны быть достигнуты определенные прагматические цели. Эта концепция, которую называют «скопос-теория» (скопос — цель), исходит из того, что успех перевода, как всякой практической деятельности, зависит от степени достижения поставленной цели. В каких-то случаях цель перевода может быть достигнута при максимальном приближении к оригиналу, в других случаях текст перевода создается для того, чтобы сообщить получателю определенную информацию, убедить его в чем-либо, добиться заключения сделки, ввести его в заблуждение и т.п. При этом переводчик выступает не в качестве простого посредника, а как языковой консультант, специалист, хорошо знающий язык, культуру, экономику соответствующей страны и способный создать текст, который нужен для успешных контактов с представителями этой страны. Можно представить и такой случай, когда текста оригинала вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или по указанию заказчика. Создатель текста оказывается центральной фигурой в межъязыковой коммуникации, и для теории и практи-

В.Н.Комиссаров

ки перевода особую важность приобретают данные лингвистики текста, раскрывающие особенности построения и функционирования текстов в различных сферах общения в рамках определенной культуры.

Подводя итог всему сказанному, еще раз подчеркнем, что текст выступает как цель, объект и результат перевода и текстологическим проблемам отводится важное место в современном переводоведении.

Лекция N 4

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

В создание лингвистической базы современного переводоведения немаловажный вклад вносит и социолингвистика, изучающая различные аспекты проблемы «язык и общество». Особую ценность для теории перевода представляют два взаимодополняющих подхода к этой проблеме. С одной стороны, язык рассматривается как единое социально-культурное образование, отражающее особенности определенного этноса как носителя определенной культуры, выделяющей его среди других культур. С другой стороны, изучаются различные виды вариативности в языке, связанные с неоднородностью и многогранностью общественной жизни, существованием социальных, профессиональных и многих других различий между людьми в рамках одной и той же культуры.

Проблема взаимоотношения языка и культуры традиционно включалась в сферу интересов языковедов. Однако в последние десятилетия понятие «культура» приобретает все более широкую интерпретацию. На смену понимания культуры как совокупности материальных и духовных достижений цивилизации пришло расширенное толкование этого термина, включающее все особенности исторических, социальных и психологических яв-

лений, характерных для данного этноса, его традиции, ценности, взгляды, институты, поведение, быт, условия жизни — словом, все стороны его бытия и сознания. Такое понимание культуры, естественно, включает в нее язык и все другие аспекты вербальной коммуникации как важнейшего условия человеческого существования.

В теоретическом плане новая трактовка понятия «культура» получила дальнейшее развитие в двух направлениях. С одной стороны, начала формироваться новая научная дисциплина «культурология» как важная часть глобальной науки о человеке. С другой стороны, традиционная проблема «язык и культура» приобрела новую значимость и масштабность.

Язык как орудие вербальной коммуникации является важнейшей частью культуры, и все особенности его структуры и функционирования могут считаться проявлениями культуры соответствующего языкового (или этнического) коллектива. Однако следует учитывать сложный и опосредственный характер связи языка с другими элементами культуры. Окружающий мир, духовная жизнь и поведение людей отражаются в сознании человека в определенных когнитивных структурах, которые, в свою очередь, реализуются и переструктурируются в языковых категориях и формах. Формирование и развитие когнитивных и особенно языковых структур происходит не только под влиянием внешних факторов (других элементов культуры), но и по своим внутренним законам, определяющим существование когнитивных и языковых систем как целостных образований.

Для исследования закономерностей переводческой деятельности большой интерес представляют особенности языка, прямо или косвенно обусловленные культурой носителей языка. Подобные особенности могут обнаруживаться на разных уровнях языковой структуры, в правилах вербальной коммуникации, в способах описания внеязыковой реальности.

Легко демонстрируется социально-культурная детерминированность словарного состава языка. Речь идет не только о том, что количество наименований в определенной сфере деятельности прямо зависит от степени общественной значимости этой сферы. Традиционно в качестве примера такой зависимости упоминается большое число названий разных видов снега у эскимо-

сов или многочисленные названия окраски лошадей у аргентинских пастухов. Однако не меньший интерес представляют факты отражения в значении и употреблении лексических единиц своеобразия осмысления представителями данной культуры окружающего мира. Так, для англичанина глаза, зубы и язык воспринимаются как непосредственно расположенные в голове (*eyes in the head, teeth in the head, tongue in the head*). В английской культуре особое значение имеет «noon» — 12 часов дня, служащие основной точкой отсчета времени. Это не только середина дня (*midday*), но и конец утра (*morning*), которое длится с полуночи, частично перекрывая и темное (*night*) и светлое (*day*) время суток. К этой точке привязан и особый прием пищи — «*lunch*» в отличие от главной еды в сутки — «*dinner*», которую едят в середине или в конце дня. После главной точки отсчета начинается «*afternoon*» (*post meridiem*), вроде бы вторая половина дня, которая длится до заката солнца (*before sunset or nightfall*). Но «*nightfall*» — это, ведь, наступление ночи (или, точнее, темноты), первую часть которой, видимо, составляет «*evening*», поскольку она же может называться «*night*». Английский чай (*tea*) подается вроде бы ближе к вечеру или в конце второй половины дня (*in the late afternoon*), но есть еще «*supper*», который едят вечером (если «*dinner*» съели в середине дня) или поздно ночью. В целом, образуется своеобразная картина суток, характерная для английской культуры.

Особенности восприятия окружающего мира отражаются и на способах описания типичных ситуаций. Например для представителей английской культуры свойственно включать в чувственные восприятия воспринимающего субъекта (ср. русское «Вдруг послышался шум» и английский перевод «*Suddenly we heard noise*»).

Решающую роль играют социально-культурные факторы в формировании у коммуникантов фоновых знаний, без которых, как мы уже знаем, невозможна интерпретация речевых высказываний. Наибольший интерес для теории и практики перевода представляют сообщения, непосредственно отражающие условия жизни и обычаи представителей определенной культуры. В английских домах спальни часто располагаются на втором этаже, и поэтому фраза «*It's late I'll go up*» легко истолковывается как намерение говорящего отправиться спать. Когда американец сооб-

шает, что он хочет купить «a three bedroom apartment», его сообщение будет правильно понято лишь тем, кто знает, что в его стране, кроме индивидуальных спален, принято иметь и одну общую комнату, и поэтому речь идет о четырехкомнатной квартире. В каждой культуре существуют свои способы предотвращения нежелательного развития событий: «This appointment will make or break me, so keep your fingers crossed, please.» — Эта встреча решит мою судьбу, так что ругай меня, пожалуйста.

Изучение культурной обусловленности разных сторон вербальной коммуникации представляет большой интерес для переводоведения. Мы уже отмечали, что переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя культурами. Следует учитывать, что наряду с уникальными особенностями, характеризующими каждую отдельную культуру, существуют факторы, общие для многих или некоторых культур. Кроме того, различные культуры всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга. Реальная жизнь опровергает утверждения об обособленности и принципиальной взаимной непроницаемости культур. Подобные сомнения в возможности полноценного контакта между разными культурами высказывались некоторыми лингвистами, этнографами, литераторами, философами и другими деятелями культуры. В языковедении наиболее известна концепция, именуемая «Гипотеза Сепира—Уорфа».

Эта концепция, которую часто называют гипотезой лингвистической относительности, исходит из предположения, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, как это навязывается им языком. Познание не имеет объективного, общечеловеческого характера: сходные явления складываются в разные картины из-за различий в мышлении, навязываемых различиями языков. Отсюда следует, что полное взаимопонимание между представителями разных культур, говорящих на разных языках, принципиально невозможно: языки воздвигают между мышлением людей разной культуры непреодолимый барьер.

Мы уже говорили о том, что каждый язык создает своеобразную «языковую картину мира», что является одной из причин трудностей, возникающих при переводе. Структура языка, действительно, способна определять возможные пути построения сообщений, организуя определенным образом выражаемые мысли, порой навязывая говорящим обязательное употребление тех или иных форм. Но верно и то, что языковая форма высказывания не определяет однозначно содержание высказывания, выводимое на основе интерпретации значений составляющих его единиц, а служит лишь исходной базой для понимания глобального смысла. Один и тот же смысл может быть выведен из разных языковых структур, и, наоборот, одна и та же структура может служить основой для формирования и понимания различных сообщений. Таким образом, зависимость выраженных мыслей от способа их языкового выражения оказывается относительной и ограниченной. Говорящие могут сознавать различие между формой высказывания и сутью дела, преодолевать навязываемые языком стереотипы. Когда сегодня русский человек говорит, что солнце «всходит и заходит», это не означает, что он не согласен с Коперником и всерьез полагает, что солнце движется вокруг земли. Он может осознать, что фактически происходит совсем иное: вращаясь вокруг своей оси, земля на какое-то время обращает к солнцу ту часть своей поверхности, где он находится. Способ выражения этой мысли, принятый в русском языке, может отражать существовавшие когда-то представления об устройстве мироздания, но никак не предопределяет мышление современного человека.

Не препятствуют языковые барьеры и контактам между культурами. В условиях взаимосвязи и взаимозависимости современного мира различные культуры не изолированы друг от друга, а постоянно контактируют и взаимодействуют. Представители одной культуры сталкиваются с особенностями других культур при непосредственном общении с носителями этих культур у себя в стране и за ее пределами или получают соответствующую информацию устно или письменно с экрана, с газетных страниц, из литературных произведений и иных источников. Одним из таких источников, получившим широкое распространение в современном мире, являются переводы. Раскрывая своеобразие и мно-

гообразии культурных ценностей, обычаев и традиций, переводы способствуют взаимопониманию и взаимоуважению, обогащают культуру каждого народа, вносят большой вклад в развитие его языка, литературы, науки и техники.

Важную роль играют переводы в принимающей культуре, то есть в культуре языка перевода. Известно, что многие национальные языки и культуры формировались под влиянием переводов, главным образом, с античных языков. Переводы сыграли решающую роль в развитии культуры славянских народов. Переводы религиозных книг с греческого на церковно-славянский (староболгарский) язык, выполненные Кириллом и Мефодием, положили начало формированию русского языка, русской письменности и литературы.

В рамках разных культур на разных этапах развития к переводам предъявлялись неодинаковые требования. Этим требованиям должен был удовлетворять не только выбор текстов для перевода, но и избираемая переводчиком стратегия. Отчасти выбор стратегии мог определиться характером переводимых текстов или теоретическими установками самих переводчиков. Так, переводчики религиозных текстов, благоговейно относившиеся к каждой букве священного оригинала, стремились к максимально буквальному его воспроизведению, даже в ущерб смыслу и нормам языка перевода. Напротив, многие переводчики художественной литературы весьма вольно обращались с оригиналом. Выдающиеся русские переводчики Карамзин и Жуковский создавали блестящие образцы вольного перевода, а Вяземский, Гнедич и Фет упорно отстаивали необходимость перевода буквального. Но в любом случае переводчикам приходилось учитывать отношение к их деятельности, преобладавшее в их культуре в данное время. Первые попытки сделать переводы Библии более понятными и соответствующими языковой норме вызывали неприятие и возмущение верующих, в культуре которых считалось, что священный текст должен быть мистическим и загадочным. Решительный отказ Мартина Лютера от практики буквалистского перевода Библии привел к потрясениям и расколу в христианском мире. От французских переводчиков в 18 веке общество требовало «исправляющих» переводов, приводящих переводимое произведение «варварского» автора в соответствие с требованиями «хорошего

вкуса», законодателями которого считали себя французы. В современных культурах обычно относительно спокойно воспринимаются вольности переводчиков литературных произведений (которые к тому же нередко переводят с подстрочника или через третий язык) и предъявляют требования высокой точности к информативным (дипломатическим, коммерческим, техническим и пр.) переводам.

Известна и зависимость стратегии переводчика от степени престижности иностранного автора в принимающей культуре. Считающиеся классическими или образцовыми произведения прославленных и знаменитых авторов переводятся с повышенным вниманием к воспроизведению их содержания и авторского стиля, в то время как в переводах менее известных авторов нередко широко используются стандартные, приблизительные варианты, облегчающие задачу переводчика и нивелирующие смысловые и стилистические особенности оригинала.

Г.Тури указывает и на зависимость характера перевода от жанра переводимого литературного произведения. Если перевод принадлежит к литературному жанру, отсутствующему или слабо развитому в принимающей культуре, то переводчики более тщательно сохраняют жанровые особенности оригинала. Напротив, в жанрах, хорошо развитых в принимающей культуре, переводы соблюдают требования этих жанров в данной культуре.

Социально-культурное влияние на стратегию переводчика нередко отражается и на полноте воспроизведения в переводе содержания оригинала, вынуждая переводчика сокращать или полностью опускать все, что в принимающей культуре считается недопустимым по идеологическим, моральным или эстетическим соображениям.

Различные формы культурной детерминированности переводческой деятельности составляют своеобразную конвенциональную норму перевода — совокупность требований, предъявляемых обществом к переводам на определенном этапе истории.

Существование единой культуры и общего языка отнюдь не означает однородности культурно-языкового коллектива. Для каждого общества характерно наличие многочисленных территориальных, социальных, профессиональных, возрастных и других различий, которые находят отражение в особенностях упот-

ребления языковых средств отдельными группами людей. Кроме того, одни и те же люди могут по-разному использовать язык в разных социальных ситуациях. Различные виды языковой вариативности подобного рода составляют сферу интересов социолингвистики, и данные этой лингвистической дисциплины широко используются в современном переводоведении.

Прежде всего различия в употреблении средств языка связаны с проживанием людей, пользующихся одним и тем же языком, в разных странах или в разных частях одной страны. Если язык используется в нескольких странах, то в каждой из них он приобретает некоторые отличительные черты, в результате чего возникают национальные варианты этого языка. Так, существуют британский, американский и австралийский варианты английского языка и разновидности немецкого языка в Германии, Австрии и Швейцарии, испанского языка в самой Испании, на Кубе и в ряде стран Латинской Америки. В пределах одной страны могут существовать некоторые различия в речи жителей отдельных территорий — так называемые территориальные диалекты. Английский язык в северо-восточных штатах США отличается от языка жителей южных штатов или штатов Среднего Запада, а немцы в Баварии говорят не так, как жители Берлина. Между некоторыми территориальными диалектами имеются лишь незначительные фонетические, лексические или грамматические различия, в других случаях эти различия настолько велики, что диалект может считаться отдельным языком. В некоторых странах диалектальные различия постепенно стираются, в других — оказываются более устойчивыми.

Для теории перевода существование территориальных диалектов представляет интерес, главным образом, в связи с практическими проблемами, которые они создают для переводчика. Использование в оригинале форм таких диалектов может иметь двойкий характер. С одной стороны, диалект может представлять собой вид языка, используемого в процессе общения, то есть выступать в качестве исходного языка. С другой стороны, диалектальные формы могут употребляться с целью языковой характеристики отдельных персонажей. В первом случае диалектальный статус исходного языка вообще не имеет отношения к содержанию оригинала, и от переводчика требуется лишь знание этого

диалекта, особенностей его употребления и его отличия от общенародных форм языка, частью которого он является. Во втором случае перед переводчиком встает задача передачи той дополнительной информации о территориальной принадлежности говорящего, которая содержится в оригинале. Трудность заключается в том, что для этой цели невозможно использовать соответствующие диалектальные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей. Попытка установить эквивалентность между, скажем, диалектом негров Миссури, на котором говорит негр Джим у Марка Твена, и каким-либо диалектом немецкого или русского языков теоретически не оправдана и практически не наблюдается. Сходное географическое расположение диалектов не играет при этом никакой роли..

Решение этой проблемы отчасти облегчается существованием и другого вида языкового варьирования: так называемых социальных диалектов. Речь членов одного и того же языкового коллектива может различаться не только потому, что они живут в разных частях своей страны, но и вследствие их принадлежности к разным слоям общества. В разных странах социальное расслоение общества, отражающееся в языковых особенностях, может быть различным. Наиболее распространенными являются различия между речью людей, получивших стандартное школьное образование и овладевших общенародными языковыми нормами, и речью малообразованных людей, отклоняющейся в той или иной степени от литературной нормы. Подобные различия характерны для самых разных языков, что облегчает их воспроизведение в переводе.

Для переводческой практики весьма важно учитывать тот факт, что между социальными и территориальными диалектами часто существует тесная связь: территориальные различия обычно сохраняются в речи малообразованных людей и сглаживаются в процессе получения образования. Отдельный диалект может быть отграничен и географически, и общественным положением, то есть быть одновременно и территориальным и социальным. Таков, например, лондонский «кокни», характерный для речи «низов» английской столицы. Благодаря наличию такой связи, дополнительная информация, репрезентируемая территориаль-

но-диалектными формами, может быть передана в переводе средствами малообразованной речи. При этом учитывается, что, как правило, социальный диалект отличается от общенародного языка лишь отдельными языковыми особенностями, своего рода «указателями» (markers). Присутствие в тексте хотя бы небольшого числа таких указателей обеспечивает воспроизведение данного вида информации, например: «He do look quiet, don't 'e? D'e know 'oo 'e is, Sir? — Вид-то у него спокойный, правда? Часом не знаете, сэр, кто он такой?». Роль совокупности грамматических (don't вместо doesn't) и фонетических ('e вместо he, 'e вместо you, 'oo вместо who) признаков, указывающих на принадлежность говорящего к простонародью, переводчик попытался возместить в переводе одним просторечным оборотом «Часом не знаете?».

Некоторые трудности при передаче особенностей социальных диалектов могут возникнуть в связи с тем, что степень социального расслоения в разных странах различна, как и различна степень такого расслоения в языке. В таких случаях эквивалентность в переводе может устанавливаться между совершенно разными типами речи. Важно лишь, чтобы различия в речевых формах имели соответствующий социальный статус. Например, в переводах на английский язык романов западно-африканских писателей горожане говорят стандартным английским языком, а крестьяне языком Библии. В любом случае переводчик должен хорошо знать социальные диалекты обоих языков, участвующих в переводе, и уметь соотносить их признаки.

Меньше трудностей в переводе возникает в связи с существованием в языке еще одного вида диалектов, отражающих особенности употребления языка представителями некоторых профессий. Речь моряков, солдат, студентов и тому подобных профессиональных групп может обладать определенными особенностями, главным образом, в области лексики, которые выделяют в языке ряд профессиональных диалектов (или жаргонов). В большинстве случаев основные профессиональные группы можно обнаружить в разных культурах и при переводе могут быть использованы формы соответствующего профессионального диалекта.

Варьирование языковых средств не ограничивается территориальным, социальным и профессиональным расслоением языка. В языке выделяются также так называемые функциональ-

ные стили — совокупности языковых средств, преимущественно употребляющихся в определенных сферах общения. Хотя число функциональных стилей в отдельных языках может не совпадать, а их границы не всегда ясно очерчены, в большинстве языков достаточно четко выделяются такие функциональные разновидности, как художественный стиль (стиль художественной прозы и поэзии), публицистический стиль, научный стиль (совокупность научно-технического и научно-гуманитарного стилей), официально-деловой стиль (совокупность официально-деловых документов), газетно-информационный стиль, разговорный стиль и некоторые другие. Каждый функциональный стиль использует языковые средства, которые встречаются и в других стилях, но его характеризует преобладающее употребление определенного набора таких средств. В рамках функционального стиля выделяются отдельные жанры или типы текстов. Например, в научном стиле — это монография, научная статья, лекция, доклад, выступление, сообщение (и другие устные разновидности). Хотя границы жанров подчас недостаточно четки, в каждом из них можно выделить его жанровую доминанту, своего рода прото-текст, характеризующийся определенным набором языковых признаков. Отдельный конкретный текст в большей или меньшей степени соответствует прото-тексту своего жанра.

Различные функциональные стили обнаруживают способность к взаимодействию и взаимопроникновению. Сравнение таких стилей выявляет как контрастные признаки, противопоставляющие один стиль другому (например, эмоциональность художественного текста и неэмоциональность большинства научных текстов), так и языковые признаки, которые в одинаковой степени характерны для нескольких функциональных стилей. Так, осложненность синтаксических построений типична не только для официально-деловых, но и для научных текстов, ограниченное использование эмоциональной лексики наблюдается не только в научной прозе, но и в газетно-информационных материалах, логичность изложения — ведущий признак научно-го текста — присущ и многим художественным текстам и т.д.

Лингвистическая классификация функциональных стилей представляет большой интерес для переводоведения. На ее основе в теории перевода выделяются отдельные виды перевода,

отличающиеся характером переводческих трудностей и уровнем эквивалентности, которую должен обеспечивать переводчик. При таком подходе, в первую очередь, противопоставляется перевод текстов художественного стиля (художественный перевод) и перевод текстов всех прочих «нехудожественных» стилей (прагматический или информативный перевод). Такое противопоставление основано на различии главных задач, стоящих перед переводчиком в каждом из этих видов перевода. В художественном переводе основная цель переводчика заключается в передаче художественно-эстетических достоинств оригинала, в создании полноценного художественного произведения на языке перевода. Художественные переводы составляют часть литературы в принимающей культуре, наряду с оригинальными произведениями. Для достижения художественности переводчик порой отказывается от максимальной точности в передаче содержания оригинала. Напротив, в информативном переводе в центре внимания переводчика находится информация, содержащаяся в исходном тексте, которую он стремится передать возможно полнее. Дальнейшее выделение видов перевода производится в рамках художественного перевода по литературным жанрам, а в информативном переводе — по отдельным функциональным стилям.

Жанрово-стилистическая классификация переводов связана с использованием в переводе двух языков и отражает особенности каждого из них. Принадлежность оригинала к определенному функциональному стилю исходного языка определяет его доминантную функцию, которая должна быть передана в переводе, и, как правило, предопределяет выбор функционального стиля в переводе. В свою очередь, выбранный стиль перевода требует соблюдения его норм и особенностей в языке перевода, даже если они в той или иной степени не совпадают с нормами аналогичного стиля в исходном языке. Выделение видов перевода на основе жанрово-стилистической принадлежности оригинала наиболее оправдано в тех случаях, когда существует значительное расхождение в языковой характеристике соответствующих стилей и жанров в двух языках, вызывающее необходимость в своего рода стилистической адаптации перевода, изменения характера используемых соответствий, отказа от использования стилистических признаков, наиболее близких некоторым элементам ори-

гинала, но неуместным в данном функциональном стиле языка перевода. Следует учитывать, что появление таких признаков в тексте перевода приводит к резкому нарушению стилистической нормы и создает в переводе дополнительный, а иногда и абсолютно неприемлемый эффект. В качестве примера можно упомянуть сравнительно свободное употребление нецензурной лексики в литературных произведениях в одних странах и недопустимость такого явления в некоторых других культурах. Можно также указать на различия газетно-информационных материалов, например, в английском и русском языках. В целом, стиль английской печати оказывается более заземленным, шире использует элементы разговорного стиля. Кроме этого, между английской и русской газетой обнаруживается целый ряд частных расхождений: в использовании военной лексики, высокопарных выражений, оскорбительных эпитетов, всевозможных сокращений и аббревиатур, фамильярных манипуляций с именами государственных и политических деятелей и т.д. Несовпадение языковых особенностей данного стиля в этих языках, вызывающее необходимость стилистической адаптации при переводе, и служит основанием для выделения перевода таких материалов в особый вид перевода.

Выбор языковых средств может также зависеть от ситуации общения и ролей, в которых выступают участники коммуникации. В разных ситуациях люди говорят по-разному, и речь докладчика на собрании не похожа на его разговор с незнакомым человеком на улице, с близким другом или с собственной женой. Такие разновидности речи обычно называются «регистрами». Ситуации общения весьма многочисленны, и соответствующие регистры могут по-разному классифицироваться. Наиболее часто выделяются такие регистры, как торжественный, официальный, дружеский и интимный. Выбирая вариант перевода, переводчик должен учитывать, в каком регистре происходит общение. От этого выбора будет зависеть, например, перевод английского «auntie» как «тетя, тетушка, тетенька, тетечка или тетка».

Большой интерес для переводоведения представляют лингвистические исследования, посвященные изучению билингвизма — использованию человеком двух языковых систем и взаимодействию этих систем в его речи. Теория языковых контактов рас-

смаатривает все виды билингвизма от совершенного владения обоими языками до ситуации, когда человек только начинает изучать второй язык. Описаны различные виды взаимодействия языков в процессе вербальной коммуникации. С одной стороны, различаются случаи коммуникативного равенства двух языков, каждый из которых осознается как одинаково социально значимый и одинаково эффективно используется билингвом. С другой стороны, один из таких языков может играть значительно более важную роль, чем другой, быть более необходимым и престижным, быть основным средством общения для билингва. Оба языка могут существовать как бы в изоляции друг от друга: человек может свободно пользоваться каждым из них, но между единицами этих языков не устанавливается прямых связей, и человек с трудом подыскивает единицам одного языка соответствия в другом языке. Напротив, может быть своего рода смешанное двуязычие, когда такие связи существуют и, говоря на одном языке, билингв легко вставляет в свою речь уместные слова и выражения из другого языка.

Всесторонне изучается проблема межъязыковой интерференции. Преобладание одного языка над другим в сознании билингва приводит к тому, что под влиянием доминантного языка (обычно его родного) речь билингва на другом языке претерпевает изменения. Он невольно переносит в этот язык некоторые особенности родного языка. Явление языковой интерференции подобного рода составляет одно из препятствий при овладении иностранным языком, создает более или менее сильный акцент, характерный для большинства людей, говорящих на неродном языке. Характер подобной контаминированной речи зависит от содержания и соотношения форм и структур контактирующих языков. Она обычно рассматривается как нежелательное явление, вид ненормативной речи, создающей помехи для успешной коммуникации.

Проблемы билингвизма имеют непосредственное отношение к переводческой деятельности. Переводчик по определению двуязычен. (Исключение составляют некоторые ситуации в художественном переводе, когда поэт или писатель переводит по подстрочнику, не зная языка оригинала. Но и в этом случае в процессе перевода участвует билингв, создающий подстрочник.) Зна-

ние двух языков определяет возможность переводческой деятельности, и в большинстве случаев оно само по себе уже предполагает умение более или менее точно передавать на другом языке содержание иноязычного сообщения. Однако профессиональная компетенция переводчика отнюдь не сводится к владению двумя языками. С одной стороны, известны случаи, когда знающий два языка вообще оказывается неспособен переводить даже тексты на знакомые ему темы. С другой стороны, как правило, «естественный» перевод билингва не отвечает требованиям, предъявляемым к профессиональному переводчику, и создает лишь основу для развития переводческой компетенции, возникающей путем целенаправленного обучения или на основе длительного практического опыта. Билингвизм профессионального переводчика — это не только знание двух языков, но и умение находить и соотносить коммуникативно равноценные средства этих языков с учетом особенностей конкретного акта общения, а также знание принципов, методов и приемов, создающих такое умение.

Большое внимание в теории перевода уделяется проблеме интерференции. Постоянное контактирование двух языков в процессе перевода создает условия для сознательного или бессознательного внесения изменений в язык перевода под влиянием языка оригинала. При этом недостаточно квалифицированные переводчики подчас нарушают нормы и узус языка в переводе, создавая так называемый «переводческий язык», который неоднократно подвергался критике, особенно в области художественного перевода. В своей книге «Высокое искусство» К.И. Чуковский приводит многочисленные примеры англо-русских и иных переводов, где, стремясь к максимальному уподоблению перевода оригиналу, переводчик создает неприемлемые высказывания, например: «Я, который столько знает и столько людей может вздернуть, не считая себя самого», «Воздух кажется слишком зараженным даже для той грязи и гадости...», «Кулак слишком часто оставлял отпечатки на его теле, чтобы не запечатлеться глубоко в его памяти...» и т.п.

В то же время, воспроизводя содержание оригинала, переводчик всегда сознательно использует некоторые технические приемы, копирующие формы и структуры языка оригинала и позволяющие преодолеть типичные переводческие трудности. Та-

кими приемами, в первую очередь, является заимствование иноязычной формы путем транскрибирования с помощью букв языка перевода (файл, интерфейс, клип, трайбализм и др.) и калькирование структуры слова или словосочетания путем перевода каждого элемента в отдельности последующим объединением переведенного в единое целое (заднескамеечник, военное присутствие, стратегическая оборонная инициатива и пр.). Под влиянием единиц оригинала в переводе могут расширяться значения отдельных слов. Русское слово «прорыв» имело сугубо негативное значение «отставание, невыполнение задания»: «прорыв в экономике, в сельском хозяйстве, на производстве» и т.п. В то же время невоенное значение английского соответствия «break-through» было положительным — «выдающееся достижение, успех». И под влиянием английского слова русское «прорыв» стало употребляться в таком же положительном смысле: «Добиться прорыва в переговорах», «Достигнут новый прорыв в области международного сотрудничества» и т.п. Аналогичным образом по образцу английского «alternative» русское «альтернатива», означавшее лишь «выбор из двух возможных вариантов», стало употребляться еще и в значении «один из таких вариантов», например: «Миру нет альтернативы».

Стремление точнее воспроизвести содержание оригинала нередко приводит к изменению частотности употребления отдельных единиц в языке перевода. Слова, не имеющие прямых соответствий в языке оригинала, встречаются в переводах реже, чем в непереводах на том же языке. Так, русские слова «завтрак», «обед», «ужин» имеют в английском языке прямые соответствия, которые обычно и используются в русско-английских переводах. В то же время английское слово «meal», которое широко употребляется для обозначения любого приема пищи, не имеет соответствия в русском языке. Оно может появиться в русско-английском переводе, но, в целом, его частотность будет ниже, чем в оригинальных английских текстах.

Закономерные языковые отличия переводов от непереводаемых текстов позволяют говорить о существовании особой разновидности языка — «подъязыка переводов». Изучение особенностей языка переводов с различных исходных языков представляет большой теоретический и практический интерес, давая возмож-

ность отличать вызванные интерференцией ошибки переводчика от вполне оправданных способов достижения эквивалентности перевода.

Еще один аспект перевода в связи с явлением интерференции заключается в необходимости передачи в переводе контаминированной речи. Появление контаминированных форм в речи может быть произвольным или намеренным. В первом случае говорящий, недостаточно владеющий языком, которым он пользуется, употребляет искаженные формы этого языка помимо своего желания. Подобные искажения затрудняют восприятие и обнаруживают принадлежность говорящего к иному языковому коллективу. При восприятии подобной речи другие участники коммуникации соотносят воспринятое с правильными формами языка, осуществляя своего рода перевод с контаминированной на правильную речь. Подобная корреляция происходит и в процессе перевода на другой язык, и произвольная контаминация отражается в тексте перевода только тогда, когда в оригинале содержатся металингвистические высказывания, объектом которых является сама контаминация. Во втором случае контаминированные формы используются как художественный прием для характеристики речи иностранца. Речевая характеристика персонажа играет немаловажную роль в художественном произведении, и ее воспроизведение входит в задачу переводчика. При этом возможны два способа достижения эквивалентности. Во-первых, могут использоваться стандартные приемы условного изображения речи иностранца. В языках существуют общепринятые способы подобного изображения. Так, в английском и русском языках традиционно изображаются особенности речи немцев и китайцев. Хотя такие особенности представлены довольно условно, они во многом определяются реальными языковыми различиями. Например, ошибки в выборе глагольного вида характерны для всех говорящих по-русски иностранцев, в языке которых нет подобных видовых категорий, а замена синтетической формы будущего времени глагола на аналитическую («Я буду сказать тебе это завтра») уже свойственна для немца, но не для француза. И при наличии стандартных способов изображения контаминированной речи они, естественно, ис-

В.Н.Комиссаров

пользуются и в оригинале, и в переводе, например (речь китаец): «Me blingee beer. Now you play.» — Моя плинесла пиво, твоя типель платить.

Нередко, однако, в оригинале изображена неправильная речь человека такой национальности, в отношении которой в языке перевода не существует установившегося способа изображения. В этих случаях переводчик выбирает некоторые контаминированные формы, учитывая при этом, что такие формы могут восприниматься не только как речь иностранца, но и как речь человека малообразованного, например русское «твоя моя понимай нету» или «мал-мало платить надо». Обычно в переводе бывает достаточно нескольких неправильных форм, например (речь туземца-канака): «When you see him 'quid then you quick see him 'parm whale.» — Когда твоя видел спрут, тогда твоя скоро-скоро видел кашалота.

В заключение отметим, что в данной лекции мы лишь кратко коснулись некоторых фундаментальных проблем, которыми занимается социолингвистика. Однако и этого краткого обзора достаточно, чтобы убедиться, что исследования в этой области дают ценные результаты и для изучения многих сторон переводческой деятельности.

ЧАСТЬ 2

ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Лекция N 5

ПЕРЕВОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Перевод — это один из древних видов человеческой деятельности. Конечно, мы не можем точно сказать, когда на земле появился первый переводчик, и археологи вряд ли когда-нибудь откопают его останки. Сами переводчики не претендуют на то, чтобы их профессия считалась древнейшей, но есть все основания полагать, что как только возникли на нашей планете разноязычные человеческие племена, появилась и потребность в людях, которые могли бы служить посредниками при контактах между представителями разных племен. Возможно, что первыми переводчиками были женщины. Известно, что в древности существовал обычай красть невест из чужого племени, женщина по неволе овладевала языком мужа и могла выступать в случае необходимости в роли переводчика. Сначала переводы были, естественно, только устными, позднее с возникновением письма появились и письменные переводчики.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что перевод имеет тысячелетнюю историю. Среди клинописных шумерских текстов, написанных за 3 тысячи лет до нашей эры, мы находим двуязычные словники, явно предназначенные для помощи переводчику. Известно, что и в древнем Вавилоне, и в Ассирии существовали группы переводчиков, доводивших повеления властителей до сведения покоренных народов. Вообще без переводчиков было бы невозможным существование древних империй, возникавших в результате завоеваний многих стран, населенных разноязычными народами. А в древнем Египте уже была специальная школа, готовившая переводчиков для контактов с соседями. О их существовании упоминает и Библия, где рассказывается история о Иосифе и его братьях. В ней описывается, как завидовавшие ему братья продали Иосифа в рабство в Египет, где он впоследствии стал важным лицом при дворе египетского фараона. Спустя некоторое время на родине Иосифа был неурожай и его братья отправились за хлебом в Египет. Когда их привели к Иосифу, они его не узнали, а он тоже сначала им не открылся и говорил с ними через переводчика. Подобных упоминаний о переводе и переводчиках можно обнаружить во многих источниках.

В предыдущих лекциях мы уже упоминали о том, что на ранних этапах переводческой деятельности в ней проявились две разные тенденции. Первая из них наиболее заметна в переводах религиозных текстов, и в первую очередь, Библии. Для переводчиков таких текстов оригиналы были «словом божьим», где каждое слово, порядок слов и даже отдельные буквы и знаки препинания были священными, имели какое-то особое значение и должны были как можно буквально воспроизводиться в переводе. Правда, при этом часто нарушались нормы языка перевода, местами перевод становился темным и непонятным, но это никого не смущало, ни самих переводчиков, ни читателей, которые полагали, что религиозный текст и не может быть понятен каждому, в нем многое должно быть мистическим, загадочным, «ибо тайна сия велика есть».

Если в переводах религиозных книг преобладала тенденция к максимальному буквализму, то другие виды переводов, устных и письменных, часто носили весьма приблизительный характер, их создатели вольно обращались с оригиналом, допускали много

неоправданных отклонений и ошибок. Отчасти такой вольный (или свободный) перевод был результатом низкой квалификации переводчика, но порой он мог быть следствием отсутствия должного уважения к переводимому тексту и нетребовательности к качеству перевода со стороны переводчика и читателей.

Противопоставление буквального и вольного перевода сохранилось и в более позднее время, когда выбор одной из этих переводческих стратегий определялся уже не характером переводимого текста, а общей установкой переводчика, его пониманием цели и содержания своей работы. Различие таких установок особенно отчетливо проявилось в художественном переводе. Здесь сторонники буквального перевода были убеждены, что только такой перевод может быть верен оригиналу, что задача перевода и заключается в максимальном копировании исходного текста. Их оппоненты возражали, что как раз буквальный перевод никогда не будет верным, поскольку он не передает самое главное — художественные достоинства оригинала и, что еще важнее, не создает полноценного текста на языке перевода. Они отстаивали право переводчика для достижения такой полноценности вносить любые изменения в свой перевод. Некоторые сторонники вольного перевода заходили в своих версиях очень далеко. Уже в 19 веке известный русский переводчик Иринарх Введенский провозглашал право переводчика на любые «отсебятинны», если он проникся духом оригинала, перевоплотился в его автора и может восполнить любые упущения, почему-либо присутствующие в оригинале. И эти теоретические положения Иринарх Введенский неуклонно воплощал в своей переводческой практике. Так, переводя роман Ч.Диккенса «Давид Копперфилд», он сочинил от себя конец второй главы, начало шестой главы, внес многочисленные исправления в текст романа. Ведь, как утверждал переводчик, его пером водил «дух» автора.

Мы уже упоминали и практику «украшательского» перевода, получившую особенно широкое распространение и теоретическое обоснование у французских переводчиков восемнадцатого века. Вспомним, что французы в эту эпоху считали себя единственными обладателями совершенного вкуса, требованиям которого, по их мнению, не отвечали литературные произведения других народов, именовавшиеся «варварскими». И при переводе

произведений таких «варваров» (к которым относились и Шекспир, и Сервантес, и многие другие выдающиеся писатели и поэты) от переводчика требовали исправления оригинала, чтобы сделать его приятным для читателя. И в соответствии в этими требованиями переводчики «украшали» переводимый текст, выпускали то, что считали лишним, неудачным, добавляли свое и т.д. Переводчик романа Ричардсона выбросил описание смерти, заявив, что оно слишком мрачно и грубо. Переводчик Сервантеса нашел в «Дон Кихоте» много неприемлемого и все это выбросил или «исправил». А французский переводчик Лоренса Стерна прямо заявил, что нашел шутки и остроты английского юмориста неудачными и заменил их своими.

Переводческая деятельность имеет богатую многовековую историю, изучение которой проливает свет на важные стороны развития языка, литературы и культуры разных народов. Но в данной лекции мы более подробно остановимся лишь на последнем этапе этой истории, который ведет свое начало со второй половины 20 столетия. В этот период произошли значительные количественные и качественные изменения, во многом сказавшиеся как на самом характере переводческой деятельности, так и на требованиях, предъявляемых к переводу и переводчикам. Уже в первой лекции мы говорили о резком увеличении масштабов переводческой деятельности после окончания Второй мировой войны, о появлении новых видов перевода, о выдвигании на первый план информативных переводов. Большое число информативных переводов означало существенные изменения в требованиях, предъявляемых к переводчику, и в условиях его работы. Остановимся кратко на некоторых основных особенностях, характеризующих переводческую деятельность в современном мире.

Прежде всего значительно возросли требования к точности перевода. Если переводчики художественной литературы допускали порой, как мы уже знаем, всевозможные вольности, то это в худшем случае приводило к искаженному представлению о творческой манере автора и о литературных достоинствах произведения. Однако, искажения в техническом, коммерческом, дипломатическом переводе могут иметь гораздо более серьезные последствия — политические конфликты, материальные поте-

ри, человеческие жертвы и даже новый Чернобыль. Поэтому свободный перевод в таких областях признается совершенно недопустимым, и переводчики стараются возможно точнее передать все детали содержания оригинала, избегая в то же время буквализма, искажающего это содержание или затрудняющего его восприятие.

Задача переводчика оказывается очень ответственной и весьма непростой. Как мы уже знаем, полной тождественности перевода оригиналу достичь очень трудно, и переводчику постоянно приходится решать, какими элементами содержания можно пожертвовать, чтобы точнее передать другие, более важные детали. Такой выбор осложняется тем, что иногда особую важность приобретают совсем неожиданные элементы текста оригинала. Вот один пример из практики переводчиков в Службе русского перевода Секретариата ООН в Нью-Йорке.

После очередной сессии Комиссии по мирному объединению Кореи был составлен заключительный документ, который русские переводчики перевели с английского оригинала. Но когда наши дипломаты ознакомились с русским переводом, они заявили протест, указав, что переводчики свели на нет многодневную работу Комиссии. Такое заявление было, конечно, неожиданным и крайне неприятным и для переводчика, и для редактора перевода. Оказалось, что члены Комиссии долго спорили, какую часть Кореи называть в документе первой, то есть писать «объединение Южной и Северной Кореи» или «объединение Северной и Южной Кореи». В результате был достигнут компромисс: каждая часть Кореи по очереди будет упоминаться первой. Переводчик, не обратив внимания на эту, казалось бы, формальную деталь, везде писал названия частей страны в одной и той же последовательности, что и вызвало недовольство дипломатов.

В таких текстах политическую значимость могут приобретать и чисто грамматические особенности. В свое время Совет Безопасности ООН принял резолюцию, осуждающую агрессию Израиля, и потребовал вывода израильских войск «from the occupied Arab territories». И до сих пор не утихают споры о том, каково значение определенного артикля в этой фразе и насколько обоснованным был русский перевод (и соответствующая по-

зиция советской дипломатии), трактующий ее как требование вывести войска «со всех оккупированных арабских территорий».

У меня за плечами несколько десятилетий работы в качестве письменного переводчика и переводчика-синхрониста, и я мог бы привести много примеров из собственного опыта, показывающих как малейшее отклонение от оригинала, казалось бы даже улучшающее перевод, может доставить неприятности переводчику. Ограничусь одним таким примером, о котором я часто вспоминаю.

На одной международной конференции в Стокгольме я сидел в кабине синхронного перевода и переводил на английский язык выступление члена советской делегации, епископа Ювеналия, который давал оценку предложенному проекту резолюции. Он говорил, что его делегация находит проект резолюции приемлемым, но считает необходимым заострить ее формулировки. Я перевожу его слова, и, когда он сказал, что «надо заострить», мне пришло на память идиоматическое английское выражение «to put more teeth into something», то есть «добавить чему-то зубов, сделать что-то более зубастым». Я решил, что это как раз то, что надо, и перевел: «The Soviet delegation finds the draft resolution acceptable but we believe that we should put more teeth into it». Перевел и сиюду довольный собой: вот как я удачно и идиоматично передал смысл этой части выступления оратора. Но как только епископ Ювеналий сошел с трибуны, на трибуну поднялся английский делегат и начал ему возражать, строя свои возражения на моих злосчастных зубах. Он говорил: «We can certainly put more teeth into anything, but we are not dentists, we have come here with other purposes etc.». Я перевожу его слова на русский язык и со страхом жду, что сейчас мой владыка встанет и скажет: «Побойтесь бога! Какие зубы? Я ничего подобного не говорил!». На мое счастье он либо не обратил на это внимания, либо решил не поднимать шума, и я отделался легким испугом и только лишний раз убедился, как опасно допускать отклонения от оригинала, даже ради большей идиоматичности перевода.

Другая отличительная черта современной переводческой деятельности заключается в большом количестве текстов технического (или шире: специального) характера, перевод которых требует от переводчика основательных познаний в соответствую-

ющей предметной области. В век научно-технической революции и сложных финансово-экономических отношений нередко даже в газетах и журналах, предназначенных для широкого читателя, можно встретить материалы, разобраться в которых будет нелегко и специалисту. А профессиональному переводчику приходится переводить сложнейшие тексты по ядерной физике, компьютерной технике, космической медицине и многим другим наукам и специальным областям. И при этом сам переводчик может иметь гуманитарное образование или техническую подготовку в совсем иной области. Понятно, что такие тексты ставят перед переводчиком очень трудные задачи и делают весьма вероятными терминологические и фактологические ляпсусы в переводе.

Конечно, с такими текстами более успешно справился бы переводчик, который одновременно был бы специалистом в соответствующей области. Идея передать все технические переводы «технарям» — инженерам и научным работникам — весьма заманчива, и ее неоднократно пытались осуществить в некоторых странах. Однако здесь возникли неожиданные трудности. И дело не только в том, что порой трудно найти квалифицированного физика, химика или биолога, свободно владеющего иностранным и родным языками и способного (и желающего) делать переводы, особенно на иностранный язык. Неожиданно оказалось, что такой идеальный переводчик, хорошо владея предметом и терминологией, допускает порой грубые смысловые ошибки в переводе там, где их никогда не сделал бы профессиональный переводчик даже в совершенно незнакомой области. И как ни парадоксально, причина таких ошибок лежит в его глубоком знании предмета. Дело в том, что у такого специалиста часто отсутствует столь необходимое для переводчика уважение к оригиналу, и он подчас переводит не то, что там написано, а то, что, по его мнению, там должно быть. Представьте, что какой-то специалист по автоделу переводит с английского языка описание устройства двигателя внутреннего сгорания — Internal Combustion Engine. Он отлично знает, как устроен такой двигатель, и поэтому переводит, почти не глядя в оригинал. И если содержание оригинала полностью совпадает с его знаниями, он может дать отличный перевод. А вот если в исходном тексте есть что-то новое(и

поэтому самое интересное), расходящееся с его привычными представлениями, он может в переводе «исправить оригинал», допуская серьезные искажения.

Психологическое затруднение, которое в подобных случаях возникает у переводчика-«технаря», отчетливо выявляется в следующем эксперименте. Двум группам переводчиков был предложен для перевода на русский язык один и тот же английский технический текст. Одну группу составляли переводчики с гуманитарным образованием, другую — с образованием техническим. Предварительно экспериментатор внес в английский текст ряд изменений, делающих текст противоречащим известным законам физики. Так, например, если в тексте говорилось, что поверхность прибора окрашена в черный цвет, чтобы увеличить поглощение тепла, то экспериментатор вместо «black» поставил «white», и получилось, что для увеличения поглощения тепла прибор был окрашен в белый цвет — явное противоречие с известным свойством белого цвета отражать тепловые лучи.

Результаты эксперимента были весьма примечательны. У переводчиков-гуманитариев не возникло никаких проблем: если в оригинале стоит «white», то я перевожу «белый», а за фактическую сторону описания несет ответственность исключительно автор английского текста. И не дело переводчика его поправлять.

Переводчики-«технари» призадумались. Содержание текста явно противоречило тому, что они твердо знали. Как же тут быть? Некоторые из них все же перевели «white» как «белый», сопроводив свой перевод примечанием, что, очевидно, в оригинале допущена ошибка. Остальные же отважно перевели «white» как «черный» без всяких примечаний, исправив, таким образом, оригинал в соответствии со своими знаниями. Склонность к подобным исправлениям, хотя и допустимым в некоторых случаях, может порой привести к серьезным искажениям оригинала.

Сказанное, разумеется, не означает, что технические знания могут быть помехой в работе профессионального переводчика. Напротив, чем шире его эрудиция в самых различных областях, в том числе и сугубо специальных, тем качественней будут его переводы. Поэтому подготовка будущих переводчиков включает элементы специализации, ознакомление с основными понятиями в области экономики, права, отдельных естественных

наук. Как правило, для успешного перевода специального текста переводчику нет необходимости иметь соответствующее образование, ему достаточно такой степени ориентированности в предмете, которая позволила бы понимать терминологию и логику изложения. Вместе с тем многие учебные заведения, готовящие переводчиков, считают целесообразным обучать их одновременно и какой-либо другой специальности: экономиста, юриста, инженера и пр. Такая подготовка, несомненно, много дает будущим переводчикам. Однако еще более важно научить их самостоятельно готовиться к переводу сложного текста: знакомиться с проблематикой по энциклопедиям и техническим справочникам, составлять списки терминов, находить тексты с аналогичной тематикой на языке перевода и т.д.

Непосредственно связана с предыдущей и еще одна особенность переводческой деятельности в современном мире: большое тематическое разнообразие текстов, с которыми приходится иметь дело переводчику. Понятно, что переводчик легче достигает хороших результатов, если он переводит тексты из какой-то узкой, всесторонне знакомой ему области. Такая узкая специализация всегда желательна, и порой переводчикам удавалось выбирать самим, какие тексты они будут переводить, а от каких будут отказываться. Особенно в благоприятном положении находились в этом отношении художественные переводчики: они часто переводили только тех авторов, которые были им близки по духу и по творческой манере. Современному переводчику-профессионалу, как правило, узкая специализация недоступна, и ему приходится иметь дело с текстами самой разнообразной тематики. Даже если он занимается переводом в казалась бы узкой области, скажем, работает переводчиком на судостроительном заводе, все равно ему приходится переводить, помимо всевозможной технической и технологической информации, относящейся к судостроению, обширную документацию по экспортным операциям, контракты с зарубежными поставщиками, рекламные материалы и т.д. Иначе говоря, он будет заниматься техническим, экономическим, юридическим и многими другими видами перевода. Что же касается, например, переводчика, работающего в такой международной организации, как ООН, то ему постоянно приходится переключаться от одной тематической области к дру-

гои. Сегодня он переводит текст по ядерной радиации, завтра — по наркотикам, послезавтра — по морскому праву и т.д.

Чтобы продемонстрировать всю условность узкой специализации переводчика, приведу еще один пример из своей практики. В течение многих лет я участвовал в подготовке переводчиков для работы в системе ООН. Среди органов этой организации есть Европейское отделение ООН в Женеве, где переводчикам приходится переводить большое количество сложных специальных текстов. Там находится Экономическая комиссия ООН по Европе и ряд европейских объединений: по углю и стали, по сельскому хозяйству, по транспорту и др. И наши переводчики, большинство из которых получило гуманитарное образование, испытывали немалые трудности, переводя материалы этих организаций, требовавшие специальных знаний. Особенно много хлопот доставляли им тексты, связанные с железнодорожными перевозками. И руководство Службы переводов обратилось к нашим Курсам переводчиков ООН с просьбой подготовить для них переводчика, который имел бы образование инженера-железнодорожника. Нам было нелегко найти выпускника Московского института инженеров железнодорожного транспорта, способного в соответствии с требованиями ООН переводить на русский язык с двух иностранных языков. В конце концов нам удалось найти такого инженера, мы его в течение года подготовили для работы переводчиком в ООН и по окончании Курсов отправили в Женеву. Там ему очень обрадовались и сразу назначили руководителем группы переводчиков, занимавшихся переводами железнодорожных текстов. Спустя некоторое время приезжаю я в Женеву и иду во Дворец Наций проведать своих бывших учеников. Побеседовав с нашими переводчиками в нескольких кабинетах, я наконец зашел навестить и этого железнодорожника. В разговоре с ним я заметил, что ему, верно, легко работается, так как он переводит тексты по своей специальности. В ответ он, улыбаясь, показал мне текст, которым он в это время занимался. Текст был озаглавлен: «Химические средства борьбы с биологическими вредителями, наносящими ущерб сыпучим грузам при их перевозке по железной дороге». И вот сидит инженер-железнодорожник (кстати, специалист по подвижному составу) и переводит «железнодорожный» текст, требующий знаний из целого ряда других областей.

Тематическое разнообразие переводимых текстов сопровождается и их стилистическим многообразием. С одной стороны, переводчику не только художественных, но и информативных текстов приходится иметь дело с текстами, письменными или устными, авторами которых являются выдающиеся мастера слова, изучавшие искусство красноречия в наиболее престижных университетах мира — в Кембридже, Оксфорде, Гарварде, Сорбонне, — пользующиеся богатыми ресурсами выразительных средств, свободно цитирующие высказывания известных философов, поэтов, исторических деятелей. Особенно неприятно для переводчика, когда подобные красоты стиля неожиданно возникают в речи оратора в процессе устного перевода, когда он, например, цитирует Шекспира или какой-нибудь популярный анекдот или детский стишок. Однажды мне пришлось работать переводчиком-синхронистом на одной международной конференции в Москве, посвященной организации различных банковских операций. Выступавшие зарубежные эксперты говорили терминологически сложным языком на достаточно сухие профессиональные темы. И вдруг один из ораторов, говоря о положении в России, заявил, что здесь существует «a Humpty-Dumpty situation». Это поставило переводчика перед необходимостью найти русское соответствие названию персонажа из известного английского детского стишка, который вряд ли был знаком присутствующим русским банкирам. Пришлось срочно вспоминать перевод этого стихотворения С.Маршаком, в котором Хампти-Дампти именуется Шалтай-Болтай. Но переводя эту фразу как «ситуация Шалтая-Болтая», переводчик подумал, что, возможно, некоторые его слушатели не читали Маршака и не поймут, что речь идет о неисправимой ситуации (о разбившемся человечке-яйце). И он решил на «отсебятину»: быстро процитировал все четверостишие. Помните: «Шалтай-Болтай сидел на стене. Шалтай-Болтай свалился во сне. И вся королевская конница, и вся королевская рать не могут Шалтая-Болтая собрать». И хорошо сделал, поскольку в последующей дискуссии многие выступавшие упоминали Шалтая-Болтая.

С другой стороны, переводчику нередко приходится переводить плохо написанные и по форме, и по содержанию тексты, авторы которых малообразованы, не владеют литературным язы-

ком, не умеют логично излагать свои мысли. Различная техническая документация часто составляется непосредственно на предприятиях-изготовителях довольно небрежно, и переводчику порой нелегко догадаться, что действительно имеет в виду автор текста.

Немалые трудности создает для переводчика и использование в оригинале вариантных и диалектальных форм языка, различных отклонений от литературной нормы, индивидуальных искажений и речевых ошибок. Во многих языках существуют территориальные различия разного вида, о которых мы уже говорили в предыдущей лекции и которые создают переводческие проблемы, особенно при восприятии устной речи (английский язык в Индии, Австралии, в южных штатах США, немецкий язык в Австрии, Швейцарии, Баварии и пр.)

Особо следует отметить случаи, когда автор оригинала говорит или пишет на неродном языке, которым он владеет далеко не в совершенстве. Такая ситуация обычно возникает на международных конференциях, где используются два — три рабочих языка, а участвуют представители многих стран. Выступающий на чужом языке участник конференции нередко искажает его под влиянием своего родного языка, нарушает нормы произношения, неправильно употребляет слова, грамматические формы и структуры. Переводчик, естественно, не воспроизводит в переводе такие искажения, но они могут затруднять понимание. Он должен сообразить, что, когда француз произносит по-английски странную фразу «I congratulate myself of your plan», он скалькировал французское «Je me felicite de votre plan», желая просто выразить одобрение. А когда невыговаривающий звук «л» японский делегат поздравляет председателя комитета «on your happy erection», он, разумеется, имеет в виду избрание на этот пост (election). Опытный переводчик исправляет подобные оговорки при переводе, хотя это требует дополнительных усилий. Однажды на одной международной медицинской конференции мне пришлось переводить выступление китайского врача, который, говоря по-английски, проглатывал окончания некоторых слов. Например, вместо часто встречавшегося в его речи термина «antibodies» он произносил «antibo». Понимая, что он имел в виду, я сначала правильно переводил его «antibo» как «антитела». Но к концу его вы-

ступления я, видимо, утратил бдительность, стал следовать его примеру, и когда он говорил «antibo», я произносил в переводе «антите». Аудитория никак не реагировала на такую «точность» перевода, но мои коллеги-переводчики долго о ней вспоминали.

В заключение отметим еще одну особенность современной переводческой деятельности — значительное число так называемый канонических переводов. Речь идет о том, что переводы многих ответственных документов часто получают своеобразный официальный статус, выступают в качестве единственного общепризнанного, «законного» представителя оригинала. И когда такой документ, полностью или частично, упоминается или цитируется, он не переводится заново, а используется уже существующий официальный перевод, даже если переводчик находит его не вполне удовлетворительным и хотел бы его улучшить. Такие официальные переводы могут существовать у уставов, резолюций и других материалов, публикуемых международными организациями, у выступлений известных государственных или общественных деятелей, дипломатических нот и деклараций и тому подобных документов. В таких случаях переводчику приходится порой тратить немало времени и усилий, чтобы отыскать официальный перевод и заимствовать из него необходимые формулировки. Аналогичные проблемы возникают и тогда, когда в оригинале цитируются официальные документы и выступления, сделанные ранее на языке перевода. Такие цитаты, естественно, приводятся в переводе на язык оригинала, и попытка обратного перевода вместо того, чтобы обратиться к первоисточнику, может окончиться весьма печально. Опасность такого непрофессионального поведения особенно велика, если переводчик сталкивается со скрытой цитатой, приводимой в тексте без указания на источник.

Все сказанное, разумеется, относится и к подобному цитированию в оригинале отрывков из художественных произведений на переводящем языке. В своей замечательной книге «Высокое искусство» Корней Иванович Чуковский приводит любопытный пример того, что может получиться при переводе неузнанной цитаты. В одной немецкой книге об экономическом положении Украины был напечатан в качестве эпиграфа отрывок из пушкинской «Полтавы». Помните у Пушкина:

«Богат и славен Кочубей, Его поля необозримы,
Там табуны его коней пасутся вольны, нехранимы.
Вокруг Полтавы хутора окружены его садами.
И много у него добра мехов, атласа, серебра и на виду, и под
замками».

Переводчик этой книги не догадался процитировать «Полтаву» по подлиннику и перевел пушкинские строки с немецкого языка на русский. Вот что у него получилось:

«Был Кочубей богат и горд, Его поля обширны были,
И очень много конских морд, мехов, сатина первый сорт
Его потребностям служили».

Как справедливо замечает Чуковский, если бы по этому переводу мы вздумали знакомиться с творчеством Пушкина, Пушкин явился бы нам дубиноголовым кретином.

В предыдущих лекциях мы уже говорили о том, что количественные и качественные изменения характера переводческой деятельности в современном мире вызвали необходимость в широких теоретических исследованиях этого феномена. В результате этих исследований была создана теория перевода, с основными положениями которой нам еще предстоит ознакомиться. Однако перед этим целесообразно дополнить рассмотрение исторической эволюции переводческой деятельности краткими сведениями об истории перевода в России.

Переводческая деятельность в России имеет богатую историю, начало которой было положено еще во времена Киевской Руси. Уже в 9-м веке на Руси в достаточно зрелой форме одновременно возникли письменность, литература и перевод. В 864 году греческие монахи Кирилл и Мефодий были посланы императором Византии для проповедования христианства среди славянских народов. Они начали свою деятельность с создания алфавита (именуемого до сих пор «кириллицей»), с помощью которого перевели с греческого на старославянский несколько религиозных текстов. Среди этих первых переводов были Новый Завет, Псалтырь и Молитвенник. После того, как в 988 году состоялось Крещение Руси, появилось множество переводов, которые должны были ознакомить новообращенных с философскими и этическими доктринами новой религии и с церковными обрядами и обычаями. Они включали тексты различных жанров,

такие как Жития святых, Притчи, Хроники и т.п. Большой популярностью пользовались и апокрифы, повествовавшие о различных чудесах и фантастических происшествиях, некоторые из них уже напоминали то, что позднее назвали бы беллетристикой. Большинство таких переводов выполнялись в Болгарии, но имели хождение на Руси.

В то время как переводы религиозных текстов были обычно буквальными, появился и ряд переводов несколько иного характера и не столь рабски копировавшие оригинал. Здесь можно назвать такие книги, как «Житие Андрея Юродивого», «Пчела», «Космография», «Физиолог» и др. Серьезным достижением для своего времени был перевод книги Иосифа Флавия «Иудейская война», в котором переводчику удалось избежать многих недостатков буквализма.

Имя переводчика в этот ранний период никогда не указывалось, и нельзя было определить, сделан ли перевод в самой стране или за ее пределами.

Во время тяжелых лет Монгольского ига (1228—1480) переводы продолжали играть важную роль в культурной жизни страны. Были переведены другие части Библии, а многие прежние переводы были исправлены или выполнены заново. Наряду с религиозными текстами, появилось все больше нерелигиозных переводов, например: «Индийское царство», «Троянская война» и другие. Большинство переводов делалось с греческого языка, некоторые переводчики, по-видимому, использовали латинские и древнееврейские источники.

В этот период происходило постепенное формирование русского языка на основе старославянского (церковнославянского) языка и народных говоров. Однако религиозные тексты продолжали переводиться на церковнославянский, который стал употребляться исключительно во время церковных богослужений. В то же время контакты с другими странами вызывали необходимость в политических и деловых переводах, где все чаще использовался формирующийся русский язык. В непереводах этого времени также можно обнаружить соединение старославянских и русских элементов.

В 16-м веке Москва окончательно превратилась в политический, а также в переводческий центр России. Переводы боль-

ше не были анонимными, а роль переводчиков в развитии языка и культуры начала получать общественное признание. В 1515 году московский Великий князь Василий III обратился с просьбой прислать в Москву какого-нибудь ученого переводчика из греческого монастыря. Такой переводчик прибыл в Москву в 1516 году в составе греческого посольства и стал известен под именем Максим Грек. В течение всей своей жизни (он умер в 1555 или в 1556 году) Максим Грек занимался переводами, в основном, религиозных книг, а также некоторых нерелигиозных текстов, вносил исправления в прежние переводы и сопровождал их комментариями. Сначала он не знал ни русского, ни старославянского языка, и его переводы делались в два этапа: сперва он переводил с греческого на латинский, а затем его помощники переводили с латинского на старославянский. Исправляя старые переводы, он нередко нарушал устоявшиеся традиции, что навлекло на него обвинения в ереси и кощунстве. Максим Грек был плодовитым писателем, педагогом и философом. В его писаниях можно найти много замечаний об искусстве перевода — первые дошедшие до нас размышления по этому поводу в России. Максим Грек настаивал на необходимости тщательно анализировать оригинал, чтобы обнаружить все нюансы и аллегории в его содержании. А для этого переводчик должен не только знать язык, но и обладать широкими филологическими познаниями и проделать большую подготовительную работу. Свои предписания Максим Грек подкреплял многочисленными замечаниями о лексике, ритмической организации и фонетических особенностях греческого текста, которые должны быть отражены в переводе. Его вкладом в русскую филологию стал словарь «Имена, истолкованные в алфавитном порядке», где разбирались, в основном, греческие имена, а также некоторые латинские и древнееврейские.

Хотя в России уже начали понимать, что переводчик должен в совершенстве владеть двумя языками и обладать обширными энциклопедическими знаниями, большинство переводчиков-практиков не были достаточно образованы, и их переводы оставляли желать много лучшего.

От 17-го века до нас дошло уже больше имен переводчиков и большее число переводов, главным образом, нерелигиозных материалов. Тематика научных переводов включала вопросы ас-

трономии и астрологии, арифметики и геометрии, анатомии и медицины и описания различных животных. Некоторые переводы можно отнести к разряду беллетристики. В этот период впервые в помощь переводчику были созданы двуязычные словари: латино-греко-славянский, русско-латино-шведский и некоторые другие.

Переводчиков того времени можно разделить на четыре категории. Во-первых, в различных ведомствах трудились штатные переводчики, главным образом, иностранцы — поляки, немцы, голландцы — или выходцы из западных или южных областей России. Обычно они неплохо знали классические языки или польский, но слабо разбирались в русском и старославянском. Вероятно, им помогали писцы, которые записывали и исправляли их переводы.

Во-вторых, была небольшая группа ученых монахов, которые переводили только религиозные тексты с латинского и греческого языков. Среди них наиболее известны такие имена, как Епифаний, Славинецкий, Арсений Грек и Дионисий Грек.

Членов третьей, наиболее многочисленной группы можно назвать переводчиками по-совместительству, которые более или менее случайно выполняли один-два перевода.

И, наконец, было несколько переводчиков, занимавшихся этим делом из любви к искусству и самостоятельно выбиравшие тексты для перевода. Среди них были и приближенные царя: Андрей Матвеев, Богданов, князь Кропоткин.

Решающий вклад в развитие переводческой деятельности в России внес 18-й век. Политические реформы Петра I значительно расширили экономические и культурные контакты Москвы с европейскими странами, создав потребность в многочисленных переводах научно-технических текстов, равно как и произведений художественной литературы. Теперь к переводам стали предъявлять более высокие качественные требования. Царь Петр издал специальный указ о переводах, требуя «внятной» передачи переводимого содержания. В этот период начала складываться литературная норма русского языка, и многие образованные люди видели в переводах средство обогащения своего языка, увеличения его семантического и экспрессивного потенциала.

Выдающаяся роль в этом процессе принадлежала великому русскому ученому и поэту Михаилу Ломоносову. Ломоносов и его талантливые современники Сумароков и Тредьяковский создали большое число преимущественно поэтических переводов. Они часто сопровождали свои переводы теоретическими рассуждениями, объясняя, почему надо было перевести именно так, а не иначе, подчеркивая особую важность переводческого труда, его творческий характер.

На этом новом этапе развитие переводческой деятельности характеризовалось тремя основными особенностями. Во-первых, эта деятельность приобрела новые организационные формы. Так, в Иностранной Коллегии царя Петра имелась группа переводчиков, а в 1735 году при Петербургской Академии Наук была создана «Русская ассамблея» — первая профессиональная организация переводчиков. В ее работе принимали активное участие Ломоносов, Тредьяковский и некоторые другие члены Академии. Ассамблея занималась отбором книг для перевода, вырабатывала правила и принципы, которыми должны были руководствоваться переводчики, критически оценивала выполненную работу. Она также готовила будущих переводчиков: при Академии была создана школа иностранных языков, выпускники которой становились официальными переводчиками. Считалось, что переводчик должен был уметь переводить, по меньшей мере, с трех иностранных языков: латинского, немецкого и французского. Академия также отправляла студентов за границу, чтобы изучать «языки и науки», проводила экзамены для проверки профессиональной подготовки переводчиков, старалась повысить общественный интерес к переводческому труду. В 1748 году президент Академии опубликовал повеление царицы Елизаветы больше переводить нерелигиозные (гражданские) книги. Позже канцелярия Академии обратилась с призывом к «дворянам и людям других сословий» заниматься переводами. Именно в это время переводчики стали регулярно получать вознаграждение за свою работу.

Второй особенностью рассматриваемого периода было изменение характера переводимых книг. В начале столетия к переводам классической литературы добавилось большое число прагматических переводов, столь необходимых для века реформ. Одновременно изменилось и соотношение языков, с которых дела-

лись переводы: все больше стали преобладать такие современные языки, как французский, немецкий, английский, в то время как польский утратил свою популярность.

Позднее «технические» переводы уступили первенство переводам литературным. Реформы сопровождались ростом культурных запросов общества, которые не мог удовлетворить уровень отечественной литературы, и литературные переводы должны были восполнить этот пробел, удовлетворить важную социально-культурную потребность. Теперь переводчики считали свой труд служением своей стране и подчеркивали его значимость в многочисленных предисловиях к своим переводам. Они видели свою задачу в том, чтобы просвещать соотечественников, улучшать нравы, создавать новую русскую литературу. С этого времени литературный (или художественный) перевод приобрел в русской культуре высокий статус.

Это новое осознание социальной значимости перевода составляет третью характерную особенность данного периода. Перевод стал рассматриваться как вид творчества, столь же заслуживающий уважение, как создание оригинальных художественных произведений. Переводчик выступал в роли соперника автора оригинала, а порой он ставил перед собой более честолюбивую цель и стремился превзойти оригинал по художественным достоинствам.

В 18-м веке появился поэтический перевод, который впоследствии занял в России особо почетное место. Так, Тредьяковский завоевал всеобщее признание благодаря своему переводу романа П.Тальмана «Путешествие на остров любви», куда он включил много стихов, успешно переведенных русскими ритмами. Менее известны, но не менее примечательны переводы А.Кантемира «Посланий» Горация и других поэтических произведений с латинского и французского языка. Особенно многочисленны и многообразны были переводы Ломоносова, выполненные с латинского, немецкого, французского и греческого языков. В них он проявил замечательное умение как достигать эквивалентности, так и создавать свободные версии оригиналов. Ломоносов уделял большое внимание передаче ритмической организации оригинала, используя различные формы ямбов и хореев в качестве эквивалента александрийскому стиху француз-

ских эпосов и гекзаметру греческих трагедий. Поскольку русская поэзия в это время только формировалась и основывалась на силлабическом стихосложении, новаторство Ломоносова обогащало ее ресурсы, создавало новые нормы и традиции в использовании поэтических жанров и метрических систем.

Золотым веком русского перевода стал век девятнадцатый. Если в предыдущем столетии перевод превратился в особый вид профессиональной деятельности, то в 19-м веке эта деятельность была возведена в ранг высокого искусства. Новая русская школа перевода начала формироваться благодаря, в первую очередь, выдающемуся вкладу таких известных деятелей культуры, как историк А.Карамзин и поэт В.Жуковский.

В конце 18-го — начале 19-го века Карамзин опубликовал в разных журналах большое число переводов. Он видел в переводах хорошую школу для улучшения стиля писателя, а также ценный источник информации, как он говорил, «излюбопытства, для исторических фактов, для женщин, для новых журналов или из малоизвестных книг». Лоражает широта переводческих интересов Карамзина: он переводил труды классических и современных авторов с греческого, французского, латинского, немецкого, английского, итальянского и некоторых восточных языков.

Жуковского Пушкин называл «гением перевода». Он был талантливым поэтом, но значительную часть его творчества составляли переводы. Жуковский переводил с английского, французского, старославянского, латинского и немецкого языков. Благодаря ему русские читатели получили доступ ко многим произведениям Шиллера, Гете, Байрона, Вальтера Скотта и других корифеев мировой литературы. Диапазон его творческих поисков поистине поразителен: от переводов сказок Шарля Перро и братьев Гримм до «Одиссеи» Гомера и знаменитого русского эпоса «Слово о полку Игореве». Жуковский был одним из величайших мастеров перевода за всю историю этой деятельности.

Так же, как и Карамзин, Жуковский был сторонником вольного перевода, который порой превращался в парафраз или даже в подражание, новый текст по мотивам оригинала. Иногда он мог перенести место действия в Россию, дать героям оригинала русские имена и т.п. Однако его могучий талант позволял ему с необычайной силой воспроизводить стиль, ритм и интонацию инос-

транного стиха, а его лучшие переводы отличаются изумительной точностью. Русская школа перевода во многом обязана Жуковскому своими достижениями.

Почетное место в истории перевода в России принадлежит двум великим русским поэтам А.С.Пушкину и М.Ю.Лермонтову. Хотя в их творчестве переводы занимали сравнительно скромное место, они внесли значительный вклад в повышение качества художественных переводов в России. В поэтических парафразах и подражаниях они сумели воспроизвести наиболее важные особенности иностранной поэзии, но самое главное — их творения были замечательными произведениями искусства, не уступающими их оригинальным шедеврам. Их переводы-парафразы послужили образцовыми примерами для других переводчиков, поскольку они утверждали главный принцип, что хороший художественный перевод должен быть неотъемлемой частью национальной литературы на языке перевода. Особо следует подчеркнуть роль Пушкина в развитии русской школы перевода. Пушкин постоянно проявлял большой интерес к переводческой проблематике, и его критические заметки о переводах отличаются объективностью и глубиной. Он подчеркивал важность правильного отбора литературных произведений для перевода, а его требования верности оригиналу в сочетании с высоким качеством и выразительностью литературного стиля переводчика оказали благотворное влияние на лучших переводчиков России в 19-м и 20-м веках.

Хотя в этот период большинство переводчиков ратовало за вольный перевод, некоторые из них продолжали настаивать на максимальной близости перевода к оригиналу, на крайнем буквализме даже в ущерб смыслу и понятности. Среди них были и такие известные литераторы, как П.Вяземский, Н.Гнедич, А.Фет, которые много переводили с разных языков. Правда, они сами не всегда придерживались провозглашаемых ими принципов. Порой талант и художественная интуиция переводчика преодолевали барьеры буквализма. Переводы Вяземского произведений Константа и Мицкевича не лишены литературных достоинств, а работы Гнедича, особенно перевод «Илиады» Гомера, высоко оценивал Пушкин. Крайний формализм Фета обрек на неудачу большинство его переводов, но и в них можно обнаружить немало удачных решений.

Вольные переводы использовались для пропаганды демократических идей вопреки официальной цензуре. Такие переводчики, как В.Курочкин, Д.Минаев, М.Михайлов и некоторые другие, достигали этой цели путем подбора соответствующих текстов для перевода или путем внесения незаметных изменений в текст перевода, вызывавших ассоциации с российской действительностью того времени. Использование перевода в качестве орудия диссидентства стало традицией в русской истории.

После Октябрьской революции 1917 года в России произошел новый подъем переводческой деятельности. По инициативе М.Горького было сразу же создано новое издательство «Всемирная литература», поставившее перед собой грандиозную цель: издать новые или исправленные переводы всех крупных произведений как западных, так и восточных литератур. Несмотря на огромные материальные и организационные трудности, это издательство сумело в течение последующих десятилетий опубликовать переводы книг многих выдающихся писателей и поэтов — Бальзака, Анатоля Франса, Стендаля, Гейне, Шиллера, Байрона, Диккенса, Б.Шоу, Марка Твена и многих, многих других.

Большое число переводов было также издано в 30-е годы и позднее другими общесоюзными и местными издательствами. В этой работе приняли участие выдающиеся ученые и литераторы, которые подняли искусство перевода на новый высокий уровень. Заслуженную известность приобрела целая плеяда талантливых переводчиков, и имена таких мастеров перевода, как М.Лозинский, Т.Щепкина-Куперник, С.Маршак, Н.Любимов, Е.Калашникова и многие другие пользовались заслуженным уважением в Советском Союзе и за рубежом.

Растущим масштабам переводческой деятельности в немалой степени способствовало то, что Советский Союз был страной многонациональной. В стране происходил широкий обмен произведениями литератур населявших ее народов. Русские читатели получили возможность познакомиться с замечательными эпосами грузинского, армянского, узбекского, казахского, азербайджанского и других народов. Большой вклад в эту работу внесли известные русские писатели и поэты Лев Гинзбург, Борис Пастернак, Николай Тихонов и другие.

Мы уже говорили о том, что во второй половине 20-го столетия произошли количественные и качественные изменения в переводческой деятельности во всем мире, в том числе, разумеется, и в России. И здесь резко возросла потребность в информативных (нехудожественных) переводах в социальной, политической, деловой и научно-технической сферах. Профессия переводчика стала массовой, а увеличение масштабов переводческой деятельности сопровождалось и организационными изменениями. Появилось большое число переводческих служб и отделов в штатах государственных учреждений и промышленных предприятий. Многие переводчики занимали штатные должности, другие работали на договорной основе. Наряду с информативными переводами продолжали издаваться большими тиражами и переводы литературных произведений. Учитывая масштабы переводческой деятельности и общее высокое качество переводов, были все основания считать Советский Союз великой переводческой державой.

Для удовлетворения растущего спроса на профессиональных переводчиков в стране была создана сеть соответствующих учебных заведений. В ряде институтов иностранных языков открылись переводческие факультеты и отделения, переводчиков стали готовить в университетах и в некоторых технических вузах. Многие вузы организовывали для своих студентов занятия по переводу в дополнение к их основной специальности.

Переводчиков художественной литературы готовили в Литературном институте имени М.Горького при Союзе писателей СССР, в основном, для переводов с языков народов Советского Союза.

Многогранная деятельность советских переводчиков получила широкое общественное признание. Многие журналы регулярно печатали переводы с разных языков, а также критические статьи с разбором успехов и неудач в работах переводчиков.

После распада Советского Союза характер переводческой деятельности и ситуация на рынке существенно изменились. С одной стороны, государственные издательства, занимавшиеся переводами, перестали финансироваться, резко сократили выпуск продукции или вообще прекратили свое существование. С другой стороны, была ликвидирована цензура и стали переводить произведения, бывшие ранее под запретом по идеологическим

В.Н.Комиссаров

или моральным соображениям. Возникло множество частных издательств, цены на книги возросли, качество переводов, в целом, снизилось. Рынок был наводнен переводами книг, предназначенных для «легкого» чтения: детективных, эротических, порнографических и т.п.

Новая ситуация по-разному отразилась на переводчиках. Большая часть переводов стала выполняться с английского языка и относительно хорошо оплачивалась. Однако спрос на переводчиков английского языка побудил заняться переводами многих непрофессионалов, что привело к появлению на рынке откровенно слабых переводов. Новые издатели стремятся как можно скорее выпускать новые переводы, чтобы опередить конкурентов, и не заботятся о создании переводческих шедевров.

По-разному обеспечивается вознаграждение переводческого труда. Хорошо оплачиваются переводчики английского и немецкого языков, работающие в различных коммерческих фирмах и совместных предприятиях. Напротив, переводчики с других языков оказались в тяжелом положении и с трудом находят работу. Особенно пострадали переводчики с языков ограниченного распространения, прежде имевшие твердый заработок, находясь в штатах государственных издательств.

Несмотря на указанные трудности, переводческая деятельность в России в конце 20-го столетия сохраняет свои масштабы и социальную значимость. Продолжается подготовка переводчиков в учебных заведениях, создаются профессиональные объединения переводчиков, готовятся законодательные акты, регламентирующие переводческий труд. Российские ученые, внесшие большой вклад в создание науки о переводе, продолжают исследования в этой важной области человеческой деятельности.

Лекция N 6

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Как это часто имело место и в других областях человеческой деятельности, переводческая практика значительно опередила теорию перевода. Перевод возник в связи с общественной потребностью в нем, и переводчики делали свое дело более или менее успешно, не дожидаясь, пока какой-нибудь теоретик объяснит им, как они это делают или что такое «перевод». Отсутствие теоретических работ в области перевода и самой науки в рамках которой они могли появиться, не означало, конечно, что никто не пытался размышлять о сущности, цели и способах осуществления переводческой деятельности. В своей работе переводчик постоянно сталкивался с необходимостью выбирать между различными вариантами перевода, решать, что в переводимом тексте является наиболее важным и должно быть обязательно передано, отдавать предпочтение тому или иному способу преодоления возникающих трудностей. Хотя в большинстве случаев такой выбор делался интуитивно, все же порой переводчик пытался осмыслить и объяснить свои предпочтения. Нередко такие предпочтения формулировались в виде «принципов перевода», которые переводчик излагал в предисловии к своей работе, либо отстаивал позднее, часто в ответ на критические замечания в свой адрес.

Таким образом, первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих собратьев по профессии. Понятно, что с изложением своего «переводческого кредо» выступали наиболее выдающиеся переводчики всех времен, и хотя высказываемые ими соображения не отвечали современным требованиям научности и доказательности и не складывались в последовательные теоретические концепции, все же целый ряд таких соображений и сегодня представляет несомненный интерес.

Так, еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального копирования оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. Поэтому позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, «очарование» оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен ставить перед собой переводчик, можно увидеть начало теоретических споров нашего времени о допустимости «буквального» или «вольного» перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал, и т.п.

Позднее отдельные переводчики пытались сформулировать некоторое подобие «нормативной теории перевода», излагая ряд требований, которым должен был отвечать хороший перевод или хороший переводчик. Французский гуманист, поэт и переводчик Этьен Доле (1509—1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода: 1) он должен в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого переводит; 2) он должен в совершенстве владеть языком, с которого он переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит; 3) он должен избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы; 4) он должен использовать в переводе общеупотребительные формы речи; 5) правильно выбирая и располагая слова, он должен пере-

дать общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности». В 1790 г. в книге англичанина А.Тайтлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом: 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала; 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале; 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения. Подобные требования не утратили своей значимости, хотя и кажутся нам сегодня самоочевидными.

Высказывания переводчиков по поводу принципов, которыми они руководствуются в своей работе, представляют несомненный интерес и внимательно изучаются исследователями перевода, но они не составляют сколько-нибудь последовательной теории перевода и не могут заменить такую теорию. Выдвигаемые в таких высказываниях принципы и рекомендации выводились из переводческой практики и сами по себе неоспоримы, но поскольку они не основывались на какой-либо научной теории, раскрывающей сущность переводческой деятельности, они обычно затрагивали лишь частные или поверхностные аспекты перевода. Фактам, на основании которых выводился тот или иной принцип, не трудно было противопоставить другие факты, подтверждавшие прямо противоположный принцип. Английский исследователь Т.Сэвори, попытавшись свести воедино основные требования, предъявляемые к переводу различными авторами, получил любопытный список, где рядом помещены взаимно исключающие принципы:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться, как оригинал.
4. Перевод должен читаться, как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен отражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться, как произведение, современное оригиналу.
9. Перевод должен читаться, как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и опущения.
10. Перевод не должен допускать добавлений и опущений.

11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.

12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.

Первые попытки обосновать необходимость научного осмысления переводческой деятельности вызвали резкие возражения со стороны самих переводчиков, усматривавших в них стремление ограничить свободу творчества переводчика, выработать какие-то нормы и правила, которым переводчик должен будет подчиняться. Теория или наука о переводе воспринималась ими как нечто, в корне противоположное и даже враждебное искусству перевода. Подразумевалось, что теория перевода — это свод правил, претендующих на то, что, изучив их, любой человек может стать отличным переводчиком. А такую претензию переводчики-профессионалы считали и ненужной и неоправданной. Они указывали, что талантливые переводчики создавали и создают шедевры перевода, не имея понятия о какой-либо теории перевода и не нуждаясь в ней. Да и вообще никакая наука о переводе невозможна, поскольку перевод — это искусство, недоступное для научного членения и анализа.

Подобные возражения против научного изучения переводческой деятельности были явно основаны на недоразумении. Литературная деятельность — это, ведь, несомненно, творчество, но на этом основании нельзя отказывать в праве на существование такой науке, как литературоведение. Тезис «перевод — это не наука, а искусство», который часто выдвигался переводчиками, сформулирован явно некорректно. Как и любая другая практическая деятельность, перевод, естественно, не может быть «наукой», то есть теоретическим описанием себя самого. Теория перевода и переводческая практика — это разные, хотя и взаимосвязанные понятия.

А что означает утверждение, что перевод — это искусство? То, что обычно называют искусством перевода, относится к области психологии переводчика, к его умению осуществлять переводческий процесс, создавать полноценный текст перевода, делать правильный выбор языковых средств, учитывая всю совокупность факторов, влияющих на ход и результат перевода. Отдельные переводчики в разной степени обладают этим умением, и учет подобных факторов происходит во многом интуитивно, в

результате творческого акта. Высокая степень такого творческого умения вполне заслуживает названия искусства. Творческий характер переводческой деятельности не означает, разумеется, что сама эта деятельность или воздействующие на нее факторы не могут стать объектом научного анализа и теоретического описания. Понятие «искусство перевода» относится к умению создавать текст перевода, а не к изучению сущности этого процесса. Трудность такого изучения, как и теоретического исследования любых видов мыслительной и речевой деятельности, ни в коей степени не ставит под сомнение его принципиальную возможность и необходимость.

Теория перевода непосредственно связана с переводческой практикой. Любые теоретические концепции должны опираться на описание наблюдаемых фактов реального процесса перевода, обобщать и объяснять эти факты. В свою очередь, научная теория перевода оказывает обратное влияние на переводческую практику, облегчая и обогащая ее. Это, разумеется не означает, что любое теоретическое исследование должно обязательно иметь непосредственный «выход» в практику, что любые теоретические концепции могут быть прямо использованы переводчиком в его работе. Связь теории и практики перевода может носить и более сложный, опосредованный характер. Всякое расширение наших знаний о процессах объективной действительности имеет несомненную ценность, но далеко не всякое знание может быть тотчас же использовано для управления этими процессами. Прежде чем ответить на вопрос, «как надо переводить», теория перевода должна была изучить вопрос о том, «что значит переводить». Незначительная эвристическая ценность первых попыток сформулировать общие принципы перевода и объяснялась, главным образом, тем, что они не были основаны на тщательном изучении фактического материала и подчас подменяли «то, что есть», тем, что, по мнению того или иного автора, «должно было быть».

Как мы уже знаем основы современного переводоведения стали разрабатываться к середине двадцатого столетия, когда переводческая проблематика привлекла внимание лингвистов. Сомнения в возможности изучать перевод лингвистическими методами рассеялись, как только лингвисты начали рассматривать это явление не только как результат индивидуального творчества пе-

реводчика, но и как особый вид речевой деятельности, в ходе которой единицы языка перевода выбираются в определенной зависимости от языковых единиц, использованных в оригинале. Поэтому, как и в любом лингвистическом исследовании, исследователи перевода занимались теперь не формулированием правил, которым должен следовать переводчик, а изучением соотношения языковых и речевых единиц двух языков, устанавливаемого в процессе перевода. «Полевым материалом» для исследования служат тексты оригинала и перевода, сопоставление которых дает объективные фактические данные для последующих теоретических обобщений. Таким образом, изучение перевода ставит своей целью, в первую очередь, описание реальных переводческих фактов, то есть носит дескриптивный, а не прескриптивный характер. Выяснив действительное соотношение единиц двух языков, возникающее в процессе перевода, теория перевода может затем вырабатывать рекомендации о том, какие методы целесообразно использовать переводчику, чтобы обеспечить правильный выбор варианта перевода.

Современная теория перевода исходит из того, что одним из важных видов вербальной коммуникации является обмен информацией между людьми, говорящими на разных языках и принадлежащими к разным культурам. Такая межъязыковая (или двуязычная) коммуникация может осуществляться лишь при участии посредника (человека или компьютерной программы), который способен воспринимать сообщение в письменной или устной форме на одном языке и воспроизводить его средствами другого языка. Такое языковое посредничество может осуществляться разными способами, главным из которых является перевод. Перевод отличается от других видов языкового посредничества (реферата, аннотации, пересказа, резюме), в первую очередь, особой функцией — служить полноправной заменой исходного сообщения (оригинала). Само намерение выполнить перевод означает постановку задачи создания подобного репрезентанта оригинала, и пользующиеся переводом (его рецепторы или реципиенты) исходят из предположения, что текст перевода и содержательно, и структурно адекватно воспроизводит оригинал. Они используют перевод так, как будто это и есть оригинал: цитируют по переводу оригинал, высказывают суждения о содержании ори-

гинала, оценивают его язык и стиль. Отождествление перевода с оригиналом происходит независимо от реальной близости этих двух текстов, поскольку рецепторы перевода, как правило, не могут оценить степень этой близости, не имея доступа к иноязычному оригиналу. Эффективность межъязыковой коммуникации предполагает значительную степень точности перевода, но в реальной переводческой практике это требование выполняется в разной мере в зависимости от многих объективных и субъективных факторов.

Перевод может осуществляться как в письменной, так и в устной форме. Письменный перевод — это вид перевода, при котором оригинал и перевод выступают в процессе перевода в виде фиксированных (главным образом письменных) текстов, к которым переводчик может неоднократно обращаться, углубляя свое понимание оригинала и корректируя избранные варианты перевода. Подобная ситуация позволяет добиваться большой точности воспроизведения оригинала, давая возможность переводчику использовать различные словари и справочники, обращаться за помощью к специалистам, тщательно редактировать перевод. При устном переводе оригинал и перевод выступают в процессе перевода в нефиксированной (устной) форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его озвучивания. Устный перевод может выполняться последовательно — вслед за произнесением оратором своего выступления или какой-то его части — или синхронно, то есть одновременно с речью оратора. Особым видом устного перевода является перевод беседы или двусторонний перевод, когда переводчик попеременно использует каждый из языков в качестве языка перевода. Существуют также смешанные виды перевода: устный перевод письменного текста («перевод с листа») и письменный перевод магнитофонной записи устного выступления.

Мы уже отмечали, что на протяжении всей истории переводы выполняли важные социальные функции, делая возможным межъязыковое общение людей и народов. Без переводческой деятельности было бы невозможным существование огромных империй, распространение религиозных и социальных учений, международная торговля и сотрудничество. Распространение пере-

водов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение языков и культур. Переводы и переводчики делают возможными международные контакты в политической, коммерческой, научно-технической и других областях, без которых немислимо существование современного человечества. Многие народы обязаны переводам формированием и развитием своих языков, литератур и культур. И в настоящее время роль переводческой деятельности продолжает возрастать. Обо всем этом мы подробно говорили в предыдущих лекциях, но я хотел бы еще раз подчеркнуть общественную значимость профессии переводчика.

Перевод и другие виды языкового посредничества составляют предмет изучения науки о переводе — переводоведения. Как всякая научная дисциплина, переводоведение имеет теоретические и прикладные аспекты. Теоретическое переводоведение включает общую, частные и специальные теории перевода. Общая теория перевода — это часть теории перевода, изучающая наиболее общие закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, вида переводческой деятельности, условий и способов осуществления конкретного перевода. Задача общей теории перевода заключается прежде всего в исследовании тех конституирующих факторов, которые лежат в основе всех многообразных актов перевода, позволяя их относить к единому виду человеческой деятельности. Частные теории перевода изучают переводческую проблематику, связанную с взаимодействием в процессе перевода конкретной пары языков. Специальные теории перевода занимаются изучением особенностей отдельных видов перевода, их классификацией в зависимости от типов переводимых текстов и специфических требований, предъявляемых к переводам каждого типа. Прикладное переводоведение охватывает практические аспекты переводческой деятельности: лексикографическое обеспечение работы переводчика, организация подготовки будущих переводчиков и разработка программ и методики их обучения, разработка программ машинного перевода, подготовка банков данных и технического оснащения рабочего места переводчика, проблемы профессионального статуса и оплаты труда переводчика и т.д.

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом определяется степенью близости перевода к оригиналу. Вопреки презумпции их идентичности, которая лежит в основе использования рецепторами текста перевода в качестве полноправного репрезентанта оригинала, языковые и культурные различия приводят к нетождественности этих текстов. Коммуникативное приравнивание разноязычных текстов в процессе перевода сопровождается более или менее существенными опущениями, добавлениями и изменениями. Переводчику постоянно приходится решать, какими элементами оригинала можно пожертвовать, чтобы сделать возможным полноценное воспроизведение других, коммуникативно более значимых его частей. В связи с этим одним из центральных понятий теории перевода является понятие «эквивалентность перевода», которое обозначает относительную общность перевода и оригинала при отсутствии их тождества. Различается теоретически возможная эквивалентность, определяемая соотношением структур и правил функционирования двух языков, и оптимальная — близость, достигаемая в конкретном акте перевода. И в том, и в другом случае эквивалентность не представляет собой фиксированную величину: степень близости перевода и оригинала может быть различной и эквивалентность перевода устанавливается на разных уровнях. Иначе говоря, существуют разные типы эквивалентности, различающиеся по степени близости двух текстов.

Степень эквивалентности может быть достаточно объективно определена путем сопоставления текста перевода с оригиналом, и она служит одним из критериев при оценке результатов переводческого процесса. Однако, в целом, такая оценка выводится на основе целого ряда факторов. В ряде случаев для успеха межъязыковой коммуникации достижение максимальной эквивалентности оказывается необязательным, а иногда даже нежелательным. Это вызвало необходимость в введении оценочного термина «адекватность перевода», обозначающего соответствие перевода требованиям и условиям конкретного акта межъязыковой коммуникации. В соответствии со значениями терминов «эквивалентность» и «адекватность» адекватный перевод включает определенную степень эквивалентности, но эквивалентный перевод может и не быть адекватным.

Оценочный характер часто носят и широко применяемые термины «буквальный перевод» и «свободный (вольный) перевод». Под буквальным понимается перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные элементы оригинала, в результате чего либо нарушаются нормы языка перевода, либо оказывается искаженным (или не переданным) действительное содержание оригинала. Свободный перевод — это перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого можно было бы достичь при данных условиях переводческого акта, то есть недостаточно точный, слишком «вольный». Как видно из определений, оба термина указывают на неадекватность перевода. Вместе с тем бывают случаи, когда допустимым оказывается как буквальный перевод (например, при составлении глоссы или подстрочника), так и свободный перевод (например, для достижения максимального художественно-эстетического эффекта в литературном переводе).

Соотношение эквивалентности и адекватности в каждом акте перевода определяется выбором стратегии, который переводчик делает на основе учета ряда факторов, составляющих переводческую ситуацию. Из числа этих факторов наибольшее значение имеет цель перевода, тип переводимого текста и характер предполагаемого рецептора перевода.

Осуществляя межъязыковую коммуникацию, переводчик может ставить перед собой различные цели, стремиться достичь определенных результатов. В основном, эти результаты можно свести к четырем группам. Во-первых, задача переводчика может заключаться в обеспечении адекватного понимания рецептором передаваемой информации. Во-вторых, переводчик может стремиться добиться определенного коммуникативного эффекта, создать у рецептора желаемое эмоциональное отношение к передаваемой информации, вызвать у него соответствующие ассоциации. В-третьих, переводчик может поставить перед собой цель побудить рецептора к каким-то конкретным действиям, вызвать у него определенную практическую реакцию. И, наконец, переводчик может использовать свой перевод с целью достижения какого-то «экстрапереводческого» результата, решения каких-то идеологических, политических или бытовых задач, не имеющих ничего общего с адекватным воспроизведением оригинала. И в

каждом переводе переводчик может преследовать одну или несколько подобных целей. И каждая из них может потребовать собой прагматической адаптации текста перевода, возможного отказа от максимальной эквивалентности.

Очевидна зависимость стратегии переводчика от типа переводимого текста. Несомненно перевод художественного романа и перевод технической инструкции требуют разного подхода, разного уровня эквивалентности и разной квалификации переводчика. Выбор стратегии основывается на классификации видов перевода, и переводчик нередко специализируется на переводах определенного вида.

Прежде всего выделяются два основных функциональных вида перевода: художественный (литературный) перевод и информативный (нелитературный) перевод. Художественный перевод — это перевод произведений художественной литературы. Основная задача переводчика в этом виде перевода — передать художественно-эстетические достоинства оригинала, создать полноценный художественный текст на языке перевода. Ради достижения этой главной цели переводчик более свободен в выборе средств, жертвуя отдельными деталями переводимого текста. Информативным переводом называется перевод текстов, основная функция которых заключается в сообщении каких-то сведений, а не в художественно-эстетическом воздействии на читателя. К таким текстам относятся все материалы научного, делового, общественно-политического, бытового и тому подобного характера. Основная задача переводчика таких текстов — наиболее полная передача содержащейся в них информации, достижение максимально возможной эквивалентности. Деление на художественный и информативный перевод указывает лишь на основную функцию оригинала, которая должна быть воспроизведена в переводе, фактически же в оригинале, требующем, в целом, художественного перевода, могут быть отдельные части, выполняющие исключительно информационные функции, и, напротив в переводе информативного текста могут быть элементы художественного перевода. В каждом из этих основных видов перевода выделяются более мелкие подвиды со своими особенностями, влияющими на выбор переводческой стратегии.

Значительное влияние на ход и результат переводческого процесса оказывает и характер предполагаемого рецептора пере-

вода. Межъязыковая коммуникация может быть эффективной лишь при условии, что перевод будет должным образом понят и воспринят теми, для кого он предназначен. Переводчик выбирает варианты перевода с учетом знаний и требований предполагаемых рецепторов. В основном, у переводчика имеется выбор между двумя возможностями. Перевод может быть предназначен для определенной группы людей или даже для конкретного рецептора, и переводчик ориентируется на их опыт, знания, возраст, социальный или профессиональный статус. Так, перевод может осуществляться для определенной группы технических специалистов, для детских читателей или для руководителя политической организации или коммерческой фирмы. При этом переводчик должен хорошо знать особенности будущих читателей его перевода. В других случаях перевод не имеет точного адресата, и переводчик ориентируется на так называемого «усредненного рецептора» — предполагаемого типичного представителя культуры языка перевода, который обладает знаниями и представлениями, общими для большинства членов языкового коллектива.

Эффективность межъязыковой коммуникации во многом зависит от языковой и коммуникативной компетенции переводчика, его умения правильно выбрать и последовательно осуществить переводческую стратегию с учетом многочисленных факторов, влияющих на этот сложный вид человеческой деятельности, и особенностей конкретного акта перевода. Значение переводческой деятельности в современном мире постоянно возрастает, и ее изучение и совершенствование — важная социальная, научная и практическая задача.

В двух последних лекциях содержался краткий обзор исторической эволюции переводческой деятельности, особенно в современную эпоху, и дана общая характеристика структуры и основных понятий науки о переводе. В остальной части курса нам предстоит рассмотреть более подробно четыре основных раздела общей теории перевода: теорию переводческой эквивалентности, прагматические аспекты перевода, теоретическое описание процесса перевода и теорию переводческих соответствий.

Лекция N 7

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

Мы уже отмечали, что специфика перевода, отличающая его от всех других видов языкового посредничества, заключается в том, что он предназначен для полноправной замены оригинала и что рецепторы перевода считают его полностью тождественным исходному тексту. Вместе с тем не трудно убедиться, что абсолютная тождественность перевода оригиналу недостижима и что это отнюдь не препятствует осуществлению межъязыковой коммуникации. Дело не только в неизбежных потерях, связанных с трудностями передачи особенностей поэтической формы, культурных или исторических ассоциаций, специфических реалий и других тонкостей художественного изложения, но и в несопадении отдельных элементов смысла в переводах самых элементарных высказываний. Предположим, мы переведем английское предложение «The student is reading a book» как «студент читает книгу». В большинстве случаев такой перевод будет вполне правильным и не потребует каких-либо улучшений. Очевидно, однако, что полного тождества здесь нет. В английском оригинале содержится указание, что речь идет о каком-то лице, известном собеседникам, и, напротив, о какой-то неопределенной книге. В переводе такое указание отсутствует, как и информация о том, что действие происходит в момент речи, а не повторяется регулярно. С другой стороны, русский язык вынуждает нас сообщить, что читающий — это лицо мужского пола, хотя в оригинале речь могла идти и о женщине. Все эти потери и добавления обычно не будут препятствовать переводу выполнять свою функцию.

Попытки передать в переводе абсолютно все, что можно обнаружить в оригинале, как правило, приводят к совершенно неприемлемым результатам. Предположим, мы захотим передать в английском переводе все элементы смысла, которые можно обнаружить в русском предложении «Мальчик катается на коньках». Помимо вполне понятного сообщения, в нем можно обнаружить еще и другие элементы информации. Во-первых, «катается» состоит из глагола «катать» и возвратной частицы «ся», т.е. как бы «катать себя». Во-вторых, слово «коньки» явно ассоциируется с уменьшительной формой слова «конь», которое к тому же мужского рода. Если мы все это переведем, то получим что-то вроде «The boy is rolling himself on the little he-horses». Разумеется, так никто не поступает. Мы переводим «The boy is skating» и нисколько не беспокоимся об утрате нерелевантных элементов смысла.

Как мы уже отмечали, вследствие отсутствия тождества отношение между содержанием оригинала и перевода обозначается термином «эквивалентность». Поскольку важность максимального совпадения между этими текстами представляется очевидной, эквивалентность обычно рассматривается как основной признак и условие существования перевода, Из такого подхода вытекает несколько выводов. Во-первых, условие эквивалентности должно включаться в само определение перевода. Так, английский переводовед Дж.Кэтфорд определяет перевод как «замену текстового материала на одном языке (ИЯ) эквивалентным текстовым материалом на другом языке (ПЯ)». Аналогичным образом, американский исследователь Ю.Найда утверждает, что перевод заключается в создании на языке перевода «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу. Во-вторых, понятие «эквивалентность» приобретает оценочный характер и «хорошим», или «правильным», переводом признается только эквивалентный перевод. В-третьих, поскольку эквивалентность является условием перевода, задача заключается в том, чтобы определить это условие, указав, в чем заключается переводческая эквивалентность, что должно быть обязательно сохранено при переводе.

Следует заметить, что оценочная трактовка эквивалентности делает излишним употребление термина «адекватность». В современном переводоведении можно обнаружить три основных подхода к определению понятия «эквивалент». Некоторые опре-

деления перевода фактически подменяют эквивалентность тождественностью, утверждая, что перевод должен полностью сохранять содержание оригинала. А.В.Федоров, например, используя вместо «эквивалентности» термин «полноценность», говорит, что эта полноценность включает «исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника». Само понятие «исчерпывающая передача», по-видимому, должно означать, что перевод будет иметь то же самое содержание, что и оригинал.

Такое кардинальное решение вопроса «снимает» необходимость особо определять понятие «эквивалентность». К сожалению тезис о исчерпывающей передаче содержания оригинала не находит подтверждения в наблюдаемых фактах, и его сторонники вынуждены прибегать к многочисленным оговоркам, которые фактически выхолащивают исходное определение.

Так, определив перевод как «процесс преобразования речевого произведения на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания, то есть значения» и указав, что под содержанием следует понимать все виды отношений, в которых находится языковая единица, Л.С.Бархударов тут же оговаривается, что о неизменности «можно говорить лишь в относительном смысле», что «при переводе неизбежны потери, то есть имеет место неполная передача значений, выражаемых текстом подлинника». Отсюда Л.С.Бархударов делает закономерный вывод, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника», однако остается непонятно, как это совместить с тем, что «неизменность плана содержания» была указана в качестве единственного определяющего признака перевода. Если исходить из такого определения, то было бы логично сделать вывод, что, поскольку нет неизменности содержания, то нет и перевода.

Второй подход к решению проблемы переводческой эквивалентности заключается в попытке обнаружить в содержании оригинала какую-то инвариантную часть, сохранение которой необходимо и достаточно для достижения эквивалентности перевода. Наиболее часто на роль такого инварианта предлагается либо функция текста оригинала, либо описываемая в этом тексте ситуация. Иными словам если перевод может выполнить ту же

функцию (например, обеспечит правильное использование технического устройства) или описывает ту же самую реальность, то он эквивалентен.

К сожалению, и этот подход не дает желаемых результатов. Какая бы часть содержания оригинала ни избиралась в качестве основы для достижения эквивалентности, всегда обнаруживается множество реально выполненных и обеспечивающих межъязыковую коммуникацию переводов, в которых данная часть исходной информации не сохранена. И, наоборот, существуют переводы, где она сохранена, неспособные, однако, выполнять свою функцию в качестве эквивалентных оригиналу. В таких случаях мы оказываемся перед неприятным выбором: либо отказать подобным переводам в праве быть переводами, либо признать, что инвариантность данной части содержания не является обязательным признаком перевода.

Третий подход к определению переводческой эквивалентности можно назвать эмпирическим. Суть его заключается в том, чтобы не пытаться априори решать, в чем должна состоять общность перевода и оригинала, а сопоставить большое число реально выполненных переводов с их оригиналами и посмотреть, на чем основывается их эквивалентность.

Вот мы сейчас с вами и продеваем такой мысленный эксперимент. Предположим, мы возьмем некоторую совокупность русских переводов и будем их сравнивать с английскими оригиналами. Что мы при этом обнаружим? Сразу же станет ясно, что степень смысловой близости к оригиналу у разных переводов неодинакова, и их эквивалентность основывается на сохранении разных частей содержания оригинала. Прежде всего мы обнаружим некоторое число переводов, где близость к оригиналу будет минимальной. В таких переводах и грамматика другая, и лексика другая, и говорится как будто совсем о другом. И тем не менее они вполне выполняют свою функцию и их вряд ли можно улучшить. Вот несколько примеров подобных переводов.

В романе американского писателя А.Хейли «Отель» есть такой эпизод. Владелец отеля спрашивает у своего воспитанника, молодого негра, почему у него плохие отношения с управляющим отеля. И тот ему отвечает: «Maybe there is some chemistry between us doesn't mix». А в переводе читаем: «Бывает, что люди

не сходятся характерами». Вот и сравните английскую «химию, которая не смешивается» и русское «несходство характеров». В одной английской пьесе оскорбленная жена укоризненно говорит мужу: «That's a pretty thing to say», а переводчик переводит: «Постыдился бы»

Подобная минимальная близость нередко встречается в переводах поэтических текстов. Вам, наверное, знакома популярная в России песня «Вечерний звон», слова которой представляют перевод известного стихотворения английского поэта Т. Мура. Сравним начало этого стихотворения с его русским переводом:

«Those evening bells, those evening bells, how many a tale their music tells of youth and home and that sweet time when first I heard their soothing chime»

«Вечерний звон, вечерний звон, как много дум наводит он. О юных днях в краю родном, где я любил, где отчий дом».

На чем же основывается эквивалентность переводов этого типа? В любом высказывании, помимо его конкретного содержания, выражается какая-нибудь речевая функция, составляющая общую цель коммуникации. Именно сохранение цели коммуникации и обеспечивает эквивалентность подобных переводов. Иначе говоря, эквивалентность достигается здесь на уровне цели коммуникации. Что представляет собой общая речевая функция, сохраняемая в этом первом типе эквивалентности? В современном языкознании используются различные принципы классификации таких функций. Наиболее убедительной представляется концепция известного лингвиста Романа Якобсона, положившего в основу своей классификации главные компоненты вербальной коммуникации. В любой коммуникации обязательно присутствуют шесть компонентов: отправитель сообщения, адресат, референт (то, о чем идет речь в сообщении), канал связи, языковой код и само сообщение, имеющее определенную форму. И высказывание, с помощью которого осуществляется коммуникация, может быть преимущественно ориентировано на один из этих компонентов. Соответственно классифицируются и основные речевые функции.

Если высказывание ориентировано на отправителя сообщения, выражая его чувства или эмоции, то оно выполняет эмо-

тивную функцию. Установка на получателя информации (адресата) реализует волеизъявительную или побудительную функцию, стремление вызвать у адресата определенную реакцию. Референтная функция, естественно, означает преимущественную ориентацию на содержание сообщения. Установка на канал связи имеет целью проверить наличие контакта, наладить или поддержать общение и поэтому именуется контактоустанавливающей или фатической. Ориентация на языковой код означает, что речь идет об устройстве самого языка, о форме или значении его единиц, то есть здесь реализуется металингвистическая функция. И, наконец, установку на форму сообщения, создающую определенное эстетическое впечатление, Р.Якобсон предложил относить к поэтической функции.

Классификация речевых функций позволяет указать на наиболее общие аспекты содержания высказывания и определить лингвистическую реальность явления, которое мы назвали целью коммуникации. Таким образом, цель коммуникации, сохранение которой лежит в основе эквивалентности переводов рассматриваемого типа, может быть интерпретирована как часть содержания высказывания, выражающая основную или доминантную функцию этого высказывания. Отдельные отрезки текста могут обладать различной целью коммуникации. Вместе с тем возможно существование общей цели коммуникации для всего текста значительной величины или даже для ряда текстов определенного типа. Выше мы привели три примера переводов, относящихся к первому типу эквивалентности. В первом из них была сохранена референтная функция, выраженная в подразумеваемом смысле английского высказывания, во втором — эмотивная функция (негодование говорящего) и в третьем — функция поэтическая. И в каждом случае сохранение цели коммуникации оказывается необходимым и достаточным условием эквивалентности перевода.

Важно отметить, что несохранение цели коммуникации делает перевод неэквивалентным, даже если в нем сохранены все остальные части содержания оригинала. Английская пословица «A rolling stone gathers no moss» описывает ситуацию, легко передаваемую в русском переводе, например: «Катящийся камень мха не собирает (или мхом не обрастает)». Однако такой перевод нельзя признать эквивалентным, поскольку рецептор перевода

не сможет извлечь из него ту цель коммуникации, которая выражена в оригинале. Попробуйте спросить у какого-нибудь нормального русского человека (неиспорченного знанием английского языка), что это «хорошо» или «плохо», что нет «мха». Скорее всего он скажет, что «хорошо». Для нас образ мха ассоциируется с чем-то нехорошим, «замшелым» («Сидите вы тут, все мхом обросли»). В то же время для английского рецептора ясно, что в этой ситуации «мох» олицетворяет богатство, «добро» и что его отсутствие — явление отрицательное. Английское «A rolling stone» соответствует русскому «перекати-поле». Вот почему эта английская пословица выражает неодобрение, подразумевая вывод, что не следует бродить по свету, а нужно сидеть дома и наживать добро. И ее эквивалентным переводом будет русская фраза, имеющая ту же эмотивную установку (эмотивную функцию) и максимально воспроизводящая стилистическую форму пословицы (поэтическая функция). Поскольку описание той же ситуации не обеспечивает необходимого результата, приходится использовать сообщение, описывающее иную ситуацию. Требуется лишь, чтобы перевод сохранял цель коммуникации оригинала, а конкретное решение может быть разным. Например, фразеологический словарь А.В.Кунина дает следующий вариант: «Кому на месте не сидится, тот добра не наживет». Но вы сами без труда можете предложить еще несколько возможных переводов, например: «По свету бродить, добра не нажить» или «По свету шататься, бедняком остаться».

Итак, мы рассмотрели первый тип эквивалентности, где сохраняется только цель коммуникации. В дальнейшем мы будем придерживаться такой же процедуры: выделять группы переводов разной степени близости к оригиналу и определять лингвистическую основу этой общности. Продолжая наш мысленный эксперимент, мы обнаружим другую группу переводов, в которых близость к оригиналу будет большей. Вот пример такого перевода. В уже упоминавшемся романе А.Хейли есть такая фраза: «The telephone rang and he answered it». В переводе читаем: «Зазвонил телефон, и он снял трубку». Не трудно заметить, что здесь перевод ближе к оригиналу, чем в предыдущем типе эквивалентности. Такой вывод основывается на нашем знании, того, что «снять трубку» это и значит «ответить на телефонный звонок». И

здесь в переводе нет соответствия лексике и грамматике оригинала. Но уже очевидно, что в нем описывается «то же самое» — одна и та же ситуация, то есть некоторая совокупность объектов, реально существующих или воображаемых, а также связи между этими объектами. Большинство высказываний на любом языке используются для указания на определенные ситуации. При этом в высказывании никогда не указываются все признаки описываемой ситуации, а называются только некоторые из них. Набор признаков, упоминаемых в высказывании, составляет способ описания ситуации. В любом языке большинство ситуаций можно описать разными способами, выбирая разные признаки. Однако в каждом языке могут существовать свои предпочтения, в результате которых способ описания одной и той же ситуации, используемый в одном языке, оказывается неприемлемым в другом. Именно это мы и обнаруживаем в рассматриваемой группе переводов, принадлежащих ко второму типу эквивалентности. Их эквивалентность заключается в сохранении двух частей содержания оригинала — цел» коммуникации и указания на определенную ситуацию — при изменении способа описания этой ситуации. Можно говорить, что здесь имеется эквивалентность на уровне ситуации или ситуативная эквивалентность.

Переводы этого типа весьма многочисленны. Вот еще несколько примеров ситуативной эквивалентности в англо-русских переводах. В романе Дж.Джерома «Трое в одной лодке» один из героев возмущенно кричит другому, уронившему его рубашку в холодную воду: «You are not fit to be in a boat». Буквально: «Ты не годен для того, чтобы быть в лодке». Такой способ описания для русского языка неестественен, и в переводе читаем: «Тебя нельзя пускать в лодку». В оригинале говорится «You see one bear you have seen them all». Русский язык не описывает подобным образом ситуацию подобия и переводчик пишет: «Все медведи похожи друг на друга». Англичанин утверждает «He is the last man to betray a friend», как бы подразумевая, что, если выстроить всех людей по степени вероятности предательства друга, то он будет в этом ряду последним. В русском переводе эта ситуация будет описана иначе: «Уж он-то друга не предаст».

В рамках второго типа эквивалентности можно отметить несколько особых случаев описания ситуации в переводе. Преж-

де всего существуют ситуации, которые всегда описываются одним и тем же способом. Особенно часто это имеет место в стандартных речевых формулах, предупредительных надписях, общепринятых пожеланиях и т.п. Указать, в какую сторону открывается дверь, нужно по-русски надписью «К себе» или «От себя» (англ. «Push — Pull»). На упаковке легко бьющихся предметов англичанин всегда напишет «Fragile», а русский — «Осторожно, стекло». Теоретически можно по-разному предупредить о свежеракрашенном предмете, но по-русски обязательно напишут «Осторожно, окрашено», а по-английски «Wet paint».

Если ситуация, описанная в оригинале, должна быть передана в переводе одним, строго определенным способом, выбор варианта перевода происходит как бы независимо от способа описания этой ситуации в тексте оригинала и структура сообщения в переводе оказывается заранее заданной. В других случаях способ описания ситуации в языке перевода не является обязательным, но существуют предпочтительные, более часто употребляемые варианты. Так, по-русски, запрещая курить, чаще всего пишут «Не курить», хотя встречаются также формулы «Курить воспрещается» и «У нас не курят». Отвечая на телефонный звонок, обычно говорят «Алло!», хотя некоторые предпочитают «Слушаю» или просто «Да?».

Отметим также существование ситуационных лакун — таких ситуаций, которые в одном языке описываются, а в другом как бы не существуют и не упоминаются в речи. По-русски принято желать здоровья человеку, когда он чихнет, а в Англии на это не принято обращать внимания. Нередко лакуны существуют и при описании самых обычных ситуаций. У нас в России нет общепринятого способа обращения к официантке или продавщице, вследствие чего нередко приходится слышать, как к молодой женщине обращаются со словом «Девушка!». Не знаем мы, и как позвать в ресторане официанта и как обратиться на улице к незнакомому мужчине или незнакомой женщине. Во многих ситуациях все имеющиеся в нашем распоряжении обращения («товарищ, гражданин, господин» и пр.) оказываются неуместными и появляются уродцы вроде: «Женщина, вас тут не стояло!».

Трудности, связанные с описанием ситуации в переводе, могут возникать и вследствие того, что у рецептов оригинала

она способна вызывать определенные ассоциации, давать основания для каких-то выводов, которые недоступны рецепторам перевода. Например, упоминание об определенной марке автомобиля, фирме или магазине может ассоциироваться с имущественным или социальным положением человека. И для англичанина, и для русского владение «Мерседесом» или «Кадиллаком» позволяет сделать вывод, что речь идет не о бедняке. А вот сообщение о том, что некто владеет машиной «Астон-Мартин» вряд ли будет нести дополнительную информацию для русского читателя, в то время как английский читатель знает, что это — дорогой спортивный автомобиль. Сообщение в оригинале, что какая-то женщина носит платья «от Диора» вызовет соответствующие ассоциации и у русского читателя, а указание на то, что она всю одежду покупает в магазине «Маркс энд Спенсер» (относительно более дешевый магазин в Лондоне) не позволит ему сделать необходимые выводы.

Некоторые ситуации, описанные в оригинале, могут вызвать недоумение у читателя перевода. В одном детективном романе я встретил такой эпизод. Герой романа едет в машине и замечает, что впереди идущая машина все время виляет, мешая ему ехать. Пытаясь обнаружить причину такого поведения водителя этой машины, он видит, что (как сказано в романе) «He had his left hand around the neck of his companion». Если в переводе будет сохранена эта ситуация, то есть будет сказано, что водитель машины обнимал рядом сидящую девушку левой рукой, то для русского читателя это будет означать, что он сидел спиной к движению машины. Переводчику придется выбирать: либо он вообще опустит упоминание о том, какую именно руку использовал водитель, либо заменит левую руку на правую, либо укажет в сноске, что в Англии левостороннее движение, водитель сидит справа и, естественно, использует для подобных действий левую руку...

Теперь продолжим наш мысленный эксперимент и обнаружим еще одну группу переводов, в которых сохраняются уже три части содержания оригинала: цель коммуникации, указание на ситуацию и способ ее описания. Этот третий тип эквивалентности можно проиллюстрировать следующим примером. В романе американского писателя СЛьюиса «Эрроусмит» есть такой эпизод. Герой романа встречается со своей будущей женой в боль-

нице, когда та моет пол. Они при этой встрече поссорились, и впоследствии, вспоминая причину своего агрессивного поведения, она объясняет: «Scrubbing makes me bad-tempered». В переводе романа читаем: «От мытья полов у меня характер портится». Сравнивая перевод с оригиналом, мы видим, что в нем использованы те же признаки ситуации и сохранены отношения между ними. В самом деле, в оригинале «Scrubbing» выражает причину, и такую же функцию выполняет русский эквивалент этого слова «мытьё полов». По этой причине героиня становится «плохо-характерной», что и выражается в переводе теми же понятиями, хотя и другими частями речи (портиться, становится плохим характер).

В рамках одного способа описания ситуации возможны различные виды семантического варьирования. Выбор признаков, с помощью которых описывается ситуация, неполностью определяет организацию передаваемой информации. Сопоставительный анализ показывает, что наиболее часто отмечаются следующие виды варьирования семантической структуры высказывания.

Степень детализации описания. Описание ситуации избранным способом может осуществляться с большими или меньшими подробностями. Некоторые признаки непосредственно включаются в высказывание, а другие могут оставаться подразумеваемыми, легко выводимыми из контекста. Различное сочетание названных (эксплицитных) и подразумеваемых (имплицитных) признаков можно обнаружить во всех языках. Так, по-русски можно сказать «Он постучал и вошел», а можно в той же ситуации сказать «Он постучал в дверь и вошел в комнату». Точно так же и по-английски можно выбрать между «He knocked and came in» и «He knocked at the door and came into the room». Однако в разных языках соотношение эксплицитного и имплицитного смысла в высказывании может быть различным. В этом отношении, например, английские высказывания часто оказываются более имплицитными, чем русские, и то, что в оригинале подразумевается, в переводе должно быть эксплицитно выражено. Возьмем простое английское предложение «The workers demand the improvement of their conditions», перевод которого на русский язык не представляет трудностей. Однако при переводе мы обнаруживаем, что по-русски нельзя просто написать «Рабочие тре-

буют улучшения условий», а нужно указать «условий чего» (труда или жизни). Конечно, и по-английски ясно, о каких условиях идет речь, но там нет необходимости включать этот элемент смысла в само высказывание. Вот еще один пример из английской газеты: «The workers went on strike in support of their pay claims». «Pay claims» — это, конечно, требования зарплаты, но в большинстве случаев речь не идет о том, что рабочие вообще не получают зарплату. А тогда подразумеваемый смысл требований очевиден, и в русском переводе будет сказано, что они требуют «повышения зарплаты». Имплицитность английского высказывания подчас требует от переводчика особой бдительности. Встретив, например, сообщение, что военный корабль вооружен «with liquid rockets», переводчик не должен спешить озадачить читателя существованием «жидких ракет», а должен понимать, что в оригинале подразумеваются «liquid-fueled rockets», то есть ракеты на жидком топливе.

Второй вид семантического варьирования заключается в *изменении способа объединения в высказывании описываемых признаков ситуации*. Одни и те же признаки могут входить в разные словосочетания. Можно, например, сказать «Он быстро скакал на своем скакуне», соединяя «быстро» с глаголом, а можно объединить этот признак с существительным: «Он скакал на своем быстром скакуне». Разные языки обладают неодинаковыми возможностями сочетаемости признаков, что отчетливо выявляется в переводе. Вот типичный пример. В романе английского писателя А.Кронина «Цитадель» есть такой эпизод. Герой романа приезжает к месту своей новой работы, и на станции его встречает кучер с коляской (a gig). И автор пишет: «Manson climbed into the gig behind a tall black angular horse». Переводя эту фразу, переводчик неожиданно обнаруживает, что по-русски нельзя сказать «Он сел в коляску позади лошади», поскольку получается как будто лошадь то же сидела в коляске. По-русски можно сесть позади кучера, позади другого седока, но нельзя сесть позади лошади. Придется написать, что он сел в коляску, запряженную этой лошастью. Попутно заметим, что перевод этого предложения ставит перед переводчиком еще некоторые любопытные проблемы. «Tall» — это, конечно, «высокий», но, по-видимому, по-русски неприемлемо сочетание «высокая лошадь». Это трудно логически

объяснить, но «русская лошадь» может быть большой или крупной, но не высокой. Еще одну загадку задает переводчику прилагательное «angular», образованное от существительного «angle» — «угол». По-русски от слова «угол» можно образовать несколько прилагательных, но лошадь нельзя назвать ни «угловой», ни «угловатой», ни «угольной». Переводчику придется предположить, что «углы» означают выпирающие кости, и выбрать вариант «худая» или «костлявая» (но не «костистая»).

В целом, английский язык гораздо свободнее сочетает отдаленные признаки, чем русский. Герой одного рассказа Г.Честертона приходит навестить своего друга: «He found him in his slippers by the fire», Посмотрите, что здесь происходит. От существительного «slipper» — «домашняя туфля» образуется неупотребительный глагол «to slipper» и второе причастие этого глагола соединяется с абстрактным существительным «ease». Получается что-то вроде «отуфленной легкости» — сочетания, невозможного в русском языке. Перевод будет поэтому перестроен: «Он нашел своего друга отдыхающим в домашних туфлях у камина».

Еще один вид семантического варьирования заключается в *изменении направления отношений между признаками*. Ситуация может описываться с разных точек зрения с использованием лексических конверсивов: «Профессор принимает экзамен у студентов — Студенты сдают экзамен профессору». И здесь в языках могут обнаруживаться определенные предпочтения, вызывающие соответствующие изменения при переводе. У Марка Твена есть рассказ, озаглавленный «How I was sold in New Ark» о том, как его обманули в этом городе, приведя на его вечер юмористических рассказов глухонемого человека. В русском переводе его не «продали», а «купили». В романе Дж.Голсуорси «Сага о Форсайтах» есть такой эпизод. Герои романа едут в открытом автомобиле, он поворачивает за угол, и автор пишет «They had their backs to the sunshine now». Дословный перевод «Теперь их спины были обращены к солнцу» выглядит по-русски напыщенно и нелепо и в переводе читаем: «Теперь солнце светило им в спину».

Продолжая наш мысленный эксперимент, мы обнаружим еще два других типа эквивалентности. В предыдущих трех типах близость перевода к оригиналу основывалась на сохранении частей содержания, существующих в любом высказывании. Всякое

высказывание выражает какую-то цель коммуникации и описывает определенным способом какую-то ситуацию. Однако кроме этого, всякое высказывание состоит из определенного набора лексических единиц, организованных в рамках каких-то синтаксических структур. В любом языке синтаксические структуры и лексические единицы обладают собственным относительно устойчивым значением, составляющим часть общего содержания высказывания. Сопоставительный анализ показывает, что во многих случаях переводчик стремится передать в переводе и эту часть содержания оригинала. И мы обнаруживаем *группу переводов, где, помимо цели коммуникации, указания на ту же ситуацию и способа ее описания, сохраняется и часть значения синтаксических структур исходного текста*. В этом, четвертом типе эквивалентности используются аналогичные структуры, имеющие примерно те же значения в обоих языках. Например, английскому пассивному залогу соответствует страдательный залог в русском языке: «The house was sold for eighty thousand dollars» — «Дом был продан за восемьдесят тысяч долларов». Стремление использовать в переводе параллельные структуры может объясняться различными причинами. В художественном переводе сохранение авторского синтаксиса является одним из способов достижения адекватности перевода. В информативном переводе синтаксический параллелизм может играть важную роль во многих практических ситуациях. Предположим, на какой-нибудь международной конференции идет обсуждение проекта резолюции и многие участники конференции следят за дискуссией по имеющемуся у них переводу текста проекта. Очередной выступающий предлагает заменить на второй странице резолюции третье слово во второй строчке сверху. Понятно, что при синтаксическом параллелизме перевода делегатам будет легче отыскать нужное место. Не случайно в таком часто цитируемом тексте, как Устав ООН, из 121 статьи в П 1 сохраняется полный синтаксический параллелизм, а в остальных десяти статьях расхождение сводится к тому, что придаточные определительные переводятся причастными оборотами и наоборот.

Порой полный параллелизм сохранить не удастся, и в этом типе эквивалентности наблюдаются различные случаи синтаксического варьирования. Во-первых, при невозможности исполь-

зовать аналогичную структуру переводчик выбирает ближайшую синтаксическую форму. Например, русский страдательный залог менее употребителен, чем английский пассив, и английским пассивным структурам нередко соответствуют в русских переводах формы действительного залога: «The port can be entered by big ships only during the tide» — «Большие корабли могут входить в порт только во время прилива». Часто встречающимся видом синтаксического варьирования является изменение порядка слов при переводе, если его функции в двух языках не совпадают. Так, в английском языке относительно фиксированный порядок слов определяет место отдельных членов предложения, а в русском языке он меняется в зависимости от коммуникативного членения предложения (тема-рематических отношений), которое в английском языке выражается, в частности, с помощью артикля. В простых неэмфатических русских предложениях рематическая часть тяготеет к концу фразы. Поэтому при переводе английского «The boy entered the room», где определенный артикль при первом слове указывает на то, что это — тема, в переводе может быть сохранен порядок слов: «Мальчик вошел в комнату». В этом же предложении наличие неопределенного артикля «A boy entered the room» приведет к изменению порядка слов в переводе — «В комнату вошел мальчик».

Отметим еще один вид синтаксического варьирования: изменение типа предложения. Нередко в языке имеется выбор между простым, сложносочиненным и сложноподчиненным предложениями. Так, можно сказать «Начался дождь. Мы пошли домой» или «Начался дождь, и мы пошли домой» или «Так как начался дождь, мы пошли домой». Сопоставительный анализ показывает, что стилистические особенности текста могут побудить переводчика изменить тип предложения. Например, в русских переводах английских технических текстов простые предложения нередко заменяются сложными: «The installation must function at low temperatures. The engineers should take it into account» — «Работчики должны учитывать, что установка будет работать при низких температурах».

И, наконец, завершая наш экспериментальный обзор, мы обнаруживаем *группу переводов, в которых близость к оригиналу будет наибольшей*, поскольку в них переводчик стремится как мож-

но полнее воспроизвести значения слов оригинала с помощью дословного перевода: «I saw him at the theatre» — «Я видел его в театре». Этот тип эквивалентности встречается достаточно часто, но достижение эквивалентности на уровне семантики слова ограничивается несовпадением значений слов в разных языках. Переводческие проблемы возникают в связи с каждым из трех основных макрокомпонентов семантики слова: денотативного, коннотативного и внутриязыкового значений.

Денотативное или предметно-логическое значение слова обозначает определенный класс объектов, реальных или воображаемых, или какой-то единичный объект. Трудности при передаче этого значения в переводе вызываются, в основном, тремя причинами: различиями в номенклатуре лексических единиц, в объеме значений и в сочетаемости слов с близким значением. В языке оригинала обнаруживается немало слов, не имеющих прямых соответствий в языке перевода. Например, в английском языке есть глагол «to tinker» — «неумело что-либо чинить или налаживать» и существительное «tinkerer». В русском языке нет отдельных слов с таким значением. Позднее мы разберем способы перевода таких безэквивалентных слов, а пока отметим, что все они связаны с определенными переводческими потерями.

Значения слов-соответствий в двух языках могут не совпадать по объему. Слову с общим значением в исходном языке может соответствовать слово с более узким значением в языке перевода или наоборот. Например, в английском языке нет слова с общим значением «плавать», а есть несколько более конкретных слов, употребляемых в зависимости от того, кто и как плавает: swim, sail, float, drift. Аналогичным образом, английскому «meal» соответствуют в русском языке только более частные названия приемов пищи: завтрак, обед, ужин. В подобных случаях переводчику приходится выбирать с учетом контекста слово со значением иного объема. Использование же ближайшего соответствия может оказаться невозможным из-за различий в сочетаемости. «Face» — это, конечно «лицо», но предложение «She slammed the door in his face» будет переведено «Она захлопнула дверь у него перед носом». Если в оригинале человек проваливается в снег «по талию» (up to his waist), то в переводе он окажется в снегу «по

пояс». Такие расхождения типичны для пятого типа эквивалентности.

В области коннотации основные проблемы перевода связаны с наличием у слова эмоционального, стилистического или образного значения. Называемые объекты могут восприниматься языковым коллективом положительно или отрицательно, и соответствующие слова, помимо предметно-логического, обладают еще и сопутствующим эмоциональным значением. Проблемы возникают в тех случаях, когда такие значения у слов-соответствий не совпадают или совпадают неполностью. В контексте переводчик решает, связано ли слово «voyage» или «trial» с выражением отрицательного отношения автора к описываемому и есть ли основания использовать в переводе слова с отрицательной коннотацией «вояж» или «судилище». При этом надо иметь в виду, что эмоциональное значение слова может со временем меняться. В течение долгого времени слово «бизнесмен» имело отрицательную коннотацию, что учитывалось переводчиками при переводе английского «businessman». Оно использовалось лишь в отрицательных контекстах типа «American businessmen got rich on the war in Vietnam». Но если в тексте с удовлетворением сообщалось, что в Москву прибыла «a delegation of American businessmen», то в переводе они были уже не «бизнесменами», а «представителями деловых кругов». Сегодня «бизнесмен» утрачивает отрицательную коннотацию, и этой проблемы выбора в русском переводе уже нет.

Трудности в переводе может вызывать и другой компонент коннотации — стилистическое значение слова, указывающее на принадлежность слова к возвышенной, поэтической, книжной лексике или к лексике сниженной, разговорной, просторечной. И здесь потери возникают тогда, когда слова, совпадающие по предметно-логическому значению, различаются по стилю. Русское «сон» полностью соответствует английскому «sleep», но в английском языке есть еще поэтическое слово «slumber» с тем же значением. При его переводе стилистический компонент будет утрачен.

Подобных потерь в переводе часто не удается избежать, но в распоряжении переводчика есть способ их компенсировать. Прием компенсации заключается в том, что, не сумев избежать утраты какого-то стилистического или смыслового элемента, пе-

реводчик воспроизводит этот элемент в другом слове или в другом месте текста, где в оригинале его нет. Поясним это на нескольких примерах. В пьесе Б.Шоу «Пигмалион» есть такой эпизод. Героиня пьесы, которую профессор Хиггинс научил правильно говорить по-английски, во время ссоры с ним вновь употребляет неправильные формы и вместо «these slippers» говорит «them slippers». Воспроизведение этой неправильности в переводе необходимо, поскольку на ней строится весь последующий диалог. В данном случае применить прием компенсации сравнительно просто, так как тут же имеется русское слово, которое часто искажается» недостаточно образованными людьми. И переводчик пишет «этих туфель», успешно решая свою задачу. В других случаях применение приема компенсации может потребовать весьма значительных изменений. В романе У.Теккерея «Ярмарка тщеславия» Бекки Шарп в письме своей подруге описывает эпизод, случившийся в доме богатого баронета Питта Кроули, где она служит гувернанткой. За обедом речь зашла о том, что один из арендаторов сэра Питта разорился. «Serve him right», said Sir Pitt, «him and his family has been cheating me on that farm these hundred and fifty years». Иронизируя над необразованностью своего хозяина, Бекки пишет: «Sir Pitt could have said 'He and his family' but rich baronets needn't be so careful about their grammar as we, poor governesses». Стремясь передать неправильную речь баронета, переводчик вынужден существенно изменить текст. В переводе сэр Питт говорит: «Он со своей семейкой облапошивал меня на этой ферме целых полтора года». Как видите, нарушение грамматической нормы в оригинале компенсировано в переводе с помощью сниженной лексики. Это вызвало необходимость и последующих изменений. И дальше Бекки пишет: «Сэр Питт мог бы выражаться поделикатнее, но богатым баронетам нет надобности так заботиться о стиле, как нам, бедным гувернанткам».

Интересные задачи приходится порой решать переводчику при передаче еще одного компонента коннотации — образного значения слова. В семантике слова может выделяться какой-нибудь признак, который используется в качестве основы образного употребления. По-русски «баня» — это не только помещение, где моются, но и «очень жаркое место», в то время как английское «bath» лишено подобной характеристики. Английс-

кое «rake» — «грабли» — это что-то очень тонкое, а отличительной чертой павлина оказывается гордость. Несовпадение образного употребления соответствующих слов в двух языках создает порой неожиданные переводческие проблемы. Для англичанина «кот» — это символ свободы, и на этом образе основана сказка Р.Киплинга «The cat that walked by himself». Перед переводчиками сказки встала нелегкая задача, поскольку по-русски гуляющий кот понимается отнюдь не как символ свободы. Содержание сказки не позволяло замену образа, и единственно, что мог сделать переводчик, чтобы избежать нежелательных ассоциаций, это заменить «кота» на «кошку» и озаглавить сказку «Кошка, которая гуляла сама по себе».

Трудные проблемы могут возникать при передаче внутриязыковых значений, наличие которых в семантике слова указывает на связь слова со значениями или формами других слов. Как правило, внутриязыковые значения нерелевантны для коммуникации и в переводе не передаются. Когда фраза «The board expelled him» переводится «Комиссия его исключила», связь этого значения «board» с другими значениями этого слова не может и не должна отражаться в переводе. Точно так же, переводя русское «паровоз» английским «engine», переводчик не пытается передать связь «паровоза» со словами «пар» и «возить». Необходимость передавать внутриязыковые значения возникает только тогда, когда они приобретают особую значимость при передаче игры слов. В этих случаях перед переводчиком возникают сложные задачи, которые не всегда удается решить, даже с помощью приема компенсации. Вот несколько примеров.

В романе Дж.Джерома «Трое в одной лодке» автор описывает, как он катается на плоту по пруду, а по берегу бегает владелец досок, из которых он сделал плот: «He says he'll teach you to take the boards and make a raft of them; but seeing that you know how to do this pretty well already, the offer... seems a superfluous one on his part». Вся комичность описания основывается на том, что у слова «teach» есть два значения «проучить» и «научить». Владелец досок имеет в виду первое из них, а автор предпочитает второе. Переводчик без труда находит русское слово, имеющее оба эти значения и обыгрывает его аналогичным образом: «Он кричит, что покажет вам, как брать без спроса доски и делать из них плот, но

поскольку вы и так прекрасно знаете, как это делать, это предложение кажется вам излишним».

Конечно,, далеко не всегда задача перевода игры слов решается столь легко. Вот более трудный случай. В романе М.Твена «Янки при дворе короля Артура» к находящемуся в тюрьме янки приходит мальчик, который потом становится его другом и помощником: «He said he had come for me, and informed me that he was a page». «Go 'long», I said, «you ain't more than a paragraph». Русское слово «паж» не имеет значения или омонима, связанного с какой-либо частью книги. Поэтому единственный способ передать игру слов оригинала заключается в использовании в переводе другого слова, которое можно было бы отнести и к мальчику-пажу, и к части книги. Вот как решил эту задачу переводчик Н. Чуковский: «Он сказал, что послан за мною и что он глава пажей. — Какая ты глава, ты одна строчка! — сказал я ему». Можно спорить о том, насколько удачно такое решение, но правильность самого приема не вызывает сомнения.

Особенно трудным оказывается перевод игры слов, основанной на обыгрывании внутренней формы слова. И здесь переводчик использует прием компенсации, но и при этом часто не удается избежать существенных потерь. В романе Ч.Диккенса «Давид Копперфильд» есть такой эпизод. Маленького Деви везет в интернат возчик по имени Баркис, который расспрашивает его о служанке в их доме. И Баркис задает ему вопрос: «No sweethearts, I b'lieve?», естественно интересуясь, нет ли у девушки возлюбленного. Мальчик, который или не знал слова «sweetheart», или не расслышал его окончание, переспрашивает «Sweetmeats did you say, Mr. Barkis?» В оригинале ошибка кажется достаточно естественной, поскольку начала обоих слов совпадают и находятся под ударением. Эту общность можно сохранить в переводе, только изменив обыгрываемые слова, так как в русских словах «возлюбленный» и «конфета» нет ничего общего. Вот как переводчики пытаются решить эту задачу в двух опубликованных переводах: (1) — А нет ли у нее дружочка? — Пирожочка, мистер Баркис? 2) — А нет ли у нее зазнобы? — Сдобы, мистер Баркис? Можно заметить, что в обоих случаях переводчики пытаются сохранить знакомые ребенку названия сладостей и предположить, что он не расслышал безударные начала слов. Очевидно также, что им не удалось избежать натяжек.

Итак, сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что существуют несколько типов эквивалентности, в каждом из которых сохраняются разные части содержания исходного текста. Изучение уровней эквивалентности позволяет определить, какую степень близости к оригиналу переводчик может достичь в каждом конкретном случае. Понятие эквивалентности раскрывает важнейшую особенность перевода и является одним из центральных понятий современного переводоведения.

Лекция N 8

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Мы с вами уже знаем, что языковой знак обладает не только семантикой (отношение к обозначаемому) и синтактикой (отношение к другим знакам), но и прагматикой (отношением к пользующимся языком). Знаки языка могут производить на людей определенное впечатление (положительное, отрицательное или нейтральное), оказывать на них какое-то воздействие, вызывать ту или иную реакцию, Способностью оказывать на читателя или слушателя определенное прагматическое воздействие (иначе: коммуникативный эффект) обладает и любое высказывание, и любой текст, Характер такого воздействия определяется тремя основными факторами. Во-первых, это — содержание высказывания. Понятно, что ваша реакция на сообщение о смерти близкого вам человека будет иной, чем весть о том, что вы выиграли сто тысяч рублей. Во-вторых, восприятие сообщения зависит от характера составляющих высказывание знаков. Одно и то же сообщение может быть по-разному оформлено. К.Чуковский обращал внимание на большую разницу между предложениями «Златокудрая дева, почему ты трепещешь» и «Рыжая девка, чего ты трясешься». Говорящий отбирает языковые средства при построении высказывания в соответствии со своим намерением произвести определенное воздействие. В-третьих, прагматическое воздействие высказывания зависит от воспринимающего его рецептора. Сообщение о гибели какого-то человека неодинаково воспринимается его близкими, случайными знакомыми или совершенно посторонними людьми. Из этого факта следует важ-

ный вывод, что прагматическое воздействие, определяемое содержанием и формой высказывания, может реализоваться неполностью или вообще не реализоваться по отношению к какому-то типу рецептора. Таким образом, можно говорить, что высказывание обладает прагматическим потенциалом, который по-разному реализуется в конкретных актах коммуникации. Анализ содержания и формы текста позволяет определить этот потенциал, но это еще не предопределяет характер реального воздействия текста на разных рецепторов.

Всякое высказывание создается с целью получить какой-то коммуникативный эффект, поэтому прагматический потенциал составляет важнейшую часть содержания высказывания. Отсюда следует вывод, что и в тексте перевода важную роль играет его прагматика. А, следовательно, переводчику необходимо заботиться о достижении желаемого воздействия на рецептора в зависимости от цели перевода, либо воспроизводя прагматический потенциал оригинала, либо видоизменяя его. Изучение прагматических аспектов перевода составляет поэтому одну из центральных задач теории перевода.

Следует подчеркнуть, что соотношение между прагматикой оригинала и перевода может быть различным, и прагматическая адекватность перевода необязательно заключается в сохранении прагматики исходного текста. Немецкий переводовед А. Нойберт предложил различать четыре типа прагматических отношений при переводе от наивысшей переводимости в прагматическом смысле до фактической невозможности воспроизвести прагматику оригинала в переводе. Такая градация устанавливается в зависимости от характера текста оригинала. Наиболее полно передается прагматическая направленность оригинала, имеющего одинаковый прагматический интерес и для читателей перевода (например, научно-техническая литература). Достаточно успешно сохраняется прагматический потенциал оригиналов, созданных специально для перевода (информационные и другие материалы, предназначенные для иностранной аудитории). С существенными ограничениями возможна прагматическая адекватность при переводе произведений художественной литературы, которые ориентированы на исходного рецептора, но имеют что сказать и всем людям. И, наконец, оригиналы, специфически

направленные на членов данного языкового коллектива и не имеющие никакого отношения к рецепторам перевода (законодательные документы, общественно-политическая и экономическая периодика, различные объявления и пр.), вообще не могут быть переданы прагматически адекватно. Напомним, что речь идет не о качестве перевода, а лишь об одинаковой реакции читателей оригинала и перевода. Достижение такого равенства не является обязательной целью любого перевода, а в некоторых случаях она принципиально недостижима, вследствие особенностей рецепторов перевода, невозможности определить реакцию рецепторов оригинала и ряда других причин.

В современном переводоведении существует направление полностью освобождающее переводчика от ориентации на прагматику оригинала. Сторонники концепции, именуемой «скопостеорией», полагают, что единственная задача переводчика заключается в создании такого текста на языке перевода, который обеспечивал бы достижение цели, поставленной заказчиком, в чьих интересах делается перевод. Ради достижения этой цели переводчик, хорошо знающий, какими средствами эта цель может быть достигнута в другой культуре, создает отвечающий таким требованиям текст без оглядки на оригинал. Поэтому в некоторых случаях перевод может быть близок к оригиналу, а в других существенно отличаться от него. Можно даже представить такую ситуацию, когда оригинал вообще отсутствует, и переводчик самостоятельно создает текст, необходимый для достижения поставленной цели.

Мы уже говорили о том, что цель перевода составляет важный компонент переводческой ситуации. Однако речь шла о влиянии такой цели на выбор стратегии переводчика, а не о реальном ее достижении как единственной критерии правильности перевода. С одной стороны, желаемая цель может не быть достигнута по каким-то причинам, не связанным с качеством перевода. С другой стороны, во многих случаях максимально возможная близость к оригиналу является главным требованием к переводу. Вспомним, что перевод предназначается для полноправной замены оригинала и обоснованность такой замены достигается на одном из уровней эквивалентности. При этом переводчик стремится исходить из прагматического потенциала, а не из своего

личного отношения к правильности или уместности исходного сообщения.

В ряде случаев эквивалентное воспроизведение содержания оригинала обеспечивает и передачу в переводе прагматического потенциала. Однако принадлежность рецептора перевода к иному языковому коллективу, к иной культуре нередко приводит к тому, что эквивалентный перевод оказывается прагматически неадекватным. В этом случае переводчику приходится прибегать к прагматической адаптации перевода, внося в свой текст необходимые изменения. В переводческой практике наиболее часто используются четыре вида подобной адаптации.

Первый вид прагматической адаптации имеет целью обеспечить адекватное понимание сообщения рецепторами перевода. Ориентируясь на «усредненного» рецептора, переводчик учитывает что сообщение, вполне понятное читателям оригинала, может быть непонятым читателями перевода, вследствие отсутствия у них необходимых фоновых знаний. В таких случаях переводчик чаще всего вводит в текст перевода дополнительную информацию, восполняя отсутствующие знания. Иногда это не требует значительных добавлений. Например, нередко в пояснениях нуждаются упоминающиеся в оригинале названия разного рода географических и культурно-бытовых реалий. При переводе на русский язык географических названий типа американских Massachusetts, Oklahoma, Virginia, канадских Manitoba, Alberta или английских Middlesex, Surrey и пр., как правило, добавляются слова «штат, провинция, графство», указывающие, что обозначают эти названия, чтобы сделать их понятными для русского читателя: штат Массачусетс, провинция Альберта, графство Миддлсекс и т.п. Добавление поясняющих элементов может потребоваться и при передаче названий учреждений, фирм, печатных изданий и т.п. Возьмем, например, предложение «Newsweek reports a new reshuffle in the government». Английскому читателю сама форма слова «Newsweek» говорит о том, что речь идет о еженедельном журнале. В русском переводе это название будет нуждаться в пояснении: «Как сообщает журнал «Ньюсуик» в правительстве вновь произошли перестановки».

Аналогичные добавления обеспечивают понимание названий всевозможных реалий, связанных с особенностями жизни и

быта представителей иной культуры. В романе Дж.Сэлинджера «Над пропастью во ржи» герой рассказывает, как их кормили в школе: «...for desert you got Brown Betty, which nobody ate...». Понятно, что в переводе нельзя просто сообщить, что в школе угощали какой-то «рыжей Бетти», не занимались же они там людоедством. В переводе читаем: «...на сладкое — 'рыжую бетти', пудинг с патокой, только его никто не ел». Сообщение дополнительной информации может повлечь за собой и более существенную адаптацию текста. В английской газете говорится, что «The prime-minister addressed the people from the window of No. 10». Каждый англичанин знает, что в доме номер десять по улице Даунинг-стрит находится резиденция премьер-министра Англии. В переводе это предложение эксплицируется: «Премьер-министр обратился к собравшимся из окна своей резиденции».

Вот еще один пример подобной прагматической адаптации. В романе английского писателя Дж.Брейна «Путь наверх» герой, глядя на группу рабочих, размышляет: «It was Friday and soon they will go and get drunk. And now they pretended that it was Monday and even Thursday and that they had no money». Для русского читателя, получающего зарплату один или два раза в месяц (если он вообще ее получает), в отличие от англичанина, которому платят каждую пятницу, может быть непонятно, почему именно четверг оказывается самым безденежным днем. В переводе это объясняется: «Была пятница, день получки, и скоро они пойдут и напьются. А пока они делали вид, что сегодня понедельник или даже четверг и что у них нет денег».

В некоторых случаях адекватное понимание сообщения рецептором перевода может быть достигнуто путем опущения некоторых неизвестных ему деталей. Вот перевод еще одной фразы из уже упоминавшегося романа Дж.Сэлинджера: «There were pills and medicine all over the place, and everything smelled like Vicks' Nose Drops» — Везде стояли какие-то пузырьки, пилюли, все пахло каплями от насморка. Здесь в переводе опущено Vicks — фирменное название капель, ничего не говорящее русскому читателю. Хотя это и ведет к некоторой потере информации, она представляется несущественной, и переводчик решил, что такой информацией можно пренебречь для того, чтобы в русском тексте не было непонятных элементов.

Опускаемые в переводе слова с конкретным значением могут заменяться более общими, но более понятными для рецептора перевода: «Parked by a solicitor's office opposite the café was a green Aston Martin tourer» — У конторы адвоката напротив кафе стоял элегантный спортивный автомобиль зеленого цвета. В переводе этой фразы из того же романа Дж.Брейна вместо опущенного фирменного названия указано лишь, что речь идет об автомобиле, но в то же время добавлена неизвестная рецептору перевода информация о социальном и имущественном статусе его владельца.

Прагматическая адаптация текста перевода с целью сделать его предельно понятным не должна приводить к «сверхпереводу» когда чуть ли не весь текст заменяется разъяснениями. Чукотский писатель Рытхэу рассказывает, что впервые с поэзией Пушкина он познакомился в переводе, который его школьный учитель сделал для своих учеников. Стремясь объяснить все непонятное, он получил такой перевод: «У берега, очертания которого похожи на изгиб лука, стоит зеленое дерево из которого делают копылья для нарт. На этом дереве висит цепь из денежного металла, из того самого, из чего два зуба у нашего директора школы. И днем, и ночью вокруг этого дерева ходит животное, похожее на собаку, но помельче и очень ловкое. Это животное ученое, говорящее...». Надеюсь, что вы все-таки узнали источник этого перевода, хотя, конечно, от пушкинского оригинала здесь осталось совсем немного.

Если в рассмотренных выше переводах изменения обеспечивали адекватное понимание передаваемого сообщения, то второй вид прагматической адаптации имеет целью добиться правильного восприятия содержания оригинала, донести до рецептора перевода эмоциональное воздействие исходного текста. Необходимость такой адаптации возникает потому, что в каждом языке существуют названия каких-то объектов и ситуаций, с которыми у представителей данного языкового коллектива связаны особые ассоциации. Если подобные ассоциации не передаются или искажаются при переводе, то прагматические потенциалы текстов перевода и оригинала не совпадают даже при эквивалентном воспроизведении содержания. Стремление добиться желаемого прагматического отношения к тексту перевода у его рецепторов и делает необходимой соответствующую адаптацию.

Рассмотрим несколько типичных случаев несовпадения восприятия аналогичных сообщений в оригинале и переводе. Названия одних и тех же деревьев в разных языках могут вызывать у людей неодинаковые ассоциации. Для русского человека береза — это не просто дерево, а своего рода символ его страны, что-то родное и близкое («у нас в каждой песне березка»). В русском оригинале автор может сравнивать девушку со «стройной березкой». У англичанина название березы — «a white birch» не связано с подобными ассоциациями, и в переводе такое сравнение может вызвать недоумение. Английское название омелы — mistletoe — вызывает воспоминание о приятных минутах праздника, поскольку в праздник по обычаю под подвешенной веткой омелы целуют девушек. Для русского рецептора такой ассоциации не существует, и в переводе может потребоваться дополнительная информация. Следует также учитывать, что восприятие аналогичных слов и выражений зависит от частоты и степени привычности их употребления. Воспитанные английские леди и джентльмены, как и бродяги и уголовники нередко выражают неудовольствие восклицанием «O shit», которое в силу частого употребления не воспринимается как недопустимый вульгаризм. В русском переводе элегантная дама, восклицающая «Ах, дерьмо!» (или еще более близкое к английскому крепкое слово), выглядит очень странно, и переводчики заставляют ее произносить «Ах, черт!», а то и «О, господи!».

По-разному могут восприниматься в оригинале и переводе целые пласты лексики. В силу ряда причин в русском литературном языке широко используется военная лексика. Мы ведем «битву за урожай», объявляем «пьянству — бой», готовим «фронт работ», становимся на «трудовую вахту». Мы даже за мир «боремся» («И вечный бой, покой нам только снится»). Такое употребление для нас привычно и не привлекает особого внимания. Однако сохранение этой лексики в переводе может создать у читателя нежелательное впечатление о постоянной агрессивности русского автора, и переводчик порой выбирает более «мирные» варианты.

Необходимость в прагматической адаптации может возникнуть и вследствие пристрастия автора оригинала к неуместному употреблению возвышенной лексики. В некоторых печатных изданиях часто без достаточных оснований используются такие

«громкие» выражения, как «пафос созидания», «величественные свершения», «героический труд», «слуги народа» и т.п. В переводе подобный высокопарный слог, не соответствующий тривиальности содержания, часто создает впечатление неискренности, желая ввести читателя в заблуждение. Поэтому, например, при переводе русских газетных текстов на английский язык наблюдается общая тенденция несколько снижать стиль оригинала. Неприемлемым для текста перевода может оказаться и излишнее употребление в оригинале дерогативной лексики типа «правительственная клика», «марионеточный режим», «презренное охвостье», «банда предателей» и т.п. И здесь сохранение подобных ругательных выражений в переводе может производить в другой культуре совершенно иной эффект и быть прагматически неадекватным.

Неодинаковый коммуникативный эффект в разных языках может иметь употребление языковых средств, несвойственных текстам определенного типа. Например, разговорная лексика и образные обороты — обычное явление в английских научно-технических текстах, и их появление там не привлекает особого внимания читателей. Сохранение таких лексических вольностей в переводе на русский язык, в котором гораздо строже соблюдается серьезность научного стиля, приводит к их резкому выделению в тексте, создавая впечатление несерьезности и «ненаучности» автора. Встретив в серьезной английской статье о развитии автомобильной промышленности такую фразу: «Buick has stolen a march on the rest of the industry with a cast iron V-6 engine», переводчик обнаружит, что на русском языке в таком тексте неуместно написать, что компания «Бьюик» «обставила» или «обскакала» своих конкурентов, и выберет более «солидный» вариант вроде «опередила»...

Прагматические адаптации второго и первого типов могут быть взаимосвязаны, если в основе неадекватного восприятия лежит непонимание или неполное понимание исходного сообщения. В одной шуточной заметке в русской газете говорилось, что некий любящий муж обычно называл свою жену «птичкой», а по четвергам — «рыбкой». Юмор этой заметки будет недоступен рецептору в переводе, если он не поймет, что в России четверг традиционно считался «рыбным днем», не говоря уже о том, что,

например, английскому мужу не придет в голову нежно обращаться к своей жене со словами «My little fish» или «My birdie». Аналогичным образом, английский перевод традиционного русского приглашения: «Третьим будешь?» — Will you be the third? — может вызвать лишь недоумение.

Теперь рассмотрим третий тип прагматической адаптации при переводе. В отличие от предыдущих в данном случае переводчик ориентируется не на усредненного, а на конкретного рецептора и на конкретную ситуацию общения, стремясь обеспечить желаемое воздействие. Поэтому подобная адаптация обычно связана со значительным отклонением от исходного сообщения. Здесь можно выделить несколько типичных ситуаций.

1. В конкретной ситуации переводчик находит целесообразным передать не сказанное, а подразумеваемое. Предположим, несколько иностранцев с переводчиком ждут в лифте, что к ним присоединится приближающийся человек, который, подойдя ближе, говорит: «Я живу на первом этаже». Переводчик решает, что важно передать не причину, а результат, и переводит: «Он сказал, что с нами не поедет».

2. Переводчик решает, что для достижения желаемого воздействия на данного рецептора необходимы иные средства, нежели те, которые использованы в оригинале. Руководитель службы переводов в женевском отделении ООН Ф.Вейе-Лавале рассказывал о том как во время гражданской войны в Конго представитель миротворческой миссии ООН обратился через переводчика к старейшинам одного из племен с краткой речью, призывая их не предпринимать враждебных действий. Выступивший за ним переводчик значительно расширил и приукрасил переводимую речь. Зная, какими средствами лучше воздействовать на своих слушателей, он говорил очень долго, он пел, он исполнил ритуальный танец. И Ф.Вейе-Лавале считает, что это был хороший перевод, поскольку благодаря ему удалось уговорить старейшин не воевать.

Конечно, далеко не всегда переводчик может позволить себе подобную прагматическую адаптацию, столь далеко отходящую от оригинала. Известный американский исследователь Ю.Найда рассказывал о примечательном случае, когда переводчику не позволили внести в текст такие изменения, которые обеспечили бы

необходимое прагматическое воздействие. В этом эпизоде переводчик Библии, желая проверить действенность своего перевода библейской истории о том, как бог пожертвовал собственным сыном ради искупления людских грехов, прочел этот перевод членам племени, для которых он предназначался. Неожиданно для переводчика эта трогательная история вызвала у его слушателей презрительный смех. Оказалось, что в этом племени существовал групповой брак, при котором нельзя определить, кто является отцом ребенка. Поэтому мужчина считал своим ближайшим родственником не собственного сына, а родного племянника, то есть сына своей родной сестры. И слушатели смеялись, говоря: «Какой хитрый этот ваш Бог! Сыном пожертвовал. Сына бы каждый отдал. Небось, племянника Он не отдал!». Обескураженный переводчик решил, что для достижения желаемого эффекта надо сделать Христа в переводе племянником Господа Бога. Понятно, что никакая благая цель не могла оправдать подобную «адаптацию».

3. Прагматическая адаптация этого типа нередко встречается при переводе названий литературных произведений, кинофильмов, телевизионных передач с целью сделать такие названия привычными и естественными. Роман под названием «Live with Lightning» становится в переводе «Жизнь во мгле», американский фильм «Mr. Smith goes to Washington» выходит на русские экраны под названием «Сенатор», а в телесериале, посвященном работе скорой помощи, очередная серия «Days like this» переводится просто «Тяжелый день». И здесь стремление сделать название привычным и характерным для принимающей культуры приводит порой к курьезным результатам. Вот как в Японии в прошлом веке перевели название пушкинской повести «Капитанская дочка»: «Дневник бабочки, размышляющей о душе цветка. Новые вести из России».

Четвертый тип прагматической адаптации можно охарактеризовать как решение «экстрапереводческой сверхзадачи». Всякий перевод — это текст, создаваемый переводчиком для достижения определенной цели. В большинстве случаев эта цель заключается в обеспечении адекватности перевода. Однако порой переводчик может использовать перевод для достижения какой-то иной цели, решить какую-то свою задачу, непосредственно не

связанную с точным воспроизведением оригинала. И для решения такой «сверхзадачи» он может изменять и даже искажать оригинал, нарушая главные принципы своей профессиональной деятельности. Понятно, что подобная практика носит исключительный характер и действия переводчика не являются переводом в обычном смысле этого слова.

Наиболее часто в переводческой практике встречаются четыре вида прагматической адаптации этого типа. Прежде всего отметим существование так называемого филологического перевода, когда переводчик стремится воспроизвести в переводе формальные особенности языка оригинала, даже если тем самым он нарушает норму или узус языка перевода. Такая тактика, недопустимая в «нормальном» переводе, может преследовать различные практические цели. Подобные переводы применялись, например, для изучения иностранных языков. На одной стороне страницы печатался текст на иностранном языке, а против него как можно более дословный перевод этого текста. И по переводу изучалась структура языка оригинала. В настоящее время филологический перевод применяется, в основном, при составлении подстрочников для переводчиков художественной литературы, не владеющих языком оригинала. В России так выполняются многие переводы с языков многих народов, населяющих нашу страну, наиболее талантливыми русскими поэтами и писателями, поскольку требуется в первую очередь обеспечить создание высокохудожественного текста перевода. Поэтому перевод осуществляется в два этапа. Сначала один переводчик, знающий язык оригинала, но не обладающий необходимым литературным даром, делает подстрочник, как можно более полно отражающий не только содержание, но и форму оригинала, а затем по этому подстрочнику поэт или писатель создает окончательный художественный текст. Хотя незнание языка и вынужденное пользование подстрочником, несомненно, затрудняют задачу таких переводчиков, многие из них решают ее вполне успешно.

Второй вид прагматической адаптации этого типа можно назвать упрощенным или приблизительным переводом, когда перед переводчиком конкретный рецептор ставит задачу выборочно или обобщенно передать интересующие его элементы содержания оригинала. В таких случаях переводчик создает какой-

то рабочий перевод, не отвечающий требованиям адекватности, но соответствующий его «сверхзадаче». При необходимости этот перевод может использоваться как черновой для последующей окончательной доработки.

Особым видом адаптации, далеко уходящим от исходного текста, является модернизация оригинала при переводе. Нередко ее вообще нельзя назвать переводом, так как переводчик фактически создает новое произведение «по мотивам» исходного текста. Характер такой модернизации может быть различный. С одной стороны, она может выражаться в перенесении действия в более позднюю эпоху или в другую страну, в изменении имен действующих лиц и пр. С другой стороны, модернизация достигается использованием слов и высказываний, характерных для более позднего или современного периодов. Порой подобная модернизация придает повествованию юмористический характер, когда исторические персонажи «работают сверхурочно», «осуществляют режим экономии», «проводят неверную кадровую политику», «решают проблемные вопросы без отрыва от производства» и т.п. Если в оригинале мужчины при встрече приветствуют друг друга «святым поцелуем» (как это было принято в библейские времена), то в переводе они обмениваются дружескими рукопожатиями. Если в исходном тексте говорится о стрелах Ахиллеса, то в модернизированном переводе на их месте могут появиться ракеты с мыса Канаверел. Как уже отмечалось, подобное «обновление» оригинала, конечно, не является переводом, хотя нередко осуществляется переводчиком.

Весьма разнообразны причины применения прагматической адаптации четвертого типа, когда переводчик ставит перед собой какую-то «экстрапереводческую» задачу, продиктованную политическими, экономическими, личными и тому подобными соображениями, не имеющими никакого отношения к переводимому тексту переводчик может стремиться в чем-то убедить рецептора перевода, навязать свое отношение к автору оригинала или к описываемым событиям, избежать конфликта или, напротив обострить его и т.п. Подобная тенденциозность может привести к полному искажению оригинала, и обычно переводчик не допускает влияния своих личных соображений и пристрастий на процесс перевода. Однако случаи сознательного отказа от адек-

ватного перевода под влиянием указанных факторов встречаются в переводческой практике.

Рассмотрим некоторые примеры подобной адаптации.

В прошлом веке известный французский писатель Проспер Мериме весьма успешно перевел гоголевского «Ревизора». Но в одном месте пьесы переводчик неожиданно написал совсем не то, что говорится в оригинале. В пьесе городничий приказывает поставить вокруг куч мусора забор, говоря, что чем больше сносят, тем лучшей считается деятельность властей. А переводчик вместо «чем больше сносят» пишет «чем больше строят». Считается, что Мериме сделал это, опасаясь что сохранение варианта оригинала могло быть истолковано как намек на действия французской императрицы, по воле которой в это время сносилось много домов для устройства Больших парижских бульваров, и повлечь за собой неприятности для переводчика.

А вот пример использования сознательного искажения в пропагандистских целях. В разгар «холодной войны» американские газет как-то сообщили о ссоре президента Трумена с учителем музыки его дочери и о том, что в одном своем письме президент назвал этого учителя «that lousy teacher of music». Разговорное слово «lousy» вполне прилично, его можно услышать и в речи образованного человека. Но это прилагательное образовано от существительного «louse» — «вошь». И в переводе американский президент называл учителя музыки «вшивым», демонстрируя свою невоспитанность.

Сознательный отход от оригинала может потребовать от переводчика большой находчивости и эрудиции. На одном из послевоенных приемов английский генерал неожиданно спросил у своего русского коллеги через переводчика, какую тот предпочитает живопись. Под воздействием выпитого или сочтя вопрос неуместным спрошенный ответил переводчику грубовато-резко: «Скажи ему, что мне нравятся картины, где бабы и собаки». Переводчик счел благоразумным сгладить резкость ответа и перевел: «The general prefers Flemish painting» — «Генерал предпочитает фламандскую живопись». Очевиден высокий профессионализм переводчика: его прагматическая адаптация обеспечивает и высокую степень эквивалентности перевода — на картинах фламандских живописцев действительно много дородных женщин и красивых собак.

Таким образом, создавая текст перевода, переводчик либо старается сохранить прагматический потенциал оригинала, либо пытается добиться, чтобы этот текст обладал иным прагматическим потенциалом, более или менее независимым от прагматики исходного текста. В связи с этим переводчик по-разному видит свою роль в межъязыковой коммуникации: в одном случае он выполняет функции посредника, чья работа оценивается по степени верности перевода оригиналу, а в другом случае он активно вмешивается в коммуникативный процесс. В конкретной ситуации переводчик выбирает тот или иной прагматический подход к своей деятельности.

Прагматические проблемы, возникающие при переводе, не ограничиваются созданием прагматического потенциала текста перевода. Как и любой рецептор, переводчик вступает в определенные прагматические отношения с текстом оригинала и с текстом перевода: они могут вызывать у него различные чувства, нравиться или не нравиться, он может соглашаться или не соглашаться с их содержанием и т.д. Личностное отношение переводчика не может не оказывать влияния на его решения и действия, хотя, как правило, он стремится свести это влияние к минимуму и как можно более объективно подходить к оценке прагматического потенциала обоих текстов.

С прагматической проблематикой перевода связана и оценка результатов переводческого процесса самим переводчиком или другими лицами. Завершая свою работу, переводчик решает, удовлетвориться созданным текстом или внести в него какие-то изменения. Суждение о качестве перевода выносят и многие другие: редакторы, критики, заказчики, преподаватели перевода, участники межъязыковой коммуникации. При этом текст перевода может оцениваться как по отношению к оригиналу, так и независимо от него. Соответственно критерием оценки может быть степень близости к оригиналу, качество языкового оформления текста или способность перевода достичь поставленной цели. В любом случае объективная оценка перевода представляет сложную задачу, поскольку при этом приходится учитывать целый ряд факторов. От успешного создания необходимого прагматического потенциала текста перевода с учетом характера предполагаемого рецептора в значительной степени зависит общая оценка каче-

ства перевода. Наряду с прагматикой в разных ситуациях на оценку перевода влияют и другие факторы — степень эквивалентности, жанрово-стилистическая правильность перевода, качество языка переводчика, соответствие взглядам на перевод, господствующим в данное время в обществе, — но достижение прагматической цели обычно служит наиболее важным показателем.

Оценка качества перевода может производиться с большей или меньшей степенью детализации. Для общей характеристики результатов переводческого процесса традиционно используются термины «адекватный перевод», «эквивалентный перевод», «точный перевод», «буквальный перевод» и «свободный (или вольный) перевод». *Адекватным* переводом называется перевод, который удовлетворяет всем указанным требованиям и, в первую очередь, поставленной прагматической задаче. В нестрогом употреблении адекватный перевод — это просто «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды участников межъязыковой коммуникации или лиц, осуществляющих оценку качества перевода. *Эквивалентный* перевод — это перевод, воспроизводящий содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности. Мы уже отмечали, что адекватный перевод должен быть эквивалентным (на том или ином уровне эквивалентности), но не всякий эквивалентный перевод будет адекватным. Под точным переводом обычно понимается перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных стилистических погрешностях. Эквивалентный перевод может быть точным, а точный перевод частично эквивалентен. Буквальным переводом называется перевод, воспроизводящий коммуникативно нерелевантные (формальные) элементы оригинала, в результате чего либо нарушается норма или узус языка перевода, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала. Буквальный перевод, как правило, неадекватен за исключением тех случаев, когда перед переводчиком поставлена прагматическая сверхзадача выполнить филологический перевод, то есть как можно полнее отразить в переводе формальные особенности исходного языка. И, наконец, под *свободным* или вольным переводом подразумевается перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных

условиях переводческого акта. Свободный перевод может быть признан адекватным, если с его помощью решается определенная прагматическая задача или обеспечиваются высокие художественные достоинства перевода.

Во многих случаях подобной общей характеристики качества перевода оказывается недостаточно и требуется более конкретное указание на недостатки и достоинства перевода. Из всех факторов, влияющих на качество перевода, наиболее объективно удастся судить о степени его эквивалентности оригиналу, поскольку такая оценка может основываться на сопоставительном анализе содержания двух текстов. В основе этого анализа лежит процедура выделения и классификации ошибок перевода, то есть несоответствий содержанию исходного текста, которых, по мнению критика, можно и нужно было избежать. В общем виде подобные ошибки подразделяются на две группы. Ошибки первой группы классифицируются по степени отклонения от содержания текста оригинала. Здесь обычно различаются, по меньшей мере, три типа ошибок. К первому типу относятся ошибки, полностью искажающие смысл оригинала, когда «черное» в оригинале становится «белым» в переводе, а утверждение чего-то становится его отрицанием или наоборот. Причина подобного грубого искажения смысла обычно кроется в неправильном понимании содержания оригинала и легко обнаруживается при анализе. Когда переводчик переводит английскую фразу «He is a not infrequent visitor to her house» как «Он не частый гость в ее доме», то очевидно, что он не понял положительного значения двойного отрицания. Аналогичным образом, перевод фразы «He did it out of concern for his friend» как «Он сделал это не из-за заботы о своем друге» представляет грубое искажение смысла оригинала. В этом случае переводчик, видимо, связывал значение предлога «out of» только с русским «вне» или «в стороне от».

Второй тип ошибок включает всевозможные неточности перевода, не передающие или неправильно передающие какую-то часть содержания оригинала, но не искажающие полностью его смысл. Как правило, такие переводы нуждаются лишь в некотором уточнении. Нередко речь идет о замене гипонима гиперонимом или наоборот, например, когда в оригинале говорится о неизвестной переводчику редкой породе собак, а в переводе упо-

минается «собака» без уточнения породы. Другим примером ошибки этого типа может служить перевод английского «in the 1930's» русским «в 1930 году».

И, наконец, к ошибкам третьего типа можно отнести все шероховатости перевода стилистического характера, связанные с неудачным выбором слова или громоздким построением фразы и требующие редакторской правки, хотя и не отражающиеся на точности передаваемой информации. Когда переводчик передает английскую фразу «He belonged to a new race of scientists» как «Он принадлежал к новой расе ученых», он не искажает смысл оригинала, но обнаруживает незнание различия в употреблении английского «race» и русского «раса». Еще одна группа ошибок включает всевозможные нарушения нормы или узуса языка перевода: правил сочетаемости слов, грамматических правил, правил орфографии и пунктуации и т.п. Перевод — это всегда создание текста, письменного или устного, и этот текст не должен содержать языковых ошибок, чего переводчику не всегда удается избежать, особенно когда он переводит на неродной язык.

При необходимости дать оценку конкретному переводу по пятибалльной шкале каждому виду ошибок приписывается определенный оценочный вес. В зависимости от серьезности отклонения каждая ошибка либо снижает оценку на один или полбалла, либо признается несущественной и не учитывается. При выведении окончательной оценки полученная сумма «минусов» сопоставляется с такими трудно определяемыми положительными чертами перевода, как «общее благоприятное впечатление», «элегантность изложения», «богатство словаря» и т.п. Очевидно, что при оценке перевода не удастся полностью избежать субъективности. В заключение отметим, что прагматические аспекты перевода представляют большой практический и теоретический интерес. Как мы могли убедиться, с ними связан целый ряд сложных переводческих проблем, для решения которых профессиональный переводчик должен обладать необходимыми знаниями и техническими приемами.

Лекция N 9

МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

Как известно, когда говорят о переводе, то обычно имеют в виду либо процесс создания текста перевода (то есть действия переводчика), либо результат этого процесса (то есть сам текст перевода). На первых порах возникновения лингвистической теории перевода многие ее создатели полагали, что именно процесс перевода должен быть предметом изучения этой научной дисциплины. В дальнейшем перевод стал рассматриваться в широких рамках межъязыковой коммуникации, и в сферу интересов переводоведения были включены и результат, и процесс перевода, и все участники коммуникации, и все факторы, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Вместе с тем очевидно, что раскрытие механизма перевода, описание действий переводчика, его стратегии и тактики представляют большой теоретический и практический интерес.

Изучение процесса перевода осложняется тем, что он является результатом мыслительных операций, происходящих в мозгу переводчика и недоступных для непосредственного наблюдения. Исследователю поэтому приходится прибегать к различным косвенным средствам заглянуть в переводческую «кухню». Наиболее очевидны представляется возможность вычлениения в процессе перевода каких-то этапов, которые могут проходить одновременно или следовать друг за другом. Несомненно присутствие в переводе двух этапов: этапа понимания и этапа собственно перевода, создания текста на другом языке. Некоторые авторы предлагают выделять и третий этап — этап редактирования, окончательной шли-

фовки перевода. Поскольку процессы понимания и порождения текстов давно исследуются психологами и лингвистами, переводоведение может использовать при изучении процесса перевода данные этих наук, предполагая, что протекание этих процессов у переводчика не может быть принципиально отличным от других, «нормальных» людей. И, действительно, многие переводоведческие концепции основаны на наших знаниях того, как люди понимают и создают тексты. Вместе с тем исследования выявляют и некоторые особенности коммуникативного поведения переводчика. Как это ни парадоксально звучит, переводчик вынужден понимать переводимый текст более глубоко, чем это обычно делает «нормальный» читатель, для которого язык оригинала является родным. Такая дополнительная глубина понимания связана с необходимостью, во-первых, делать окончательные выводы о содержании текста и, во-вторых, учитывать требования языка перевода.

Предположим, в русском тексте сообщается, что кто-то произнес «яркую речь». Значение этого эпитета для нас очевидно, и нам нет необходимости над ним задумываться. А вот переводчику на английский язык подумать придется. Он должен будет решить, имеется ли в виду убедительность, образность или живость речи, поскольку от этого будет зависеть выбор в его переводе прилагательного «brilliant», «impressive» или «vivid». Или вот в английском оригинале говорится об увольнении руководителя предприятия за то, что «he let things slide». Смысл понятен, но переводчику на русский язык придется решать, в чем именно провинился этот руководитель: «не занимался делами», «распустил подчиненных» или, может быть, просто «работал спустя рукава». Дополнительная информация может понадобиться переводчику и для выбора грамматической формы перевода. В английском предложении «He visited me last month» можно не уточнять, был ли он у меня в прошлом месяце один или несколько раз. Но для русского перевода это существенно, так как позволит сделать выбор между «навестил» и «навещал».

Естественно попытаться использовать метод интроспекции, то есть узнать у самих переводчиков, что и как они делают. Однако ответы переводчиков на вопросы о том, как происходит процесс перевода, не дают сколько-нибудь полной и объективной картины. Переводчик во многом действует интуитивно и не-

редко оказывается неспособен объяснить и логически обосновать, почему он поступает так, а не иначе. Более объективные данные о процессе перевода позволяет получить метод «думай вслух», который мы уже упоминали. Напомним, что при этом переводчику предлагается для перевода письменный текст, и его просят проговаривать в микрофон все мысли, которые приходят ему в голову в процессе перевода. Например, он может сказать: «Читаю следующее предложение. Не понимаю, что оно означает, так как не знаю первого слова. Ищу это слово в словаре. Словарь дает четыре следующих соответствия. Выбираю второе из них, которое, как мне кажется, больше подходит по контексту» и т.д. Все сказанное переводчиком фиксируется на магнитной ленте, затем переносится в письменный текст и сопоставляется с самим переводом. Записываются и анализируются также различные звуковые проявления эмоций: где-то переводчик горестно вздохнул или простонал, где-то радостно засмеялся, а где-то просто надолго замолчал. Разработанная процедура анализа позволяет получить сведения о трех важных аспектах переводческого процесса. Во-первых, выявляются различные типы переводческих трудностей как при понимании оригинала, так и при выборе варианта перевода. Во-вторых, определяется общая стратегия переводчика: последовательность его действий, методы работы со словарем, использование дословности и пр. В-третьих, удается обнаружить некоторые принципы, которыми руководствуется переводчик при выборе окончательного варианта перевода. Все это представляет несомненный интерес, и такой метод служит ценным инструментом изучения переводческого процесса. Следует, однако, заметить, что он не лишен существенных недостатков. С одной стороны, он неполно отражает реальный процесс, поскольку часть этого процесса может осуществляться интуитивно, не осознаваясь и не озвучиваясь переводчиком. С другой стороны, получаемая картина отражает какой-то искусственный, реально не представленный вид перевода: письменный перевод, который предварительно как бы выполняется устно. Кроме того, очевидно что далеко не каждый переводчик способен достаточно полно и правдиво рассказывать, о чем он думает.

Наиболее разработанным методом изучения переводческого процесса является создание теоретических моделей перевода

и описание различных типов преобразований (трансформаций), с помощью которых возможен переход от отрезка текста оригинала к отрезку текста перевода. Модель перевода — это условное изображение процедуры осуществления процесса перевода, основанная на попытке распространить на перевод некоторые общие постулаты языкознания или психологии. Модель носит гипотетический характер, поскольку, как мы знаем, процесс перевода в мозгу переводчика непосредственно наблюдать нельзя и нет уверенности, что переводчик действует именно так, как предсказывает та или иная модель. Однако это не означает, что модели перевода — это чисто умозрительные построения. Как и в других случаях, когда исследователь имеет дело с ненаблюдаемой системой («черным ящиком»), реальность модели (ее объяснительная сила) проверяется путем сопоставления состояния системы «на входе» и «на выходе». Для перевода это означает сопоставление текстов оригинала и перевода. Если результат перевода оказывается таким, каким он должен был получиться согласно данной модели, следовательно модель «работает», хотя это, разумеется, не доказывает, что переводчик осознанно использовал такую модель.

В настоящее время в теории перевода разработано несколько подобных моделей. Наибольшее распространение получили ситуативная, трансформационная и семантическая модели, основанные на постулатах современной лингвистики. *Ситуативная* (или денотативная) модель распространяет на процесс перевода лингвистические концепции о связи языка и действительности. Вспомним, что словесные знаки называют классы объектов или единичные объекты (денотаты), реально существующие или воображаемые, а речевые высказывания и тексты используются для описания ситуаций — совокупностей денотатов и связей между ними. Ситуативная модель перевода исходит из положения о том, что любая ситуация может быть в принципе описана средствами любого языка. Даже если в языке отсутствуют наименования для каких-то элементов действительности, всегда существует возможность либо образовать в этом языке новые единицы, либо описать эти элементы с помощью сочетаний уже имеющих единиц. На основе этих положений предполагается, что процесс перевода происходит следующим образом. Поняв содер-

жание оригинала, переводчик определяет, какая ситуация в нем описана, а затем описывает эту ситуацию средствами языка перевода. Иначе говоря, процесс перевода осуществляется в два этапа: от текста оригинала к действительности и от действительности к тексту перевода.

Есть ли какие-нибудь доказательства, что перевод, действительно, может осуществляться подобным образом? По-видимому, в ряде случаев ситуативная модель хорошо объясняет наблюдаемые факты. Прежде всего она «работает» при переводе слов, не имеющих прямых соответствий в другом языке, так называемый «безэквивалентной лексики». Встретив в оригинале такое слово, переводчик выясняет, какая за ним стоит реальность и затем решает, каким способом эту реальность лучше описать в переводе. Например, выяснив, что английское «baby-sitter» обозначает человека, которого попросили посидеть с чужими детьми, переводчик будет решать, как это выразить по-русски.

Объясняет эта модель и известные нам случаи ситуативной эквивалентности, когда отдельные ситуации описываются в языке перевода строго определенным способом. Независимо от того, как в оригинале формулируется требование «Не мять траву» (сравни английское «keep off the grass»), в русском переводе будет написано: «По газону не ходить!». Обращение к ситуации подсказывает переводчику общепринятый способ ее описания. Сравни перевод «Stop, I have a gun», как «Стой! Буду стрелять» и неупотребительное в русском языке: «Стой! У меня ружье». Решающую роль играет обращение к ситуации и в тех случаях, когда содержащаяся в высказывании информация недостаточна для выбора варианта перевода. Мы уже знаем, что любая ситуация описывается в высказывании не во всех деталях, а через обозначение некоторой совокупности ее признаков. В то же время выбор варианта перевода может порой зависеть от других признаков, которыми данная ситуация обладает в реальной действительности, но которые не вошли в способ ее описания, использованный в оригинале. В этом случае переводчик обращается к описываемой ситуации, ища необходимые сведения. Рассмотрим простой пример. Предположим, нам надо перевести следующее английское высказывание: «Her aunt must be made to tell them about it». Содержание этого высказывания понять нетрудно, но выбор соответствия для

существительного «aunt» и глагола «made» в русском переводе потребует дополнительной информации. Ведь «aunt» может быть и «тетя», и «тетушка», и «тетка», а «must» может означать, что ее нужно «заставить», «убедить» или «попросить» (рассказать им об этом). Для того чтобы решить этот вопрос, необходимо выяснить, о каких людях реально идет речь, какие между ними существуют отношения и какие методы могут быть использованы, для того чтобы получить от упомянутой родственницы желаемые сведения.

Необходимые сведения о реальной ситуации можно порой получить из литературных источников и всякого рода справочников. В следующем примере из романа Дж.Джерома «Трое в одной лодке» переводчику понадобится основательное знание истории Англии. «Cromwell and Bradshaw (not the guide man, but the King Charles's head man) likewise sojourned here». Перевести слова в скобках удастся лишь тогда, если известно, что Дж.Бредшо был председателем суда, приговорившего к смертной казни Карла Первого, а его однофамилец — автор известного в Англии путеводителя. К обращению к ситуации нередко прибегает преподаватель, когда советует учащимся: «Вы поняли, о чем сказано в этом английском предложении? Теперь скажите то же самое по-русски».

Таким образом ситуативная модель перевода дает возможность объяснить те особенности переводческого процесса, которые связаны с обращением переводчика к реальной действительности. В то же время нетрудно убедиться, что она охватывает лишь некоторые способы реализации процесса перевода. Мы знаем, что в первом типе эквивалентности сохранение цели коммуникации достигается за счет отказа от описания той же самой ситуации. Если ситуация, описанная в оригинале, не позволяет рецептору перевода сделать необходимые выводы, то описание средствами другого языка той же ситуации не обеспечит возможности межъязыковой коммуникации. Не объясняет ситуативная модель и тех случаев, когда в переводе сохраняется не только ситуация, описанная в оригинале, но и способ ее описания, а также основная часть значений языковых средств. Из этого не следует, что модель неправильна, просто такая модель обладает ограниченной объяснительной силой.

Попытку объяснить, каким образом происходит выбор синтаксических структур в переводе, предпринимает *трансформационная* модель перевода. Она основывается на положениях трансформационной грамматики, которая постулирует существование в языке рядов взаимосвязанных синтаксических структур. В таких (трансформационных) рядах выделяются ядерные структуры, в которых отношения между элементами структуры наиболее прозрачны, и производные структуры (трансформы), выводимые из ядерных по определенным трансформационным правилам. Например, производными по отношению к структуре «Мальчик читает книгу» будут трансформы «Мальчик не читает книгу», «Чтение книги мальчиком», «Читающий книгу мальчик». Одна и та же производная структура будет неоднозначной, если она может быть выведена из разных ядерных структур. Так, сочетание «приглашение ректора» может означать, что либо ректор пригласил кого-то, либо кто-то пригласил ректора. Трансформационная модель предлагает рассматривать процесс перевода как ряд последовательных трансформаций в двух языках, исходя из предположения, что ядерные структуры в разных языках совпадают в значительно большей степени, чем производные структуры.

Согласно этой модели процесс перевода осуществляется в три этапа. На первом этапе производная структура в оригинале возводится к ее ядерной структуре в исходном языке. На втором этапе происходит переход от ядерной структуры языка оригинала к аналогичной ядерной структуре языка перевода. И, наконец, на третьем этапе ядерная структура в языке перевода преобразуется в производную в соответствии с нормой и узусом этого языка. Предположим, английское предложение «She is a poor letter-writer» переведено на русский язык как «Она не умеет писать письма». По трансформационной модели этот перевод объясняется следующим образом. На первом этапе происходит преобразование в ядерную структуру: «She is a poor letter-writer — She writes letters poorly». На втором этапе эта ядерная структура заменяется соответствующей ядерной структурой в русском языке — «Она пишет письма плохо». А затем происходит преобразование в естественную производную структуру «Она не умеет писать письма».

Разумеется и трансформационная модель, устанавливающая соответствия лишь между синтаксическими структурами оригинала и перевода, обладает ограниченной объяснительной силой и не претендует на всестороннее описание переводческого процесса. В определенной степени ее дополняет *семантическая* модель перевода, которая представляет процесс перевода как идентификацию и сохранение релевантных сем оригинала. В основе этой модели лежит попытка распространить на перевод применяемую в лингвистике процедуру компонентного анализа, позволяющую разбивать значения языковых единиц на более мелкие элементарные смыслы — семы, и эти значения рассматриваются как пучок таких сем. При этом оказывается, что, если пучки сем (значения языковых единиц) в разных языках, как правило, не совпадают, то между составляющими их семами имеется значительная общность. Предполагается, что процесс перевода может осуществляться в два этапа. На первом этапе переводчик определяет семный состав отрезка оригинала и решает, какие из выявленных сем релевантны для коммуникации и должны быть переданы в переводе. На втором этапе в языке перевода подбираются единицы, значения которых входят как можно больше сем оригинала, в первую очередь, релевантных. Степень близости перевода к оригиналу определяется количеством общих сем. При этом некоторые семы могут обнаруживаться из контекста оригинала и эксплицироваться в переводе или навязываться нормами языка перевода.

Предположим переводится английское предложение «I have come». В этом предложении компонентный анализ выявляет пять эксплицитных сем: 1. Говорящий (первое лицо). 2. Прибытие (без указания на способ передвижения). 3. Прошедшее время 4. Связь с другим действием или моментом времени (значение перфекта). 5. Связь с моментом речи (значение формы перфекта настоящего времени). Первые три семы явно релевантны и должны быть сохранены в переводе. Кроме того, при переводе на русский язык выбор варианта потребует дополнительной информации о том, какого пола говорящий и пользовался ли он какими-либо средствами передвижения. А также было ли действие однократным или повторяющимся. Эта информация не содержится в самой фразе, и ее придется искать в других частях текста или в описыва-

емой ситуации. С учетом всех таких факторов переводчик мог бы перевести эту фразу: «Я пришла». В русском предложении компонентный анализ обнаруживает шесть сем: 1. Говорящий. 2. Прибытие. 3. Прошедшее время. 4. Женский род. 5. Движение пешком. 6. Совершенный вид. Таким образом, эквивалентность перевода основана на общности трех релевантных сем, эксплицированных в оригинале, и на трех других семах, соответствующих общему смыслу исходного текста.

Заменяющие друг друга семы могут не совпадать, а быть связаны отношениями семантического перефразирования, характерными для третьего типа эквивалентности: «Last year saw a rapid growth of industrial production». — «В прошлом году отмечался быстрый рост промышленного производства» (А видит X у себя = X наличествует у А = X существует в период, когда А). Вполне очевидно, что и семантическая модель не обладает универсальной объяснительной силой. Мы уже знаем, что эквивалентность перевода может устанавливаться на уровне цели коммуникации при замене ситуации или на уровне указания на ситуацию при замене способа ее описания. В этих случаях общность сем в оригинале и в переводе, естественно, отсутствует и процесс перевода не может осуществляться по семантической модели.

Для моделирования переводческого процесса могут быть использованы положения психолингвистики о структуре речевой деятельности. Как и в любой человеческой деятельности, в речевой деятельности человека можно выделить несколько этапов. В начале у человека возникает мотив, побуждающий к действию, затем цель, которую он стремится достичь для удовлетворения мотива с помощью речевого произведения, внутренняя программа будущего высказывания, построение высказывания во внутренней речи и, наконец, вербализация его в устной или письменной речи. Для теории перевода особое значение имеют данные психолингвистических исследований, свидетельствующие о том, что внутренняя программа речевого произведения формируется не на базе естественного языка, а на индивидуальном предметно-образном коде человека. Она представляет в сжатой форме замысел высказывания и может затем развертываться средствами любого языка, которыми этот человек владеет. Поскольку переводчик также осуществляет речевую деятельность, создавая текст перевода,

процесс перевода должен проходить через те же этапы, но при весьма существенном отличии: внутренняя программа переводчика создается не им самим, а представляет собой свернутое содержание оригинала. Тогда процесс перевода может быть представлен следующим образом. На первом этапе переводчик «переводит» понятие им содержание оригинала на свой «язык мозга» в виде своей внутренней программы (замысла высказывания), а на втором — разворачивает эту программу на другом языке, как это делает любой говорящий на этом языке.

Поскольку результатом перевода является создание речевого произведения, есть основания полагать, что психолингвистическая модель речевой деятельности, в целом, правильно описывает и процесс перевода, хотя и нуждается в некотором уточнении. Дело в том, что, как уже отмечалось, замысел речевого высказывания не содержит готовых языковых единиц, и говорящий разворачивает свою внутреннюю программу, самостоятельно выбирая языковые средства. Поскольку переводчик ограничен в свободе выбора⁴ этих средств необходимостью как можно полнее передать содержание оригинала, то он должен обладать дополнительной информацией, которая позволит ему сделать правильный выбор. Такую информацию он может иметь, либо если его внутренняя программа будет принципиально иной, включая указания о способе разворачивания (что теоретически маловероятно), либо если в процессе ее разворачивания он вновь обращается к оригиналу, соизмеряя выбор языковых средств с содержанием и формой исходного текста.

Подобные дедуктивные модели перевода представляют процесс перевода в общей форме в виде ряда последовательных операций. Другой способ описания переводческого процесса заключается в попытке обнаружить более конкретные операции, с помощью которых переводчик может осуществлять переход от оригинала к переводу. Предполагается, что отношение между отрезком оригинала и соответствующим отрезком перевода можно представить как преобразование (трансформацию) первого во второй по определенным правилам. Подобные переводческие трансформации могут рассматриваться как приемы перевода, которые переводчик использует для преодоления типичных трудностей.

В зависимости от характера преобразований переводческие трансформации подразделяются на лексические, грамматические и лексико-грамматические. Лексические трансформации описывают формальные и содержательные отношения между словами и словосочетаниями в оригинале и переводе. Среди формальных преобразований основными приемами перевода являются переводческая транскрипция/транслитерация и переводческое калькирование.

Прием транскрипции означает, что в переводе воспроизводится звучание слова оригинала, в отличие от транслитерации, передающей его графическую форму. Этот прием широко применяется при переводе собственных имен, географических названий, названий фирм, печатных изданий, многих терминов и т.п. В современной переводческой практике, в основном, используется транскрипция, и многие наименования, которые в прошлом транслитерировались, теперь транскрибируются. Великий английский драматург был сначала известен в России как Шакеспере и лишь потом стал Шекспиром. Знаменитый английский физик был Невтоном, потом Нью'тоном, а теперь все чаще именуется 'Ньютоном. Транскрибируются и некоторые названия, которые прежде переводились. Так, на карте США был раньше Город Соленого Озера, ставший теперь Солт-лейк-сити.

В ряде случаев транскрипция носит условный характер, так как у звуков языка оригинала нет приблизительно соответствующих им звуков и букв в языке перевода. Английские звонкий и глухой звуки, передаваемые на письме сочетанием «th», воспроизводятся в русской транскрипции — звонкий как «д» или «з», а глухой как «т» или «с» (Warner Brothers = Уорнер Бразерз, Smith = Смит и пр.). Условное соотношение порой устанавливается и для звуков более или менее близких. Например, английское «w» транскрибируется русским «у», а немецкое «h» традиционно передается по-русски как «г». (В последнее время эта традиция начала нарушаться: если Helmut Kohl — это Гельмут Коль, то президент Herzog уже пишется Херцог, а многие прежние Гансы стали Хансами.)

Хотя в целом в переводческой практике преобладает транскрипция, можно отметить несколько типичных случаев отклонения от этого правила. Прежде всего в транскрибируемых

словах могут сохраняться элементы транслитерации. Так, в русских переводах сохраняется часто непроносимое английское «г» и передающие один звук двойные согласные: Daily Worker = Дейли Уоркер, Bill Clinton = Билл Клинтон. Другим примером может служить преобладание графики над звучанием в передаче немецкого дифтонга «ei»: Leipzig = Лейпциг, Heine = Гейне. Нередко буквенный состав сохраняется, если в результате получается уже существующее слово. Так, названия ракет обычно транскрибируются по правилам: ракета «Hawk» = «Хок», а «Faulcon» = «Фолкон». Но американская ракета «Tomahawk» именуется по-русски не «Томахок», а «Томагавк», ракета «Hercules» — не «Херкьюлиз», а «Геркулес». Особенно много отклонений от принципа транскрибирования связано с существованием традиционных наименований, которые уже прочно вошли в употребление. Это касается как географических названий, так и имен собственных. Столицу Франции мы называем не «Пари», как следовало бы (сравни название газеты «Пари суар»), а Парижем, а столицу Шотландии — не «Эдинбра», а Эдинбургом. Английское имя «Charles», естественно, транскрибируется как Чарлз — Чарлз Дарвин, Чарлз Диккенс и т.п. Но носивший такое же имя король, которому англичане отрубили голову, известен у нас как Карл I. Затем Карлом был назван и Charles II, а король Джеймс (James) превратился в Якова. Первого норманского короля Англии звали так же, как Шекспира, но мы его зовем Вильгельмом Завоевателем. Несколько английских королей именовали Henry, но в России их зовут Генрихами. В Генрихов превратились и французские короли по имени Анри (Henri), а все восемнадцать французских царственных особ со столь распространенным именем Луи числятся у нас Людовиками. Понятно, что в подобных случаях переводчик не может транскрибировать такие имена «по правилам».

Несколько слов о приеме калькирования, который не требует особых разъяснений. Применяя этот прием, переводчик переводит составляющие элементы слова или словосочетания и затем объединяет переведенные части в единое целое: superpower = сверхдержава, International Monetary Fund = Международный валютный фонд. При этом в переводе может изменяться порядок следования компонентов: United Nations Organisation = Организация Объединенных Наций, first-strike weapon = оружие перво-

го удара. Встречаются смешанные случаи, когда при калькировании одна часть слова переводится а другая — транскрибируется: *petrodollars* = нефtedоллары, *miniskirt* = мини-юбка.

Следующую группу лексических трансформаций составляют лексико-семантические замены, применение которых связано с модификацией значений лексических единиц. К основным приемам этой группы относятся *конкретизация, генерализация и модуляция*.

Прием смысловой *конкретизации* заключается в том, что переводчик выбирает для перевода в оригинале слово с более конкретным значением в переводящем языке. В любом языке есть слова с более общим или с более конкретным значением, выражающие родовые или видовые понятия: слово «собака» называет больший класс объектов, чем слово «бульдог», «двигаться» охватывает все частные виды движения — ходить, бегать, летать и пр. В то же время соотношение таких слов в разных языках и их употребительность часто не совпадают, что вызывает необходимость в преобразованиях при переводе. Применение приема конкретизации оказывается целесообразным в двух основных случаях. Во-первых, в языке перевода слову с общим значением в оригинале могут соответствовать несколько слов с более частными значениями. При переводе английского слова «meal» на русский язык обычно приходится выбирать между более конкретными названиями приемов пищи (завтрак, обед, ужин и пр.). Аналогичным образом, переводя на английский язык русское «плавать», нужно будет выяснить, кто плавает и как плавает, чтобы сделать выбор между более конкретными глаголами «swim, sail, float, drift». Во-вторых, использование в переводе таких же общих слов, как в оригинале, может оказаться неприемлемым для описываемой ситуации. В романе ЧДиккенса «Давид Копперфилд» есть такой эпизод. Мать мальчика Дэви, от лица которого ведется повествование, сидит одна в полутемной комнате, глубоко задумавшись. Внезапно в комнату с шумом врывается ее эксцентричная тетушка, испугав неожиданным появлением погруженную в раздумье женщину. И вот как это описывается в романе: «My mother had left her chair in agitation and gone behind it in the corner». Английские глаголы с общим значением «to leave» и «to go» не могут быть здесь переведены с помощью соответствующих русских глаголов

«оставить» и «пойти». Неприемлемость перевода «Взволнованная матушка оставила свое кресло и пошла за него в угол» очевидна. В русском языке столь конкретная эмоциональная ситуация не описывается подобным образом. Обеспечить эквивалентность перевода можно путем конкретизации указанных глаголов: «Взволнованная матушка вскочила со своего кресла и забилась в угол позади его».

Как видно из его названия, прием *генерализации* подразумевает замену единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением. И здесь применение этого приема может быть вынужденным или факультативным. В первом случае в языке перевода отсутствует необходимое слово с конкретным значением. Так, различия между русскими «теща и свекровь» или «шурин и деверь» обобщаются в английских переводах едиными «mother-in-law» и «brother-in-law». Во втором случае переводчик предпочитает более общий вариант по стилистическим соображениям. В художественных произведениях на русском языке не принято, например, в отличие от английских точно указывать рост и вес персонажей, и обычное предложение «I saw a man 6 feet 2 inches tall» в оригинале может быть заменено в русском переводе: «Я увидел высокого парня».

Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных отрезков в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями. И в этом случае отказ от «прямого» перевода может быть вынужденным или зависеть от выбора переводчика. Вспомним пример из романа А.Кронина «Цитадель», где герой приезжает к месту своей новой работы, и его встречает кучер с двуколкой. Далее мы читаем: «Manson... climbed into the gig behind a tall... horse». Контекстуальной замены здесь не избежать, поскольку по-русски нельзя сказать: «Он сел в телегу позади лошади» (как будто лошадь тоже сидела в телеге). Но ведь лошадь не просто находилась впереди коляски, следовательно: «Мэнсон... влез в... коляску, запряженную крупной... лошадью». В следующем примере «прямой» перевод показался переводчику слишком громоздким, и он предпочел использовать прием модуляции. В

романе Ч.Диккенса «Давид Копперфилд» рассказывается о школьнике, которого часто наказывали за различные провинности. Он быстро забывал про свои неприятности, и автор пишет: «He would cheer up somehow, begin to laugh again, and draw skeletons all over his slate, before his eyes were dry» — «Он снова приободрился, начинал смеяться и рисовал на своей грифельной доске разные фигурки, хотя глаза его еще были полны слез». Можно согласиться, что вариант «...прежде чем у него высохли глаза» был бы менее удачным.

Теперь познакомимся с некоторыми грамматическими трансформациями. Среди них наиболее частыми приемами являются дословный перевод, членение предложений, объединение предложений и грамматические замены. Дословный перевод (нулевая трансформация) — это способ перевода, при котором синтаксическая структура ИЯ заменяется аналогичной структурой ПЯ, например: «He was in London two years ago» — «Он был в Лондоне два года назад». Прием достаточно прост, но заслуживает упоминания по двум причинам. Во-первых, потому, что следует подчеркнуть «легитимность» его применения: у начинающих переводчиков иногда обнаруживается стремление изменять синтаксическую структуру даже там, где лучшим выбором был бы дословный перевод. Во-вторых, надо четко отличать этот прием от уже известного нам буквального перевода, который тоже передает оригинал «слово в слово», но при этом искажает его смысл или нарушает нормы языка перевода.

Прием членения предложения, как об этом говорит его название, заключается в том, что одно предложение оригинала делится на два-три предложения в переводе. Применение этого приема может быть вызвано семантическими или стилистическими причинами. Например, в английских газетах нередко встречаются краткие сообщения, состоящие из одного предложения, но содержащие большой объем информации типа: «Both engine crews leaped to safety from a collision between a parcels train and a freight train near Morris Cowley, Oxfordshire». В этом предложении содержится целый рассказ: сообщается и что произошло, и где произошло, и с кем произошло, и как спаслись участники происшествия. В русском переводе будет естественным разбить сообщение на две части и сначала сказать о самом событии, а уже по-

том о его последствиях, например: «Вблизи станции Моррис Коули в графстве Оксфордшир произошло столкновение почтового и товарного поездов. Члены обеих поездных бригад остались невредимы, спрыгнув на ходу с поезда». А вот краткая метеосводка из английской газеты: «Mist covered a calm sea in the Straits of Dover yesterday». Можно перевести эту фразу дословно «Туман окутывал вчера спокойное море в проливе Па-де-Кале», но не слишком ли это поэтично для простой метеосводки? А вот как будет звучать перевод при использовании приема членения: «Вчера в проливе Па-де-Кале стоял туман. Море было спокойно».

Прием объединения предложений прямо противоположен предыдущему — двум или трем предложениям оригинала соответствует одно предложение в переводе. Применение этого приема может оказаться вынужденным вследствие недооформленности одного из переводимых предложений: «The marchers did not intend to go to Parliament. Nor to petition their MP's» — «Участники демонстрации не собирались ни идти к парламенту, ни подавать петицию своим депутатам». В других случаях переводчик может решить, что целесообразно, объединить предложения по стилистическим соображениям. Для научно-технических текстов на английском языке характерно преобладание простых предложений, что менее свойственно соответствующему русскому стилю, где очень широко используются сложные предложения. В связи с этим в англо-русских технических переводах двум или более простым предложениям оригинала соответствует одно сложное предложение в переводе, например: «This condition, however, changes at certain critical energies of the electrons. At these critical energies the gas atoms do absorb energy» — «Однако это условие нарушается при некоторых критических энергиях электронов, когда атомы газа поглощают энергию».

Во многих случаях переход от оригинала к переводу осуществляется с помощью различных грамматических замен, что подразумевает отказ от использования в переводе аналогичных грамматических форм. Замене может подвергаться грамматическая категория, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Рассмотрим несколько примеров применения этого приема. Обычно в переводе категория числа сохраняется, то есть соотнесенные существительные в оригинале и в переводе упот-

реблюются в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в одном языке соответствует форма множественного числа в другом (сравни «money» — «деньги», «outskirts» — «окраина» и т.п.). Но в определенных условиях замена формы числа может применяться как прием перевода и при наличии соответствующей формы по соображениям стиля или узуса: «They left the room with their heads held high» — «Они вышли из комнаты с высоко поднятой головой».

Весьма распространенным видом грамматической замены при переводе является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом («It is our hope that an agreement will be reached by Friday» — «Мы надеемся, что соглашение будет достигнуто к пятнице») и прилагательного существительным («Australian prosperity was followed by a slump» — «За экономическим процветанием Австралии последовал кризис»). Нередко также подобная замена применяется в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени: «The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours, began on Monday» — «Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник». Часто встречающиеся в англо-русских переводах замены части речи и типа предложения обусловлены, в частности, тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначение субъекта действия, например: «The crash killed 20 people» — «В результате аварии погибло 20 человек» (подлежащее заменено обстоятельством причины).

Особую группу переводческих трансформаций составляют приемы перевода, с помощью которых преобразуется и лексика, и синтаксические структуры оригинала. Наиболее распространенными лексико-грамматическими трансформациями являются прием антонимического перевода, прием описательного перевода и прием компенсации. При *антонимическом* переводе замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением: «Nothing changed in my home

town» — «Все осталось прежним в моем родном городе». В англо-русских переводах этот прием применяется особенно часто, когда в оригинале отрицательная частица употреблена со словом, имеющим отрицательный префикс, например: «She is not unworthy of your attention» — «Она вполне достойна вашего внимания». В русском языке форма отрицательной частицы «не» и основной отрицательной приставки совпадает, и их совместное употребление обычно оказывается неудобопроизносимым.

В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль. Рассмотрим перевод следующего английского предложения: «The rail-road unions excluded negroes from their membership». Дословный перевод «Профсоюзы железнодорожников исключали негров из своих рядов» не вполне логичен: ведь, исключить человека из организации можно лишь тогда, если он является ее членом. Нельзя же предположить, что профсоюз принимал негра только для того, чтобы тут же его исключить. Но «исключать» — это значит «не включать» или, иначе говоря, «не принимать». Итак, «Профсоюзы железнодорожников не принимали негров в свои ряды».

Описательный перевод — это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, раскрывающим ее значение: conservationist — сторонник охраны окружающей среды, whistle-stop speech — выступление кандидата в ходе предвыборной агитационной поездки. Недостаток описательного перевода заключается в его многословности. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется там, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением. Так, a shuttle service — это организация челночных перевозок между какими-то пунктами, но в следующем переводе можно выразить эту мысль короче: «Car owners ran a shuttle service for parents visiting the children injured in the accident» — «Владельцы автомашин привозили и отвозили родителей, которые навещали своих детей, пострадавших во время аварии».

Последняя трансформация, которую мы упомянем в этой лекции, — это уже знакомый вам прием *компенсации*. Напомним вам, что компенсация — это способ перевода, при котором эле-

менты смысла, утраченные при переводе, передаются в тексте перевода каким-либо иным средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Так, в следующем примере нарушение языковой нормы в английском тексте, передаваемое в переводе, компенсируется совсем иными нестандартными формами в русском языке: «You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said 'he don't' and 'she don't' and stuff like that» — «Было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили 'хочут' и 'хочете' и все в таком роде». Мы подробно рассматривали прием компенсации при описании пятого типа эквивалентности, и я вас отсылаю к этому разделу курса.

ЛЕКЦИЯ N 10

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Мы уже отмечали, что для перевода, в целом, характерна не только смысловая, но и структурная близость к оригиналу. В большинстве случаев для каждого предложения оригинала можно обнаружить соответствующее предложение в тексте перевода. Более того, сопоставление переводов с их оригиналами показывает, что в процессе перевода значения определенных единиц ИЯ регулярно передаются с помощью одних и тех же единиц ПЯ. Это и не удивительно: языковые единицы обладают относительно устойчивым значением, что и предопределяет возможность того, что они могут регулярно заменять друг друга при переводе. Единица ПЯ, регулярно используемая для перевода данной единицы ИЯ, называется переводческим соответствием. «Регулярно» значит, что такая единица используется в качестве соответствия при переводе разных текстов разными переводчиками.

Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного уровня языковой структуры. Так, при переводе английского «But he 'will go there» русским «Но он обязательно пойдет туда» усиление, выраженное в оригинале ударением на обычно безударном вспомогательном глаголе, передано в переводе лексическими средствами — словом «обязательно». Аналогичным образом могут существовать и лексико-грамматические соответствия: «He has read the book» — «Он уже прочитал эту книгу» (значение завершенности действия в оригинале выражено грамматическими, а в переводе — лексическими средствами).

Однако, как правило, переводческие соответствия устанавливаются между единицами одного и того же уровня. Поэтому различаются лексические, фразеологические и грамматические соответствия. В основном, лексические соответствия могут быть единичными или множественными. Единичное соответствие означает, что в большинстве случаев данная единица ИЯ переводится одной и той же единицей ПЯ. Такие соответствия существуют, главным образом, у терминов, собственных имен и различных названий. Это наиболее устойчивый способ перевода данной единицы. Так, House of Commons — это всегда «Палата общин», oxygen — «кислород», hydrogen — «водород», а Senator — всегда «сенатор». Могут быть случаи, когда единичные соответствия имеются только у некоторых значений многозначного слова, например, английское barrel — «бочка, бочонок, барабан» и пр. имеет такие соответствия в значении «часть огнестрельного оружия» (ствол) и «единица объема нефти» (баррель). Хранение единичных соответствий в памяти переводчика имеет большое практическое значение. Во-первых, это дает ему возможность не тратить время на поиски эквивалента, что особенно важно при устном переводе. Во-вторых, заранее известный перевод таких единиц позволяет быстро определить тематическую область текста, ориентирует мысль переводчика в нужном направлении.

Многие единицы ИЯ имеют множественные соответствия — несколько единиц ПЯ, регулярно используемых для передачи их значений. Например, trade-union — профсоюз или тред-юнион, importance — важность, значение или значимость, flying — летающий, летный, летящий, летательный, летучий. Переводчик делает выбор между такими соответствиями на основе контекста — лингвистического или ситуативного. Лингвистический контекст — это окружение слова в тексте. Различается узкий контекст в рамках предложения и широкий контекст — часть текста или весь текст в целом. Нередко выбор соответствия оказывается возможным уже из узкого контекста. Например, английский глагол to strike может переводиться как «бить, ударять, найти, натолкнуться, поражать, сражать, пускать корни, бастовать». Но уже при переводе сочетания «the striking trade-unions» контекст позволяет выбрать вариант «бастующие». В других случаях основания для выбора придется искать в широком контексте. Если в оригинале

сказано, что кто-то «got up from his chair», то переводчику на русский язык нужно будет решать, идет ли речь о стуле или о кресле, а указание на это может обнаружиться совсем в другой части текста.

Под ситуативным контекстом понимается любая экстралингвистическая информация, позволяющая сделать выбор между соответствиями, сведения о времени, месте, обстоятельствах, фактах и т.п. Так, *trade union* в Англии будет переводиться «тред-юнион», а в США — «профсоюз». Если речь идет о прошлых веках, то *abolitionist* — это «аболиционист» (то есть сторонник отмены рабства), а если о наших днях, то в переводе это будет «сторонник отмены смертной казни». Существование у единицы ИЯ одного или нескольких переводческих соответствий еще не означает, что эти соответствия будут обязательно использованы в переводе. В ряде случаев условия употребления языковой единицы в контексте вынуждают переводчика отказаться от использования регулярного соответствия и найти вариант перевода, наиболее точно передающий значение этой единицы в данном контексте. Такой нерегулярный, исключительный способ перевода называется окказиональным соответствием.

Условия контекста могут побудить переводчика отказаться даже от применения единичного соответствия. Например название американского города *New Haven* регулярно передается на русский язык как «Нью-Хейвен». Но вот в романе Фицджеральда «Великий Гэтсби» встречается такое предложение: «*I graduated from New Haven in 1915*». Контекст ясно показывает, что название города употреблено здесь в переносном смысле вместо учебного заведения, находящегося в этом городе. Но по-русски нельзя «окончить Нью-Хейвен», хотя в некоторых случаях подобное переносное употребление вполне нормально, если название города связано с расположенным в нем университетом: можно окончить Оксфорд или Кембридж. С названием Нью-Хейвена у русского читателя такие ассоциации отсутствуют, и переводчик отказывается от регулярного соответствия: «Я окончил Йельский университет в 1915 году». Еще чаще контекст вынуждает переводчика отказываться от использования одного из множественных соответствий. Глагол «*to deal*» имеет несколько регулярных соответствий в русском языке: «обходиться, обращаться, поступать, вес-

ти себя». Но вот в книге «Во имя мира» А.Джонстон пишет: «History has dealt with Hitler; history will deal with all would-be Hitlers». Понятно, что автор имеет в виду, что история не просто обошлась с Гитлером, а обошлась с ним по заслугам, сурово. И в переводе читаем: «История покончила с Гитлером; история покончит со всеми будущими Гитлерами».

Нередко окказиональные соответствия используются в стилистических целях для воссоздания художественного эффекта оригинала. Английский автор пишет: «The mountain tops were hidden in a grey waste of sky», а переводчик переводит: «Вершины гор тонули в сером небе». Конечно, глагол to hide не означает «тонуть», но это окказиональное соответствие хорошо передает здесь беспредельность небесного свода (waste of sky). Сопоставительный анализ обнаруживает и такие единицы ИЯ, для которых в ПЯ вообще нет регулярных соответствий. Наличие подобных безэквивалентных единиц не означает, однако, что их значения не могут быть переданы в переводе. Переводческая практика выработала ряд способов создания окказиональных соответствий для этой цели. Остановимся кратко на некоторых из них.

1. Соответствия-заимствования, воспроизводящие в ПЯ форму иноязычного слова: tribalism — трайбализм, know-how — ноу-хау, chip — чип.

2. Соответствия-кальки, воспроизводящие морфемный состав слова или составные части словосочетания: backbencher — заднескамеечник, brain drain — утечка мозгов, work-to-rule — работа (строго) по правилам.

3. Соответствия-аналоги, создаваемые путем использования единиц ПЯ, не вполне соответствующих по значению исходным единицам, но способных их заменить в конкретном случае. Для перевода английского drugstore можно использовать русское «аптека», хотя это не одно и то же, поскольку в drugstore продаются не только лекарства, но и продукты, газеты, хозяйственные товары и пр. Afternoon — это не «вечер», но если участники конференции проводят в день два заседания — morning session и afternoon session, то второе в переводе можно назвать «вечерним».

4. Соответствия — лексические замены, создаваемые с помощью одного из видов переводческих трансформаций, о которых шла речь в предыдущей лекции. Так, при переводе на рус-

ский язык английского exposure, не имеющего прямого соответствия, например, в предложении «He died of exposure» в зависимости от широкого контекста могут быть использованы трансформации конкретизации или модуляции: «Он умер от простуды», «Он замерз в снегах», «Он погиб от солнечного удара» и т.п.

5. При невозможности создать окказиональное соответствие указанными выше способами для передачи значения безэквивалентного слова используется описание, раскрывающее это значение при помощи развернутого словосочетания: landslide — победа на выборах подавляющим большинством голосов, brinkmanship — искусство проведения политики на грани войны, согопер — следователь, проводящий дознание в случае насильственной или скоростижной смерти.

Таким образом, значения безэквивалентных слов в конкретных контекстах передаются столь же успешно, как и значения слов, имеющих единичные или множественные соответствия.

Большой практический интерес представляет изучение фразеологических соответствий. Вспомним, что фразеологическими единицами или фразеологизмами обычно называют образные устойчивые словосочетания, к числу которых относятся такие важные выразительные средства языка, как идиомы, пословицы, поговорки и другие словосочетания, обладающие переносным значением. Фразеологизмам принадлежит особая роль в вербальной коммуникации, они не просто передают определенную информацию, но и оказывают воздействие на чувства и воображение рецептора. Многие авторы и ораторы специально насыщают свои тексты такими средствами, чтобы создать желаемый эффект. Понятно, что и в переводе желательно сохранить этот эффект, и надлежащее воспроизведение фразеологизмов составляет одну из важных задач переводчика.

Перевод фразеологических единиц связан со значительными трудностями, поэтому особенно важно, чтобы переводчик хорошо знал основные типы фразеологических соответствий и способы их применения. Но прежде всего отметим, что ошибки при переводе фразеологизмов могут возникать уже в связи с тем, что переводчик не распознает фразеологическую единицу и пытается перевести ее как свободное сочетание слов. Так, в переводе романа Гринвуда «Отряд выступает» нам сообщается, что ге-

рой романа вышел из «своего коричневого кабинета» что не может не вызвать удивления, так как до этого он находился во дворе. Переводчик был явно не знаком с английским фразеологизмом «to be in a brown study», то есть «глубоко задуматься», и не понял, что употребленное в тексте выражение «to come out of the brown study» означает «очнуться от глубокого раздумья». Известен анекдотический случай, когда Н.С.Хрущев в одной из своих речей пообещал показать империалистам «Кузькину мать» и в английских газетах сообщили, что он грозит показать им «the mother of Kuzma». Тогда шутили, что ЦРУ немало потрудилось, пытаясь отыскать эту грозную русскую маму.

Характер и способы применения фразеологических соответствий во многом определяются особенностями семантики фразеологических единиц. Семантика таких единиц представляет собой сложный информативный комплекс, имеющий как предметно-логические, так и коннотативные компоненты. Наиболее важными из них с точки зрения выбора соответствия в ПЯ являются следующие: 1) переносный или образный компонент значения фразеологизма; 2) прямой или предметный компонент значения фразеологизма, составляющий основу образа, «образный стержень»; 3) эмоциональный компонент значения фразеологизма; 4) стилистический компонент значения фразеологизма; 5) национально-этнический компонент значения фразеологизма. Нередко каждый компонент называют значением фразеологической единицы.

Переносное значение фразеологизма является основным, и оно должно обязательно воспроизводиться в переводе. Когда мы говорим по-русски «Не выноси сор из избы», мы имеем в виду, что не следует делать свои личные или семейные обстоятельства достоянием широкой общественности. Такое же переносное значение имеет и английский фразеологизм «Don't wash dirty linen in public», хотя в нем говорится не о соре и избе, а о стирке грязного белья. Очевидно, что переносное значение присуще фразеологизму в целом и не сводится к сумме значений составляющих его слов. Прямое значение фразеологизма служит основой для создания образа и соотносит этот образ с какой-либо сферой жизни человека. Так, английский фразеологизм «Make hay while the sun shines» имеет явно сельскохозяйственное происхождение, а его русское

соответствие «Куй железо, пока горячо» связано с кузнечным производством. Прямое значение фразеологической единицы обычно отступает на задний план и не играет роли в коммуникации, так как говорящий употребляет такую единицу, имея прежде всего в виду ее переносное значение. Однако, как мы увидим дальше, характер прямого значения оказывает влияние на выбор соответствия и должен учитываться переводчиком.

Многие фразеологизмы выражают определенное эмоциональное отношение к описываемому, одобряют его или осуждают, что-то рекомендуют или от чего-то предостерегают. «Одним ударом двух зайцев убить» — это желаемый успех (сравни английское «to kill two birds with one stone»), а «попасть пальцем в небо» («to find a mare's nest») — это явная неудача. «Играть с огнем» (to play with fire) — опасно, а «ложка дегтя в бочке мёда» (a fly in the ointment) всё испортит.

Фразеологическая единица может принадлежать к различным стилям речи. Есть фразеологизмы поэтические, литературно-книжные, а есть разговорные, просторечные, вульгарные. С одной стороны, to pass the Rubicon («перейти Рубикон») и to show one's true colours («показать свое истинное лицо»), а с другой — the fish begins to stink from the head («рыба гниет с головы») и good riddance from bad rubbish («баба с воза, кобыле легче»). Изменение эмоционально-стилистической характеристики фразеологизма, как правило, делает перевод неадекватным.

Большинство фразеологизмов — это идиоматические выражения, характерные для определенного языка. Но среди них есть единицы, чья национальная принадлежность указана особенно четко благодаря тому, что в их состав входят слова, обозначающие предметы и явления национальной культуры. Английский фразеологизм «to get up on the wrong side of the bed» не мог возникнуть в России — стране с холодной зимой, где в отличие от англичан кровати не ставили посреди комнаты и встать не с той стороны кровати было бы просто невозможно. Русские говорят «встать не с той (или с левой) ноги». Но в самом английском фразеологизме нет ничего сугубо национального: ведь, кровати есть и в других странах и у них также есть две стороны. Иначе обстоит дело с английской поговоркой «He will not set the Thames on fire» (сравните «он пороха не выдумает»). Здесь уже само упоминание

Темзы безошибочно указывает на национальную принадлежность фразеологизма. Все эти особенности семантической структуры фразеологизмов оказывают влияние на выбор соответствий при их переводе. Характеризуя каждый тип таких соответствий, мы будем указывать условия его использования в переводческой практике.

Существуют три типа соответствий образным фразеологическим единицам оригинала. Первый тип соответствий обычно именуют *фразеологическими эквивалентами*. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом случае в ПЯ имеется образный фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с фразеологической единицей оригинала, например: «Strike the iron while it is hot» — «Куй железо, пока горячо». Использование такого соответствия позволяет наиболее полно воспроизвести иноязычный фразеологизм, и переводчик прежде всего пытается его отыскать. Однако при этом необходимо учитывать два обстоятельства, ограничивающих возможность применения первого вида фразеологических соответствий. Во-первых, фразеологических эквивалентов сравнительно немного. Чаще всего они обнаруживаются у так называемых интернациональных фразеологизмов, заимствованных обоими языками из какого-нибудь третьего языка, главным образом, латинского или греческого: the heel of Achilles — Ахиллесова пята, the sword of Damocles — Дамоклов меч и т.п. Эквивалентные единицы могут быть заимствованы и в более поздний период. Так, и английский, и русский языки заимствовали из французского языка пословицу «Le jeu ne vaut pas la chandelle» — The game is not worth the candle; Игра не стоит свеч. Во-вторых, при заимствовании обоими языками одного и того же фразеологизма его значение в одном из них может видоизмениться, и в результате эти фразеологизмы окажутся «ложными друзьями переводчика» — сходными по форме, но разными по содержанию. Например, английское «to lead by the nose» и русское «водить за нос» по форме совпадают, но английский фразеологизм означает «полностью подчинить, командовать», а русский — «обманывать». Аналогичным образом, «to throw dust in the eyes» означает «обманывать», а «пускать пыль в глаза» — «хвастаться, важничать». Расхождение между соответствующими фразеологизмами может

быть связано с коннотативными компонентами их семантики. Так, английский фразеологизм «to save one's skin» соответствует русскому «спасти свою шкуру», когда он употребляется в отрицательном смысле. Но этот же фразеологизм может иметь положительную коннотацию, и тогда такой перевод окажется неправильным. Сравните «Betty saved Tim's skin by typing his report for him» — «Бетти выручила (спасла от неприятностей) Тима, напечатав за него доклад».

Второй тип фразеологических соответствий представляют так называемые *фразеологические аналоги*. Когда переводчику не удастся найти фразеологический эквивалент, он смотрит, нет ли в ПЯ фразеологизма с таким же переносным значением, хотя и основанном на ином образе: «to turn back the clock» — «вернуть вспять колесо истории», «A bird in the hand is worth two in the bush» — «Лучше синицу в руки, чем журавля в небе» и т.п. Использование соответствия этого типа обеспечивает достаточно высокую степень эквивалентности. Однако и здесь существуют некоторые ограничения. Во-первых, нужно убедиться, что при этом сохраняются эмоциональное и стилистическое значения фразеологизма. Английское «Jack of all trades» и русское «мастер на все руки» оба относятся к человеку, который может заниматься самыми разными делами. Однако русский идиом не является фразеологическим аналогом английскому, поскольку у них не совпадают эмоциональные значения. По-русски это, действительно, мастер, умелец в положительном смысле, а по-английски это — master of none, то есть неумеха, портящий все, за что берется. Аналогичным образом, русский фразеологизм «черного кобеля не отмоешь добела», принадлежащий к разговорному стилю, нельзя использовать для перевода английского литературного идиома Can the leopard change his spots? Во-вторых, этот способ перевода неприменим в тех случаях, когда в переводящем языке фразеологизм обладает ярко выраженной национальной окраской. Как правило, перевод передает то, что, как предполагается, сказано иностранным автором оригинала, и было бы странно, если в переводе, скажем, английский лорд заявлял, что не следует «ездить в Тулу со своим самоваром».

Третий тип фразеологических соответствий создается путем калькирования иноязычной образной единицы: «People who

live in glass houses should not throw stones» — «Люди, живущие в стеклянных домах, не должны бросать камни». Соответствия-кальки обладают определенными достоинствами и достаточно широко используются в переводческой практике. Во-первых, они позволяют сохранить образный строй оригинала, что особенно важно в художественном переводе. Во-вторых, они дают возможность преодолеть трудности, которые возникают, когда в оригинале образ обыгрывается для создания развернутой метафоры. Так, английский фразеологизм «It is raining cats and dogs» обычно переводится «Дождь льет как из ведра», но когда автор пишет «It was raining cats and dogs and a little puppy got on my page», переводчик может предпочесть кальку, чтобы можно было обыграть тот же образ (возможно, с поясняющими дополнениями типа «как говорится», как «говорят англичане» и т.п.), например: «Был такой дождь, будто, как говорят англичане, с неба сыпались кошки и собаки, и один маленький щенок упал мне на страницу». Эти преимущества фразеологической кальки побуждают порой переводчика использовать такой способ перевода даже при наличии эквивалента или аналога. У русской пословицы «Соловья баснями не кормят» есть английский фразеологический аналог «Fine words butter no parsnip», но переводчики нередко предпочитают кальку «Nightingales are not fed on fairy-tales».

Создавая соответствие-кальку, переводчик должен быть уверен, что образ в исходной единице достаточно «прозрачен» (мотивирован) и его воспроизведение в переводе позволит рецептору перевода понять передаваемое переносное значение. Нетрудно понять, например, калькированный фразеологизм «Он недостоин и воду таскать для нее» (He is not fit to carry water for her), а иноязычное происхождение кальки «ставить телегу впереди лошади» (to put the cart before the horse) вообще не ощущается, настолько ясно осознается, что это значит нарушить правильную последовательность действий. При отсутствии подобной мотивированности калькирование фразеологизма становится невозможным. Это чаще всего происходит, когда переводчик имеет дело с так называемыми фразеологическими сращениями, калькирование которых сделает перевод бессмысленным. Хотя происхождение таких фразеологических единиц может быть обычно обнаружено путем специальных исследований, оно, как прави-

ло, мало известно самим рецепторам оригинала, и их переносное значение не выводится из самого образа. Далеко не все русские, употребляющие выражение «ни зги не видно», знают, что такое «зга». Понятно, что английская калька «You cannot see a zga» будет лишена всякого смысла, даже если объяснить, что зга — это колокольчик на дуге лошади. Мы знаем, что «бить баклуши» значит «бездельничать», но калька «to beat baklushas» будет абсолютно бессмысленной. В английском языке существует фразеологизм «to mind one's P's and Q's», означающий «соблюдать осторожность, держать ухо востро». Многие англичане не знают, откуда у него такое значение, хотя имеется ряд предположений о его происхождении. По одной из них, когда-то в английских пивных висела доска, на которой отмечалось количество пинт (pints) и кварт (quarts), выпитых посетителем. И тому рекомендовалось обращать внимание на эту запись, то ли, чтобы его не обманули, то ли, чтобы не «перебрать». Понятно, что в любом случае этот фразеологизм не будет скалькирован в русском переводе. Калькирование образа широко используется для передачи национально-этнического значения исходного фразеологизма «to carry coals to Newcastle» — «возить уголь в Ньюкастл». Но и в этих случаях переводчику приходится заботиться о том, чтобы образ был понятен рецептору перевода (а для этого необходимо, например, знать, что Ньюкастл — это центр угледобычи в Англии), и при необходимости обеспечивать полноценность понимания с помощью соответствующих сносок и примечаний.

Еще одна забота переводчика при создании фразеологической кальки заключается в том, чтобы придать ей подходящую форму крылатой фразы. Для этого иногда целесообразно приблизить кальку к уже имеющемуся образцу. Так, для перевода английской пословицы «Rome was not built in a day» не может быть использован русский фразеологизм с таким же переносным значением — «Не сразу Москва строилась» — из-за его национальной окраски. Можно дать точную кальку «Рим не был построен за один день», но еще лучше приблизить ее к русской пословице «Не сразу Рим строился».

В тех случаях, когда переводчику не удастся воспользоваться ни одним из рассмотренных типов фразеологических соответствий, ему приходится довольствоваться передачей

одного переносного значения фразеологизма. Английская идиома «to dine with Duke Humphrey» возникла по одной из версий в связи с тем, что нищие просили подаяние на паперти одной из лондонских церквей, где был похоронен некий герцог Гемфри. В русском языке у нее нет прямых соответствий, а калька «обедать с герцогом Гемфри» не дает представления о ее переносном значении. Придется удовлетвориться скромным «ходить голодным, остаться без обеда». Вот еще пример, связанный с английской юридической практикой. Выражение «to cut off with a shilling» связано с тем фактом, что если отец хочет лишить сына наследства, то он не может просто не упомянуть его в завещании, поскольку в этом случае завещание может быть оспорено. Поэтому он пишет «А сыну моему любезному завещаю один шиллинг», показывая, что он не забыл о сыне, а сколько он ему оставил, на то его родительская воля. В переводе это будет просто означать «лишить наследства».

Мы рассмотрели основные типы лексических и фразеологических соответствий. Теперь кратко остановимся на грамматических соответствиях. Выбор грамматической формы при переводе зависит не только и не столько от грамматической формы оригинала, сколько от ее лексического наполнения, то есть от характера и значения лексических единиц, получающих в высказывании определенное грамматическое оформление. Поэтому для грамматических единиц ИЯ не обнаруживается единичных соответствий, которые постоянно или хотя бы в большинстве случаев использовались в переводе, когда в оригинале появляется данная единица. Множественные соответствия грамматическим единицам ИЯ также отличаются от лексических. Среди них различаются однотипные и разнотипные соответствия. Однотипные соответствия обладают аналогичным грамматическим значением в обоих языках, а иногда и аналогичным названием. При использовании однотипного соответствия значение данной грамматической единицы оригинала передается в переводе с наибольшей полнотой. Такие соответствия имеются, главным образом, в языках, где, в основном, совпадают принципы выделения грамматических категорий. Таковы, например, русское и английское существительное, русская и английская категория числа и т.д. Разнотипное

соответствие не совпадает с исходной единицей по определению и названию (например, английское наречие и русский предложный оборот в функции обстоятельства).

Когда в обоих языках имеются синонимичные грамматические единицы, то между ними образуется особый тип соответствий — *взаимно эквивалентный*. Это означает, что у данной единицы ИЯ одинаково часто обнаруживаются как однотипные, так и разнотипные соответствия. Например, причастные обороты и придаточные определительные предложения в английском и русском языках образуют единую группу соответствий, в которой каждый русский компонент служит соответствием любому английскому компоненту. Иначе говоря, при переводе, скажем, английского причастного оборота может использоваться как придаточное определительное предложение, так и аналогичный русский причастный оборот. Рассмотрим такое предложение «He was guest of honour at a reception given for delegates to the world youth forum which opened here last Wednesday». В этом примере имеется как причастный оборот, так и придаточное определительное предложение. Для каждого из них может быть использовано либо причастие, либо придаточное предложение в русском переводе, «given» может быть переведено как «устроенный» или как «который был устроен», а «which opened» — как «открывшегося» или как «который открылся». Здесь однотипное и разнотипное соответствия являются практически взаимозаменяемыми, если отвлечься от некоторых стилистических тонкостей.

В области грамматики также обнаруживаются единицы ИЯ, у которых в ПЯ нет прямых соответствий. И здесь наличие безэквивалентной единицы не является препятствием для установления отношений эквивалентности между высказываниями в оригинале и в переводе. При этом можно выделить три основных случая.

1. Нулевой перевод, то есть отказ от передачи значения грамматической единицы вследствие его избыточности. Грамматическое значение нередко дублируется с помощью иных лексических или грамматических средств. В таких случаях безэквивалентная единица получает в переводе «нулевое соответствие», то есть попросту говоря, опускается, например: (а) «Give me the book

that you bought yesterday» — «Дай мне книгу, которую ты купил вчера», (б) «By that time he had already left the country» — «К этому времени он уже уехал из Англии». В первом из этих предложений значение определенного артикля дублируется смыслом придаточного предложения, во втором — значение предшествования, выраженное формой Past Perfect избыточно из-за наличия в высказывании лексических указателей предшествования «к тому времени» и «уже».

2. Приближенный перевод, который заключается в использовании в переводе грамматической единицы ПЯ, частично соответствующей безэквивалентной грамматической единице ИЯ в данном контексте. Так, абсолютный причастный оборот в современном английском языке не имеет регулярно русского соответствия. Он обладает комплексным значением, объединяющим ряд обстоятельственных отношений. Однако в конкретном высказывании на первый план может выдвигаться один или два вида таких отношений (временных, причинно-следственных, уступительных, условных и пр.), что позволяет приравнять к значению абсолютного оборота значение соответствующей русской структуры. В следующем примере абсолютный оборот имеет явно временную функцию «Business disposed of, Mr. Swiveller was inwardly reminded of its being high dinner time» — «Когда с этим делом было покончено, организм мистера Свивеллера напомнил ему, что давно настал час обеда».

3. Трансформационный перевод, который заключается в передаче значения безэквивалентной единицы с помощью одной из грамматических трансформаций, рассмотренных в предыдущей лекции. В следующем примере абсолютный оборот с предлогом with заменяется в русском переводе самостоятельным предложением (прием членения предложения): «The old capitalist and bureaucratic managements remained the directors and managers of the new nationalized industries, with a few right-wing trade-union officials thrown in for luck» - «Старые хозяева и административное руководство стали директорами и управляющими новых национализированных предприятий. Кроме того, было добавлено для вида несколько правых профсоюзных чиновников».

В.Н.Комиссаров

Итак, мы с вами рассмотрели основные принципы классификации переводческих соответствий, разработкой которых занимается общая теория перевода. Описание системы таких соответствий для конкретных комбинаций языков — задача частных теорий перевода этих языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М., 1975

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования — М., 1981.

Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980

Маслов Ю. С. Введение в языкознание. — М., 1975

Реформатский А. А. Введение в языковедение. — М., 1996

Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

Часть 1. ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Лекция № 1.</i> Перевод как объект лингвистического исследования.....	11
<i>Лекция № 2.</i> Лингвосемиотические основы переводоведения.....	27
<i>Лекция № 3.</i> Текстологические аспекты переводоведения.....	46
<i>Лекция № 4.</i> Культурологические и социологические аспекты переводоведения.....	63

Часть 2. ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

<i>Лекция № 5.</i> Перевод в современном мире.....	81
<i>Лекция № 6.</i> Общая характеристика современной теории перевода.....	105
<i>Лекция № 7.</i> Переводческая эквивалентность.....	117
<i>Лекция № 8.</i> Прагматические аспекты перевода.....	138
<i>Лекция № 9.</i> Методы описания процесса перевода.....	155
<i>Лекция № 10.</i> Переводческие соответствия.....	174
<i>Литература</i>	189